

The book cover features a dramatic illustration of a medieval battle scene. In the foreground, a knight in chainmail and a conical helmet is mounted on a brown horse, aiming a bow. To his left, another knight on a brown horse is also on horseback, holding a spear. In the background, more knights on horseback are visible, along with a large stone monolith on the right. The sky is filled with golden light and clouds, suggesting a sunset or sunrise. The title is set within a decorative, ornate frame with intricate knotwork patterns on the sides.

ЛУНА НАД НЕВРИДОЙ

ВАЛЕРИЙ ЛЕДНИК

В произведении пойдет речь о событиях происходивших в Полоцком княжестве XI ст., во времена правления князя Всеслава Брючиславовича, о котором на Руси ходили слухи что он волколак. Повествование происходит от имени волколака Светозара, находящегося на службе у князя. Для оценки представлена первая часть произведения.

Ледник Валерий Александрович

Луна над Невридой

Вступление

Я был еще ребенком, когда наша семья решила отправиться в Полоцк. Решение о переезде было не простым для моего отца, но мать отца поддержала; она всегда была на его стороне. Умение создать в доме уют и атмосферу понимания были особенностью моей матери, и какие бы тяжелые времена не были у нашей семьи, ее поддержка всегда давала отцу силы справиться с любыми трудностями.

В ночь перед дорогой я не мог уснуть, представляя себе приключения, которые ждут меня и родителей в пугающем, но таком манящем путешествии. Однако реальность оказалась не такой радужной, как я себе представлял, нас ждала очень трудная дорога, полная тягот и лишений.

То и дело нам приходилось пробираться заросшими лесными тропами или просить встречных рыбаков перевезти нас через реку. На дворе стояла весна, и ноги постоянно вязли в размокшей глине, но вместе с тем воздух наполнялся неповторимым дурманящим запахом пробудившейся после ледяного сна смерти природы. Солнечные лучи отражались в тысячах сияющих ручьев, которые, переливаясь, озаряли окружающий мир мириадами разноцветных проблесков. словно побеждая ночь, дни становились все длиннее, природа все ярче, и мои отец и мать были полны надежд на перемены к лучшему после прибытия в Полоцк.

Встречные жители были не особо рады прибывшим неведь откуда чужакам, да и заплатить за ночлег нам было нечем, однако нас принимали и угощали в случае необходимости. Таковы были традиции. Кроме того в те времена за пределами городов был еще силен страх перед языческим богом Перуном. Как считалось, бог Перун ходит по земле в образе нищего путника, может постучать в любой дом и жестоко покарать негостеприимных хозяев.

Тогда в странствиях я побывал во многих домах, видел разных людей и различные судьбы. Особенно мне запомнился дом в одном из встречных сел, где жили хозяин дома с женой и две дочери. Одну из дочерей звали Дарина. Это была молодая, очень стройная и симпатичная девушка с русыми волосами и большими яркими зелеными глазами. Как только мы вошли в дом, увидев меня, пятилетнего, но очень серьезного мальчишку, Дарина мне улыбнулась. Жизнерадостность и смех этой девушки притягивали. Последнее, что я о ней помню, это как Дарина принесла в дом ветки распустившейся вербы и, легонько ударив меня одной из веток по плечу, звонко засмеялась, а после поставила ветки в воду. Я и сейчас вспоминаю те дни с улыбкой, образ Дарины, красивой улыбающейся девушки с ветками распустившейся вербы в руках, стал для меня символом обновления и нового этапа в моей жизни.

Наконец, мы добрались до земель, где было очень много озер. Такое количество сияющих озер в одной местности нас поразило. Земли этого края отличались спокойствием и размеренностью, и местные жители, как мне показалось, были необычайно приветливы. На холме мы увидели большую крепость. От местных жителей отец узнал, что это крепость Браслав, одна из пограничных крепостей Полоцкого княжества, в которой служит гарнизон из варягов.

— Наконец-то мы в Полоцком княжестве, скоро будем в Полоцке, — вздохнув, сказал

мой отец.

Решив устроиться на ночлег в этих местах, мы направились к местным селениям и столкнулись с вышедшим нам навстречу варягом. Я впервые увидел варяга, и это зрелище меня поразило. На вид это был воин огромного роста, с очень суровым взглядом, закованный в звенящие доспехи и вооруженный внушительным мечом. Варяг шел очень уверенно, даже несколько нагло, будто чувствуя себя хозяином этих земель. Грозный вид и самоуверенность этого воина словно давали понять, что мы зашли на земли сильной военной державы.

На ночь нас устроил у себя хозяин дома из местного села. Он был невысокого роста, широк в плечах и на вид ему было лет сорок. Хозяин провел нас в свой дом, где мы столкнулись с его женой, полноватой, некрасивой, но добродушной женщиной того же возраста, детей в доме не было. Вытянутый дом с двухскатной крышей стоял чуть поодаль от основного селения. Хозяин дома рассказал нам, что у него часто останавливаются путники, поскольку рядом проходит крупный торговый путь, и в этих краях купцы перетаскивают между реками корабли по суше.

Несмотря на проходившую неподалеку оживленную торговлю, тишина и спокойствие этих краев завораживали. Нам хотелось скорее поесть и лечь спать с дороги в этих чудесных тихих местах. Хозяин нас сытно покормил и развлекал рассказами, услышанными от путников, гостивших у него. Мой отец остановил свой взгляд на фигурках людей, птиц и зверей, находившихся в доме гостеприимного хозяина, и взял одну из фигурок в руки. Это была фигурка человека, и после ее осмотра, хорошее настроение отца будто испарилось.

— Из чего это сделано? — нахмурившись, спросил мой отец.

— Я мастерю фигурки из кости добытых мною на охоте животных, — с улыбкой ответил хозяин.

Дело вполне обычное, многие тогда резали предметы из дерева и кости, но оставшуюся часть застолья мой отец сидел задумчивый и очень серьезный.

Наконец хозяин устроил нас на ночлег.

— Будь на чеку, мне не нравится этот дом, — шепнул отец моей матери.

Отец положил нас к стене, а сам устроился ближе к двери.

От слов отца я почувствовал страх. В полудреме мы лежали несколько часов. Внезапно к нам в комнату тихо зашел хозяин дома с ножом в руке, от его приближения по моему телу пробежала дрожь. И тут мой отец открыл глаза и бросился на него.

— Этого не может быть! Я же подсыпал вам в еду порошки, люди от них моментально засыпают! — закричал хозяин.

— Так значит фигурки из кости лесных животных, добытых на охоте? Я сразу же понял по запаху, что это человеческая кость! — закричал отец, выворачивая руку с ножом хозяина дома.

— Кто ты такой? — испуганно закричал хозяин.

— Я тот, кто несет тебе смерть! Ты думал, что ты сегодня охотник? Нет, ты дичь! — усмехнувшись, сказал мой отец.

После этого стало происходить что-то невероятное для хозяина дома. Мой отец спокойно и с улыбкой вынул из дрожащей от напряжения руки противника нож, потом отца начало сильно трясти, его голова и руки стали покрываться шерстью и менять свою форму. Вскоре чудовище с волчьей головой и чем-то средним между руками и лапами предстало перед забившимся в угол от ужаса хозяином.

Тут в комнату с жутким криком ворвалась хозяйка дома с ухватом. С появлением хозяйки отец растерялся. Но, увидев кулон из кости, надетый на шее хозяйки, и услышав испуганные вопли моей матери, он резко оскалился и одним ударом лапы разбил хозяйке голову о стену, а затем накинута на хозяина и перегрыз ему глотку. После мой отец принял человеческий облик, но какое-то время он сидел, неподвижно уставившись в пол, все его тело трясло, а глаза сверкали безумием. Тогда моя мать обняла отца и сказала мне срочно собирать вещи. Перед уходом мать и отец подожгли дом. Шум пожара и яркий свет пламени ворвались в тишину здешних тихих краев.

Мы снова были в бегах, но все же предчувствие перемен к лучшему становилось все сильнее по мере приближения к Полоцку.

Волчий народ.

Отец рассказывал мне, что наши предки испокон веков жили на берегах рек Наура и Припять, и так же, как и соседние народы, они занимались земледелием и скотоводством, а в свободное от домашнего хозяйства время охотились и ловили рыбу. Но мои предки наводили ужас на соседей, так как в отличие от них они умели превращаться в волков. Особенно долго в виде волка они могли оставаться в период полных фаз Луны. Именно Луна была своеобразной волчьей звездой, она влияет на все живое, морские приливы и отливы — это лишь наиболее заметные ее проявления. Жизнь морских существ, мир растений и сообществ зверей — все подвластно Луне, свет луны и ее сила покровительствовали моему народу.

Мои предки помнили, что когда-то прибыли с берегов реки Вислы, покинув свои земли из-за бесконечных войн с очень многочисленными чужаками, которые поклонялись змеям и хоронили своих сородичей в глиняных урнах с изображением человеческих лиц.

Мой народ сражался отважно, но чужаков было слишком много, и когда встал вопрос жизни и смерти, мои предки отправились на поиски лучшей судьбы. Поднявшись по реке Науре, которую сегодня называют Нарев, мои предки поселились на берегах Припяти.

Во время моих странствий, в Константинополе, я узнал, что о моем народе упоминал еще древнегреческий историк Геродот. Во время своего путешествия в Великую Скифию, Геродот слышал о стране Невриде и населявшем ее народе — неврах, проживающих в районе реки Припять и состоящих в военном союзе со скифами. Проводники уверяли Геродота, что невры умели превращаться в волков.

Соседи называли мой народ неурами или неврами, от названия реки Наура, с берегов которой мои предки пришли в землю скифов.

Жизнь моего народа была прекрасна, его девушки были стройны и очень красивы, а парни сильны и мужественны. От природы представители моего народа жили дольше обычных людей. Предки моего отца совместно возделывали землю яркими солнечными днями, а ночью парни с девушками обнимались на берегу Припяти, любуясь отражением звездного неба и луны в водных заводях, или танцевали и пели древние песни, озаряемые пламенем костров.

Умение превращаться в волков давало возможность иногда охотиться стаей, отец рассказывал что это уникальное чувство — когда ты загоняешь добычу, чувствуя тепло и сердцебиение своих близких и добычи. А более развитое обоняние и слух, в облике волка, давали возможность лучше изучить лес и услышать своеобразную и невероятно красивую мелодию леса, сливающуюся с ритмом сердец стаи, бьющихся в одном порыве. Почувствовать взаимосвязь всего живого на Земле и связь всего живого с Луной, освещающей целую Веселенную мелодий и ароматов, воплотившуюся в ночном прибрежном лесу.

Эти мелодии ночного леса мои предки играли в полях, когда пасли скот, возле огромных курганов, в которых покоились их цари и близкие. Умение превращаться в волков было полезно и пастухам. Мой народ жил в гармонии с природой и окружающим миром, однако этой гармонии не суждено было длиться вечно.

Соседние народы ненавидели моих предков, и если у них пропадали люди или волки утаскивали скот, был неурожай или болезни — во всем этом винули моих предков, немногочисленный, но отважный народ волколаков. И когда началось новое переселение народов и все были вынуждены сражаться за свою землю, соседи объединились и перебили большую часть моего народа. Оставшиеся в живых были вынуждены покинуть свои дома и скрываться в лесной чаще.

С тех пор начался период позорного бегства и унижений. Как только люди узнавали, что рядом с ними живут волколаки, они пытались прогнать или убить их. Впрочем, небольшую часть волколаков взяли к себе некоторые племена — в качестве жрецов. Слухи о князе-волке привели моего отца к мысли, что это может быть правдой. А если полоцкий князь Всеслав действительно волколак, то, возможно, он возьмет моего отца и его семью, под свою защиту, к себе на службу.

К тому моменту жители соседних селений уже искали нашу семью для расправы. Казалось, со дня на день они нас найдут, и мои родители жили в постоянном страхе.

— Мы не дикие звери, чтобы вечно жить в лесу и ждать облавы, нужно идти в Полоцк! — сказал мой отец.

Уже отправившись с вещами по лесной тропе, мы увидели столб дыма, поднимающийся над лесом — это охотники наши и подожгли наш дом. С этого и начался мой нелегкий путь.

Город Полоцк был на пике своего могущества, Полоцкое княжество процветало за счет очень прибыльного торгового пути "из варяг в греки", который связывал Западный мир с блистательной Византийской империей. Полоцк встретил нас шумной суетой, никто не обращал на нас никакого внимания, город всегда был полон гостей: иностранных купцов, наемников варягов, представителей многочисленных прибалтийских племен. Приехав в Полоцк, мы застали строительство Софийского собора, храма столь огромного и величественного, какого мне и моему отцу еще никогда не приходилось видеть. Даже еще недостроенный, он поражал воображение своими масштабами, богатством и величием. Руководили строительством зодчие-византийцы. Специалистов из великой Византийской империи пригласил полоцкий князь Всеслав специально, чтобы построить этот храм и не уступать соседним богатейшим городам — Киеву и Новгороду, в которых также были построены Софийские соборы.

Не менее величественным, чем город и Софийский собор, мне показался и сам полоцкий князь Всеслав. Он принял нас в большом ясеневом тереме.

Внешний вид полоцкого князя был частью блеска его державы. Князь Всеслав был одет в длинный плащ из красного бархата — корзно. Плащ был застегнут на правом плече золотой фибулой в форме головы волка, в глаза которого были вставлены изумруды, из-под плаща виднелась зеленая рубаха, рукава и воротник которой были обшиты шелковой лентой и украшены золотой нитью и жемчугом. Шелковые штаны князя были коричневого цвета, их украшали вышитые на штанинах два золотых грифона, обут князь Всеслав был в сапоги зеленого цвета. И плащ и сапоги князя покрывали растительные узоры, вышитыми золотой нитью. На голове князя была полусферическая зеленая шапка с ободком из собольего меха.

Но при встрече с Всеславом поражала не только роскошная одежда. Еще молодой, князь имел суровые черты лица, которые словно дополняли холодные серые глаза с очень тяжелым взглядом, видимо, доставшимся князю в наследство от его предков-викингов. Небольшой широкий шрам над бровью князя, полученный в войне со степняками торками, отражал богатый жизненный опыт Всеслава.

Князь был высокого роста и на плечах его плащ покрывали длинные русые волосы.

Всеслав сидел задумавшись, не обращая никакого внимания на введенных дружинниками в терем моего отца и меня с матерью. Но, несмотря на отвлеченность князя и его спокойный вид, во всем ощущалось напряженная гнетущая обстановка под влиянием величественного и сурового вида Всеслава. Я же не мог оторваться от золотой звероподобной фибулы князя, детали, которая лишь подчеркивала напряженную атмосферу в тереме.

Всеслав был правителем огромной могущественной державы, чьи владения раскинулись на сотни километров, от прибалтийских городов Кукенойс и Герцике до окрестностей города Менска. Конечно, у столь значительного правителя, как Всеслав, было множество своих забот.

Впоследствии мой отец вспоминал, что, когда молчаливые дружинники ввели его с семьей в терем, и он очутился перед лицом отрешенного и сурового князя Всеслава, у отца внезапно ослабели и начали трястись ноги, язык онемел и сердце начало бешено колотиться.

— Мне сказали, что ты хотел меня видеть, и у тебя есть какие-то важные новости из Киева, — гулко и жестко произнес Всеслав, даже не посмотрев на моего отца.

— Простите меня, ваша светлость, это был лишь повод, чтобы с вами встретиться, — дрожащим голосом сказал отец.

— Вот как? Это уже интересно. Тогда скажи мне, калека перехожий, для чего ты хотел со мной встретиться? — раздраженно спросил князь Всеслав и перешел на крик: — Для чего ты отвлек меня от дел?

— Я хотел попроситься к вашей светлости на службу, — запинаясь, ответил отец.

— Неужели? И зачем ты мне нужен, нищий поберушка? — уже с усмешкой спросил Всеслав.

— Я, моя жена и мой сын — мы потомственные волколаки, — обреченно, полупшепотом произнес отец так, чтобы его услышал только князь.

И тут князь Всеслав изменился в лице, он попросил дружинников удалиться из терема и подождать за дверью, оставив лишь одного дружинника по имени Ратимир. Затем князь Всеслав обошел отца и меня с матерью, став вплотную к дверям в сопровождении Ратимира. Всеслав нас не боялся, но даже в случае непредвиденного развития событий, князь находился у дверей, открывавшихся наружу, за которыми ждала дружина, и Всеслав ничем не рисковал.

— Чем ты можешь доказать, что ты волколак? — серьезно и жестко спросил Всеслав, наконец внимательно посмотрев на отца.

Но мой отец растерялся, от волнения его прошиб пот, видимо, отец хотел что-то объяснить полоцкому князю, но вместо слов послышались лишь невнятные звуки дрожащего голоса. Тут вмешался дружинник Ратимир:

— Ваша светлость, вы перепугали их до смерти, посмотрите на этого человека, — и Ратимир с усмешкой указал на моего отца, — он не может ответить на ваш вопрос, как бы он сейчас вообще сознание не потерял.

От слов Ратимира князь Всеслав улыбнулся, и угнетающая обстановка в тереме словно начала рассеиваться.

— Как же мне все это надоело, какими все стали слабаками. Честный человек не должен бояться вопросов власти, — устало вздохнув, сказал Всеслав.

— А честная власть тоже не должна бояться вопросов подданных? — с улыбкой спросил Ратимир.

— Запомни Ратимир: власть не справедлива по своей природе, поэтому честной власти нигде и никогда не бывает! А теперь быстро приведи нашего незваного гостя в чувство, — уже суровым тоном сказал князь Всеслав.

— Успокойся и соберись, у князя мало времени и он не любит людей лживых и всяких шарлатанов, твое заявление очень серьезное и требует доказательств. Можешь ли ты чем-нибудь доказать, что ты волколак, подумай, от этого зависит твоя судьба, — достаточно дружелюбным, но серьезным тоном сказал Ратимир.

От приободрения Ратимира отец несколько пришел в себя.

— Хорошо, я докажу! — все еще с волнением, но уже внятно сказал отец.

Моего отца начало трясти, в судорогах он упал и стал кататься по полу, его руки и голова вытянулись и покрылись шерстью, через мгновение отец превратился в огромного серого волка, к изумлению князя и Ратимира. От такого зрелища князь Всеслав машинально схватился за рукоять своего меча. Затем волка начало трясти, и после судорожных конвульсий мой отец снова превратился в человека и суетливо начал надевать на себя одежду.

— Я слышал, что вы, ваша светлость, также умеете превращаться в волка? — осмелился спросить у ошарашенного князя отец.

— Это не твое дело, и впредь не задавай мне подобных вопросов, если хочешь жить. Но поскольку это в моих интересах, я тебе отвечу, что это правда. За свою жизнь я превращался в волка лишь пару раз, и то по глупости и молодости. И больше я не собираюсь этого делать никогда. На Руси и так ходят слухи, но пока это лишь слухи, а вот если появятся доказательства, у меня и у моей семьи будет масса проблем. И ты, поберушка, будешь молчать о нашем разговоре, иначе я расправлюсь с тобой и твоей семьей.

Услышав угрозы князя, отец покорно поклонился, а Всеслав продолжал:

— Раз уж передо мной потомственный волколак, то и я задам тебе пару вопросов.

— Спрашивайте, ваша светлость! — неуверенно сказал отец.

— Известно ли тебе, откуда появились волколаки? Это проклятие или нечто другое? И я слышал, что волколаки живут намного дольше людей, но я старею, как обычный человек, что тебе об этом известно?

— Светлейший князь, волколаки — это представители древнего народа, ныне почти исчезнувшего и забытого. Что касается появления волколаков, то у моего народа была

легенда, объясняющая это, но в нее не верили даже мои предки. Если ваша светлость пожелает, я могу ее рассказать, — сказал мой отец и посмотрел на князя.

— Рассказывай! — сказал князь Всеслав, махнув рукой и переглянувшись с озадаченным Ратимиром.

— Старые мудрецы говорили, что когда-то давно в соседних селениях жили парень и девушка, которых звали Линас и Гражина, они очень любили друг друга и хотели пожениться. Но Линас был беден и отец Гражины не хотел выдавать свою дочь за него.

Однажды к девушке посватался местный очень богатый старый колдун Юргис, и отец девушки, вопреки ее мольбам, отправил ее в дом колдуна. Узнав о судьбе своей любимой, Линас не растерялся, собрал своих товарищей и выкрал Гражину перед самой свадьбой. Линас и Гражина укрылись в лесу и решили, что там же в лесу и поженятся, и тогда колдун от них отстанет, а отец девушки рано или поздно их простит.

В день, когда на солнечной лесной поляне влюбленные играли свадьбу, собрав своих друзей и близких, к ним явился колдун со своими людьми. Увидев колдуна, Линас с друзьями взялся за оружие, готовый до смерти защищать свою любимую. Но колдун не собирался сражаться, подойдя к свадебному столу, Юргис сказал:

— Вы выкрали мою невесту и забрали ее в лес, словно волки добычу, так волками и оставайтесь!

Сказав эти слова, Юргис перебросил через свадебный стол волчью шкуру, и Линас с Гражиной, вместе со всеми гостями, превратились в волков, а колдун исчез. Долго молодожены и их друзья бродили по лесу в облике волков. Они подходили к селениям и капищам различных божеств, но их отовсюду прогоняли, и лишь жрица богини лесов Медейны, как только увидела эту стаю, сразу все поняла. Жрица сказала им:

— Вы волки, а бродите как потерявшийся в лесу домашний скот, проявите же отвагу. Скоро будет день полнолуния, и вам нужно в этот день найти волчью шкуру, брошенную колдуном. Затем вы должны убить колдуна и сжечь волчью шкуру до наступления темноты. Только тогда вы снова станете людьми.

Линас с друзьями так и сделал, нашел волчью шкуру, выследил колдуна и напал на его дом ранним утром. Но Юргис бросился бежать, и на то, чтобы догнать и убить его, у стаи ушел весь день.

Поздним вечером, валяясь израненный на земле, Юргис смеялся над ними:

— Думаете теперь все закончится? Нет, в наших краях день короток и вы опоздали!

После смерти колдуна, Линас и Гражина, вместе с родственниками и друзьями, вновь приняли человеческий облик, однако сжечь волчью шкуру до наступления темноты они не успели. Под светом луны волчья шкура превратилась в сверкающую пыль, которую разнес ветер. После исчезновения волчьей шкуры у Линаса с Гражиной и их друзей осталась способность превращаться в волков по своей воле. Кроме того, вскоре они заметили, что стареют намного медленнее обычных людей. Так появились первые волколаки.

Что касается вашего старения, светлейший князь, это видимо связано с тем, что в вас кровь волколака разбавлена кровью обычных людей, о подобных случаях мне рассказывали мои сородичи, — уже спокойно сказал мой отец.

— Интересная языческая байка. Так что тебя с твоими родными привело в Полоцк? — жестко спросил Всеслав.

— Светлейший князь, на меня и мою семью постоянно устраивают облавы, мы вынуждены либо жить в лесной глуши, как звери, либо в постоянном страхе, и я бы хотел

вместе с семьей поселиться в Полоцке и верно служить вам.

В тереме наступила тишина, полоцкий князь задумался, было видно, что князя Всеслава терзали сомнения, как с нами поступить. Всеслав посмотрел на меня и мою мать, наша семья в глазах князя должно быть имела жалкий вид, на лице моей матери читались отчаяние и безысходность, отец стоял в волнительном ожидании, опустив голову перед князем.

— Как зовут тебя и твоих родных? — наконец нарушив тишину, спросил князь Всеслав.

— Зовут меня Горислав, мою жену зовут Снежана, а имя сына — Светозар, — ответил мой отец.

— Подойди ко мне, Светозар! — сказал князь.

Я подошел к Всеславу, и князь положил мне руку на плечо и сказал с улыбкой: — Крепкий у тебя сын, ну что, Светозар, будешь верно служить мне и моим потомкам?

— Да, ваша светлость! — взволнованно и громко ответил я.

— Ладно, Горислав, сегодня я потратил слишком много времени, выслушивая твои сказки. Видно язык у тебя подвешен, я беру тебя и твою семью к себе на службу, Ратимир покажет вам дом, где вы можете поселиться, но вы не должны как дикие звери бегать волками по городу, не должны трогать местный скот, не говоря уже о людях, и вообще, полочанам старайтесь попадаться на глаза как можно реже. Если что-нибудь учините или попадетесь по глупости, то и я вас не смогу спасти, с вами расправится церковь.

Духовное основание Полоцка

Ратимир поселил нашу семью в небольшом деревянном доме на окраине города так, что лес находился в нескольких десятках метров от дома. Такое расположение дома было весьма кстати, в любой момент, в случае опасности, наша семья могла сбежать. Моему отцу начали платить приличное жалование, и он купил матери дорогие ткани, украшения со стеклянными и серебряными фигурками, стеклянные браслеты и дорогую, вышитую узорами обувь. Мать была счастлива, наконец-то покой и достаток вошли в нашу семью. Для меня отец мастерил игрушки, ходил со мной на охоту и брал с собой в город посмотреть на скоморохов.

Я быстро подружился с местной детворой, в этот период мое детство было беззаботным и ярким. Вспоминая детство, я понимаю, что в традициях сурового народа полотчины даже детские игры тренировали силу и ловкость и приучали детей к обыденности смерти.

Так, например, игра в "ножечки", когда нож метали в землю и в цель, с детства приучала детей к ловкости владения ножом. Игра в "камушки" также была направлена на развитие ловкости. Для нее бралось восемь маленьких камушков, в начале семь камушков оставляли на столе, а восьмой подкидывали в воздух, и нужно было успеть спрятать камушки со стола и словить подкинутый камушек. Затем на столе оставляли шесть камушков, а поймать нужно было уже два подкинутых и т. д. В конце на столе оставался только один камушек, который нужно было успеть спрятать и в тоже время поймать семь подкинутых.

Владение своим телом развивала игра в "падение на живот". Смысл ее был в том, чтобы

стать на колени а руки сложить за спиной и в этом положении падать вперед, не раскладывая рук. Главным было упасть так, чтобы не разбить лицо. Равновесие и силу развивала также ходьба на самодельных ходулях.

Мое яркое воспоминание из детства — игра в "покойника": выбранный человек ложился на спину, как покойник, скрещивая руки на груди и закрывая глаза. Затем окружающие дети начинали петь хором:

— Умер покойник во вторник, пришли девки хоронить, а он уже глядит, сидит, стоит, бежит!

При последних словах, выбранный человек вначале открывал глаза, затем садился, потом поднимался на ноги и бросался вдогонку за окружающей детворой, до кого "покойник" дотрагивался, тот занимал его место.

Со своими сверстниками я часто выбирался на берег Двины и с интересом наблюдал за прибытием кораблей в полоцкий порт с самыми разнообразными товарами. Речь далеких и близких народов разносилась над полоцкими берегами.

Отец занимался торговыми сделками от имени полоцкого князя. Пару раз его отправляли в Новгород, где он от информаторов князя Всеслава узнавал последние новости придворной новгородской жизни.

Вскоре отец обратил внимание, что на знамени города Полоцка, в отличие от других городов Руси, был вышит не трезубец, символизирующий княжескую власть рода Рюриковичей, а воин, сидящий на коне в доспехах, развернутый в правую сторону и держащий в правой руке меч, поднятый лезвием вверх.

Моему отцу стало интересно, почему полоцкое знамя так отличается от знамен других городов, и однажды, после очередной пирушки у князя Всеслава, он спросил об этом Ратимира.

— Это долгая история, на полоцком знамени изображен святой Тимофей Полоцкий, — немного сбивчиво и добродушно ответил пьяный Ратимир.

Ответ Ратимира лишь подогрел интерес отца.

— Время есть, расскажи мне про святого Тимофея, кто он такой? — стал просить отец Ратимира.

— Может для вас, волколаков, ночь — это время для разговоров, а я за сегодня порядком устал и хочу спать, как-нибудь в другой раз расскажу, — вздохнув и отмахнувшись, ответил Ратимир.

— Ночь только началась, у меня дома есть вино для особых гостей, пошли ко мне, еще посидим и выпьем вина, и ты мне расскажешь эту историю, — сказал мой отец.

— Вино, говоришь, что ж, ты настойчив, ладно, пошли посмотрим на твое логово! — с улыбкой ответил Ратимир.

Пришедшие в наш дом, пьяные отец с Ратимиром, разбудили меня и мать, они долго обсуждали мелкие события последних дней, а я, затаив дыхание, слушал их разговор. Наконец уже изрядно пьяный Ратимир взялся рассказывать про святого Тимофея Полоцкого и историю полоцкого знамени. Выпив из кубка вина, Ратимир начал свой рассказ:

— Как я уже говорил, на Полоцком знамени изображен святой Тимофей Полоцкий, настоящее имя которого было Торвальд Путешественник. Это был великий человек, и возрождение могущественного города Полоцка, который ты видишь сегодня, — это во многом его заслуга.

История Торвальда началась в далекой горной Исландии, в стране, где месяцами солнце

почти не показывается из-за горизонта, а ужасная погода в течение дня постоянно меняется, причем к худшему. Благодаря этому местные жители умеют, как никто другой, ценить красоту природы. Торвальд родился в семье богатого землевладельца Конрада, у которого было два сына. Старшего сына звали Орм, а младшим был Торвальд. Конрад все свое внимание уделял Орму, в то время как Торвальда заставляли делать всю грязную и тяжелую работу и жить в намного худших условиях, чем его старший брат. Жена Конрада, которую звали Ярнгерд, умерла во время родов Торвальда, и все считали, что Конрад винил в этом своего младшего сына.

Но тяжелые жизненные условия лишь закалили молодого Торвальда, который, слушая песни скальдов, мечтал о далеких путешествиях и подвигах. Соседям Конрада не нравился заносчивый Орм, они больше любили скромного Торвальда, который постоянно был чем-то занят.

Однажды на пир к Конраду пригласили известную ведьму и предсказательницу по имени Тордис. Увидев разное отношение Конрада к своим сыновьям, Тордис посоветовала Конраду относиться лучше к Торвальду, так как, по ее словам, из двух сыновей Конрада именно Торвальду суждено было прославиться.

Конрад спросил у ведьмы совета, что ему делать с Торвальдом.

— Дай ему денег и отправь его ко мне, пару лет он поживет у меня, а затем отправится в странствия на поиски своей судьбы, — сказала ведьма.

Пьяный Конрад, будучи в хорошем настроении, согласился и принес ведьме мешок, набитый серебром.

— Эти деньги не годятся, они отобраны у людей в военном походе, на них кровь! Честный человек, который будет вести праведную жизнь, не может начинать с этих денег! — пояснила ведьма.

Тогда Конрад принес другой мешок с серебром, но и эти деньги ведьма отвергла, а на недовольство Конрада ответила:

— Эти деньги ты взял, повысив налоги на своих работников, и они пропитаны несправедливостью, чужими страданиями и проклятиями.

Уже обозленный пьяный Конрад принес ведьме третий мешок серебра, и ведьма, вытряхнув из мешка деньги, взяла лишь три монеты.

— Почему же ты взяла только эти монеты? — спросил Конрад у ведьмы.

— Эти монеты ты, Конрад, получил в наследство от своего отца, и на них нет крови и несправедливости. Этим монет достаточно, — с хитрой улыбкой ответила ведьма.

Ранним утром Конрад разбудил Торвальда с напутствиями в дорогу.

— Я знаю, сын, ты считаешь, что я ненавижу тебя из-за смерти Ярнгерд, и поэтому держал тебя в нужде и плохо к тебе относился, но это не так. Ты напоминал мне о Ярнгерд, я всегда знал, что однажды ты покинешь наш дом и прославишься. Поэтому я старался тебя подготовить к будущим жизненным испытаниям. Пришло время уйти, ты вырос работающим и закаленным, теперь я за тебя спокоен и знаю, что ты не пропадешь. И в дорогу у меня есть для тебя подарок, — сказал Конрад и вручил Торвальду свой меч.

От слов Конрада Торвальд прослезился, он и мечтать не мог, что меч отца — бесценная семейная реликвия — достанется ему, а не его брату Орму.

После Торвальд отправился жить к ведьме, где должники Тордис обучили его искусно сражаться мечом, топором и копьем. В Исландии жили потомки норвежской военной знати, и эти люди знали толк в военном деле. Через несколько лет обучения ведьма дала Торвальду

три серебряные монеты и отправила его в путь.

Торвальд начал странствовать по соседним королевствам, но не мог найти себе достойного занятия. И в конце концов физически очень крепкий Торвальд нанялся в дружину к датскому принцу Свейну Вилобородому, в военных походах с которым провел несколько лет. В дерзких грабительских походах Свейна тогда участвовала вся скандинавская элита. Но даже среди лучших норманнских воинов Торвальд быстро прославился. Он сражался очень отважно, и за Торвальдом закрепилась слава непобедимого воина, а вскоре он стал приближенным конунга Свейна.

За проявленный в бою героизм, дружинники Свейна часто давали Торвальду, первому после конунга, выбрать себе часть из добычи. Женщин, денег, слуг — всего у Торвальда было в достатке. Но уже тогда стали проявляться его моральные качества. Пользуясь правом первого выбора, Торвальд выбирал предметы, которые имели большую духовную ценность или были реликвиями, и возвращал эти предметы их прежним владельцам. Торвальд также старался выбирать в качестве своей добычи или выкупал за свои деньги самых знатных и тех, кого считал достойным из пленников, после чего Торвальд их отпускал.

Однажды при захвате купеческого корабля Торвальда сильно ранил один из купцов. Этот купец сражался отчаянно, но Торвальду все же удалось захватить его в плен. От полученной раны у Торвальда началась лихорадка, и воины конунга Свейна оставили купца, рассудив, что расправиться с ним должен сам Торвальд после выздоровления.

Однако, как только Торвальду стало лучше, он вернул купцу имущество и отпустил его. А на вопросы и недовольство других викингов Торвальд ответил с улыбкой:

— Этот человек заслужил свободу и прощение своей отвагой.

Также Торвальд поступил и с франкской баронессой по имени Вероника. Ее нашли на одном из кораблей. Предвидя свою судьбу, Вероника сражалась с кинжалом в руках до последнего, чем немало позабавила норманнов. Войны Свейна изорвали на ней одежду, а когда игра им наскучила, один из викингов оглушил Веронику. Под смех воинов, хрупкая девушка беспомощно рухнула, выронив из рук кинжал. И тогда Торвальд выступил вперед, схватил обидчика Вероники, и прежде, чем тот понял, что происходит, вышвырнул его за борт. После, к удивлению викингов, Торвальд укрыл девушку своим плащом, и с оружием в руках стал на ее защиту.

— Убирайтесь прочь, она моя добыча! — закричал Торвальд, в глазах которого сверкнуло безумие. И войны Свейна отступили, бросить вызов Торвальду не решился никто. После Торвальд отпустил Веронику на свободу, но баронесса влюбилась в Торвальда и пожелала остаться с ним. Против чего Торвальд не особо возражал, ведь Вероника была очень красивой девушкой.

Конунг Свейн Вилобородый очень уважал Торвальда и не вмешивался в его причуды. Вскоре слава о непобедимом, блистательном и благородном воине Торвальде стала греметь по всей Европе.

На одной из пирушек, когда став королем Дании Свейн сидел за одним столом с двумя конунгами, гости стали нахваливать столь знатных и достойных людей, собравшихся за одним столом. Тогда Свейн сказал, что знает присутствующего на пиру сына землевладельца, который отвагой в бою и мудростью не уступает всем трем сидящим за столом. После вопросов заинтригованных гостей, Свейн рассказал об одном из своих походов с Торвальдом. По словам Свейна, во время нападения на Англию Свейна и его дружину захватили в плен и бросили в темницу. У Торвальда была возможность спастись, но

он пожелал быть захваченным вместе со Свейном. Через какое-то время приехал местный могущественный герцог с войском, чтобы освободить Торвальда, поскольку до этого Торвальд освободил из плена сына герцога. Но Торвальд на предложение свободы лишь усмехнулся и заявил, что не покинет темницы без своего конунга. И герцог, подумав, отпустил из темницы обоих.

— Это все очень интересно, Ратимир, но какое отношение Торвальд имеет к Полоцку? — вздохнув спросил мой отец, подливая себе в кубок вина.

— погоди, Горислав, не перебивай, дойду и до Полоцка. Так вот, после многолетней службы у короля Свейна Вилобородого Торвальд, с имеющимися у него деньгами и славой, легко мог нанять дружину и завоевать себе какое-нибудь княжество. И было немало желающих, готовых помочь Торвальду в захвате земель. Но Торвальд чувствовал, что ему чего-то не хватает и решил бросить военные походы и отправился в богатейшую землю в Европе, о которой был много наслышан — Саксонию. Торвальд был уже известным среди европейской знати человеком, и в Саксонии его приняли радушно. После жестокости грабительских походов, Торвальд был поражен образованностью, благочестием и моральной чистотой христианства в Саксонии. Он почувствовал себя неотесанным полужверем, чья предыдущая жизнь была непрерывной цепочкой из ошибок и заблуждений. Под влиянием Вероники, Торвальд решил принять христианство и обратить в эту веру свою родину — Исландию. Но тогда он еще сомневался в своих способностях и достаточном знании христианства, поэтому уговорил отправиться в Исландию вместе с ним саксонского епископа.

Правда, в память о былых славных временах на корабле Торвальда красовалось знамя с изображением черного ворона — знамя викингов. Торвальд лишь вышил на знамени крест, который черный ворон теперь держал в лапах, как символ своей миссии проповедника. Под этим знаменем Торвальд распространял христианство до конца жизни.

В Исландии Торвальд претерпел множество лишений, боролся с нечистью, берсерками и проявил немалую отвагу в самых безвыходных ситуациях. На своей родине Торвальд вместе с епископом обратил в христианство множество достойных людей, включая своего отца, но, столкнувшись с отчаянным сопротивлением язычников, решил, что все возможное он уже сделал и покинул родину.

Там, в Исландии, Торвальд совершил и недостойный христианского проповедника поступок. Торвальда и епископа постоянно оскорбляли, и однажды продажные скальды сочинили песню, в которой сравнивали Торвальда и саксонского епископа с женщинами. В этот момент до Торвальда дошли потрясшие его новости об убийстве язычниками обращенных им христиан и Вероники, отправившейся вместе с ним. И тогда бывалый викинг Торвальд сорвался и перебил всех оскорблявших его обидчиков. Узнав об убийстве, саксонский епископ с сожалением сказал Торвальду:

— Ты проявил слабость, убив их!

По дороге из Исландии, Торвальд встретил знатного яростного язычника, который мешал ему проповедовать и возглавлял гонения на христиан. Несмотря на заверения епископа в раскаянии, когда самоуверенный язычник со своими слугами стал смеяться над Торвальдом и оскорблять память Вероники, вспыльчивый Торвальд потерял над собой контроль и убил его. Но на этот раз епископ не стал слушать никакие оправдания и покинул Торвальда, заявив:

— С этого момента наши пути расходятся, поскольку ты, Торвальд, никогда не

перестанешь убивать!

После ухода епископа Торвальд продолжил свой путь, ежедневно укоряя себя за гибель Вероники и многих христиан в Исландии. Вдобавок Торвальда стало подводить здоровье, воспалились старые раны, полученные Торвальдом еще во время его морских военных походов. Эти раны приносили Торвальду постоянные невыносимые мучения, лишь отягощаемые чувством вины.

И как-то ночью, когда Торвальд шел по пыльной дороге, любуясь чистым звездным небом, впереди на дороге поднялся вихрь, закруживший песок, траву и сухие листья. От резкого дуновения ветра знамя Торвальда начало развиваться. И вдруг в воронке вихря стали загораться желтые огоньки, со стороны это было похоже на звездную пургу. Затем все огоньки сошлись вокруг одной оси, и перед Торвальдом предстала Вероника. От тела девушки исходило свечение, а из-за ее спины виднелись два огромных, сверкающих белоснежных крыла. Вероника приблизилась к Торвальду и сказала с улыбкой:

— Мы все в раю, Торвальд! Успокойся и живи праведной жизнью! — после этих слов Вероника подошла к Торвальду, поцеловала его и исчезла. От поцелуя Торвальд пошатнулся и рухнул на пыльную дорогу, внезапно, словно вспышка в сознании, к нему пришло понимание его ошибок, он искренне раскаялся и простил убийц христиан. Все его естество прониклось безграничной верой, Торвальд почувствовал невероятную уверенность в своей христианской миссии, единство с окружающим миром и любовь ко всему живому на Земле. Приятное тепло разлилось по всему его телу, Торвальду показалось, что звездное небо резко приблизилось к нему, и он увидел невиданные высоты, где царили счастье и покой. Боль отступила, словно за одно лишь мгновение его раны зажили. В ту ночь, на дороге, стоя на коленях со знаменем в руках, Торвальд поклялся, что больше никогда никого не убьет, чтобы не случилось.

После этого случая одухотворенный Торвальд отправился на Русь, в город Полоцк, по приглашению своего бывшего сотоварища, конунга Рагвальда. Как раз незадолго до этого полоцкие купцы пригласили конунга править в Полоцк, чтобы сохранить династическую независимость от города Киева.

По дороге в Полоцк, Торвальд обзавелся молодым вороном, которого назвал Хугином — то есть "мыслящим". Имя была дано ворону с присущей Торвальду иронией, Хугином звали одного из двух мифических воронов, сопровождавших главного скандинавского бога — Одина. Торвальд научил ворона говорить несколько фраз и даже молитву. С тех пор ворон путешествовал вместе с Торвальдом и во время молитвы Торвальда повторял текст молитвы за хозяином, чем забавлял случайных свидетелей столь необычного зрелища.

Во главе своего корабля, одетый в доспехи, со знаменем викингов и ручным вороном, сидящим на руке, прославленный воин и миссионер Торвальд прибыл в Полоцк.

Город Полоцк, находящийся на слиянии двух рек, очень понравился Торвальду. Здесь же в Полоцке Торвальд познакомился и подружился с будущим королем Норвегии Олафом Трюгвасоном, который воспитывался при дворе новгородского князя Владимира Ясно Солнышко. Рагвальд, Торвальд и Олаф проводили яркие летние дни в пирушках с полоцкой знатью, рассказывая друг другу о своих невероятных приключениях. Как-то раз Торвальд с интересом наблюдал купальское гуляние в Полоцке. Глядя на огромный костер, Торвальд сказал Рагвальду:

— Это хороший город и прекрасные земли, но все же нет чего-то объединяющего, какой-то общей светлой идеи.

— Я понимаю, о чем ты говоришь, и я склоняюсь к принятию христианства, возможно по римскому образцу, как сделал киевский князь Ярополк, — задумчиво глядя на огонь, сказал Рагвальд.

— А почему именно по римскому образцу, ведь ваши купцы плавают в Византию? — спросил Торвальд, внимательно посмотрев на Рагвальда.

— Я сторонник политического союза с Киевом, а киевский князь предпочел принять веру от Рима, да и что тебя удивляет, ведь ты и сам крестился в Саксонии, — словно оправдываясь, ответил Рагвальд.

— Не важно, где крестился я, настроения в Киеве и союзы киевского князя очень изменчивы, мне кажется, население Полоцка должно найти свой духовный путь.

— Возможно, ты прав! — ответил князь Рагвальд.

Уже тогда город Полоцк оставил у Торвальда хорошее впечатление и занял какое-то место в его душе.

Из Полоцка Торвальд отправился в Иерусалим подняться на Голгофу, а затем в Константинополь. В Византии тоже были наслышаны о Торвальде, и византийский император пожелал встретиться с Торвальдом лично. Императора удивило, что Торвальд проповедовал в столь далеких землях, среди очень суровых ревностных язычников и при этом остался жив. Но Торвальд ответил:

— Я был готов принять мученическую смерть в любой момент, но частично из-за плохой организации, а частично из-за того, что многие в Исландии меня знали, язычники Исландии не убили меня, когда у них была такая возможность.

Там же в Константинополе по желанию императора Торвальда назначили проповедником христианства во всех русских землях и обещали Торвальду высокий церковный титул митрополита, а в последующем может и патриарха. Однако за время путешествия Торвальда в Иерусалим и Константинополь на Руси произошли очень важные события.

Началась борьба за власть на Руси между киевским князем Ярополком Святославовичем и его братом новгородским князем Владимиром Ясно Солнышко.

В поисках союзников новгородский князь Владимир посватался к дочери полоцкого князя Рагвальда, которую звали Рогнеда. Но Рагвальд не желал становиться союзником Владимира и по его желанию дочь ответила Владимиру: "не хочу я разуть рабынича". Это был очень оскорбительный отказ, поскольку мать Владимира Ясно Солнышка была прислугой и наложницей, и свадебный обряд разувания жениха, упомянутый Рогнедой, касался самого больного для князя Владимира вопроса.

Новгородский князь Владимир бежал в Норвегию, где нанял себе войско из варягов, и по прибытии на Русь узнал, что князь Рагвальд участвовал в походе на Новгород вместе с киевским князем Ярополком.

Тогда Владимир двинул свои войска из варягов и новгородцев на Полоцк, захватил этот город, после чего изнасиловал Рогнеду на глазах у Рагвальда, а потом убил Рагвальда и двух его сыновей. Затем Владимир пошел на Киев и, заманив своего брата Ярополка в ловушку, убил его, став единоличным правителем Руси.

Несмотря ни на что, я бы не стал отзываться о Владимире исключительно плохо, он сделал очень многое для русских земель. Попытавшись реформировать язычество на Руси, князь Владимир в конце концов начал переговоры о женитьбе на византийской принцессе и о введении на Руси христианства по византийскому образцу.

— А что стало с Рогнедой? — поднимая очередной кубок, спросил мой отец.

— В этом вся и загвоздка, Рогнеда стала одной из жен Владимира Ясно Солнышко, фактически главной женой. И старшие сыновья князя Владимира, Изяслав Владимирович и Ярослав Владимирович, были детьми Рогнеды. Со временем Рогнеда полюбила Владимира и сыновья Рогнеды признавались старшими законными наследниками Владимира Ясно Солнышко.

Но новость о том, что князь Владимир берет себе в жены византийскую принцессу, а всех остальных жен отпускает, шокировала Рогнеду. Она думала, что если Владимир примет христианство и должен будет остаться жить с одной женой, по христианским обычаям, то женой Владимира будет она, Рогнеда. А оказалось, что Владимир Ясно Солнышко решил сделать своей единственной женой какую-то пришлую гречанку.

Однажды князь Владимир вернулся уставшим после охоты и решил навестить свою жену Рогнеду. Ослепленная ревностью, Рогнеда задумала отомстить мужу за свою исковерканную судьбу. И как только Владимир заснул, Рогнеда взяла его меч и попыталась убить мужа. Но в последний момент князь Владимир проснулся и выхватил меч из рук жены. Разъяренный князь приказал Рогнеде переодеться в самое нарядное платье и прийти к нему на казнь. Печальная Рогнеда переделалась и стала на колени перед Владимиром, но как только Владимир замахнулся мечом над Рогнедой, в комнату к Владимиру ворвался его старший девятилетний сын с мечом в руках и закричал:

— Отец, ты здесь не один, я буду свидетелем!

— Кто же знал, что ты уже здесь, — мрачно произнес князь Владимир, и, отбросив меч, вышел из комнаты.

По совету киевских бояр, князь Владимир сослал Рогнеду и своего старшего сына Изяслава в построенный для них город Изяславль.

Что же касается города Полоцка, то он тогда был в ужасном положении, фактически от города остались только пепелища. Полочане не желали подчиняться наместнику князя Владимира и постепенно покидали город. Вдобавок князь Владимир выступал против восстановления Полоцка. Казалось, жизнь покидает этот некогда процветающий город навсегда.

Рогнеда была унижена, старший сын Владимира Изяслав был лишен права наследования Киева и находился в ссылке. Но тут судьбы князя Изяслава, Рогнеды и города Полоцка сплелись с судьбой Торвальда Путешественника. И Торвальд, которого вел Господь, словно вытащила из пропасти забвения Рогнеду, Изяслава и Полоцк.

Торвальд как раз вернулся из Константинополя на Русь в момент ссылки Рогнеды и Изяслава. Тогда Торвальд быстро понял, что крещение Руси произойдет без его помощи, и князь Владимир Ясно Солнышко крестит всю Русь, далеко не методом убеждения. Понимая, что данные в Константинополе полномочия проповедника, также как и обещанные Торвальду должности, были изначально иллюзорны, Торвальд решил отправиться в Полоцк. И начать с малого — основать в этом городе монастырь.

Но, приехав в Полоцк, он застал город в жалком состоянии. Невозмутимый Торвальд прошелся по городу, осматривая пепелища и внимательно выслушивая рассказы местных жителей о том, как достойно сражался их князь Рагвальд за Полоцк и как варяги по приказу князя Владимира хитростью взяли Рагвальда и его сыновей в плен.

— Чтобы понять, кто мы и что нам нужно на самом деле, иногда следует лишиться всего и оказаться на самом краю. Пламя созидания и истинной веры разгорается от углей

пепелищ! — невозмутимо сказал Торвальд, глядя на своего ворона, сидящего на обгоревшем деревянном идоле.

Торвальду рассказали о последних новостях, и история про княжича Изяслава, который спас свою мать и отправился за это в ссылку, вызвала у Торвальда особый интерес. Слова маленького Изяслава о том, что князь Владимир "здесь не один", Торвальд воспринял, как знак свыше. Выслушав рассказ про князя Изяслава, Торвальд сказал:

— Это и есть моральная основа Полоцка, это то, что нельзя купить ни за какие деньги и нельзя уничтожить, это высшая правда. Полоцк станет новым духовным центром Руси.

Торвальд основал в Полоцке монастырь Иоанна Крестителя и построил рядом небольшую церковь в честь Святой Богородицы на острове посреди Двины. Ты, Горислав, можешь его увидеть сегодня, напротив недавно построенного Софийского собора. Полоцк был еще пепелищем, а колоколя церквы Святой Богородицы уже разносила весть о возрождении города. А ведь Торвальд мог остаться где угодно: в Англии, Дании, германских землях, Константинополе — везде ему были рады, но он решил остаться здесь, в Полоцке, понимаешь, какую честь он оказал полочанам?

Торвальд лично отправился в город Изяславль, чтобы убедить князя Изяслава, недавно принявшего христианство, приехать править в Полоцк.

Увидев старого друга своего отца, которого Рогнеда знала с детства, она бросилась на шею Торвальду и зарыдала. Торвальд ее крепко обнял и стал утешать:

— Успокойся, Рогнеда, я вернулся и теперь вас не оставлю, скоро все наладится.

Но предстоял еще разговор с молодым Изяславом. И князь Изяслав, выслушав предложения Торвальда, возразил:

— Город Полоцк практически исчез, он разрушен до основания, и в нем совсем мало жителей, этот город обречен.

— Вы ошибаетесь, светлейший князь, Полоцк — это нечто большее, чем деревянные стены и частокол на берегу Двины. Ныне озаренный светом праведной веры, этот город живет в сердцах и душах полочан. И пока полочане будут верить в то, что духовный Полоцк жив, этот город нельзя уничтожить, город материальный всегда будет восстанавливаться, как отражение города духовного, — рассудительно ответил Торвальд.

— Да ты хоть видел, в каком состоянии сейчас Полоцк, разве эти обгоревшие бревна похожи на центр земель и праведной веры? — закричал на Торвальда князь Изяслав.

— Ваша светлость, в своей жизни я видел очень много разных городов, совсем недавно я вернулся из поездки в Иерусалим и Константинополь. Город Полоцк я каждый день вижу в глазах его жителей, ожидающих вашего приезда, и, поверьте мне, этот город прекрасен. Кроме того, если вас интересует восстановление богатства города, то Полоцк имеет очень выгодное географическое положение, и полочане сделают все, чтобы вернуть ему былое величие. Очень скоро этот город вновь займет достойное место в торговой и политической жизни Руси.

— Даже если я соглашусь приехать в Полоцк, мой отец, князь Владимир, никогда этого не допустит, он ненавидит этот город и не даст ему шанса на возрождение, — вздохнув, разочарованно сказал Изяслав.

— А если я уговорю князя Владимира разрешить вам княжить в городе Полоцке? — улыбнувшись, просил Торвальд.

— Что ж, если ты уговоришь моего отца, то я перееду в Полоцк, — махнув рукой, сказал князь Изяслав.

А после Торвальд отправился в далекий Киев. Оказалось, что с князем Владимиром Ясно Солнышко было не так-то просто встретиться. И тогда Торвальд организовал встречу, через новую жену князя Владимира, византийскую принцессу Анну, с которой Торвальд познакомился во время путешествия в Константинополь. Я даже не могу себе представить, кто еще на Руси в тот момент мог осмелиться поехать к князю Владимиру, чтобы просить за князя Изяслава и Рогнеду.

Перед тем, как войти в княжеский терем, Торвальд отпустил ворона. Охранник терема, норвежец по происхождению, с интересом наблюдал, как ручной ворон сел на крышу одного из домов напротив.

И вдруг у стражника волосы стали дыбом, когда ручной ворон громко произнес норвежскую поговорку:

— И маленькая кочка большой воз может своротить! — сказал ворон по-норвежски, медленно прохаживаясь по крыше. А затем, к еще большему удивлению охранника, ворон начал произносить молитву.

В это время киевские дружинники ввели Торвальда к Владимиру. Разговор обещал быть не из легких. Торвальд застал князя Владимира сильно раздраженным. Киевский князь был разодет в дорогие ткани и сверкал драгоценными камнями. Торвальд же был одет в простой серый плащ и предстал перед князем спокойным и невозмутимым. Лишь перебирание в правой руке четок из какого-то полупрозрачного фиолетового камня выдавало в Торвальде оживленные размышления.

— Как ты посмел явиться ко мне с разговором о моем сыне Изяславе и городе Полоцке. Если бы не моя жена из Византии, я бы давно уже приказал бросить тебя в поруб или пытаться, а потом убить. Ты находишься на моей земле, твоя жизнь полностью в моей власти. Да как у тебя вообще могла появиться идея прийти ко мне с советами и нравоучениями, ко мне, киевскому князю и правителю всех русских земель! — закричал князь Владимир и при последних словах многозначительно поднял правую руку вверх.

Но, несмотря на крик и угрозы князя Владимира, Торвальд как и прежде оставался невозмутим, даже казалось, что он смотрит на раздраженного князя Владимира с какой-то молчаливой насмешкой.

— Светлейший князь, за свою жизнь мне пришлось увидеть множество знатных людей: баронов, герцогов, графов, королей. Многие из этих людей, наделенных властью, были моими друзьями, многие пленниками и даже слугами. Когда я был в Саксонии, то мне повезло увидеть там германского императора, самого Оттона Великого в пике его могущества, и там же в Саксонии я общался с его родственниками, которые принимали меня как равного.

Во время путешествия в Иерусалим я сталкивался с мусульманскими правителями. А находясь в Константинополе, я общался с императором бескрайней Византии — Василием. Пообщавшись со столькими правителями, я не испытываю страха при встрече с великим князем Киевским.

В моем нынешнем положении, когда я хочу провести оставшуюся жизнь в молитвах и служении Богу, поруб для этого может оказаться не худшим местом. Смертью или пытками меня также не запугать, я уже давно готов их принять, если на то будет воля Божья, — спокойно ответил Торвальд.

— Прикрываешься чужими именами? Я великий князь, меня опасается и сам византийский император. На моей стороне войска и корабли, безграничные земли и

богатства всей Руси. А ты кто такой, чтобы давать мне советы? — гулко произнес князь Владимир.

— Еще недавно, светлейший князь, вы были изгнанником, а все эти земли, войска и корабли принадлежали вашему брату. Вы, ваша светлость, словно находитесь в гостях в чужом богатом доме, пользуетесь и восхищаетесь одеждами, яствами и роскошью этого дома. Но вы забываете, что хозяин дома — Господь Бог, а вы в нем лишь гость. И время заберет у вас все богатства и власть, ничего не останется. А на моей стороне правда, она намного ценнее, потому что нетленна, и время у меня ее не отнимет.

От слов Торвальда настроение князя Владимира изменилось, казалось, Киевский князь стал спокойнее. Князь Владимир с удивлением смотрел на четки в руке Торвальда, которые в начале их разговора были фиолетового цвета, затем, играя разными переливами, их цвет поменялся на красный и, наконец, во время рассуждений Торвальда о готовности принять смерть, камни, из которых были собраны четки, стали желтого цвета.

— Вижу, ты отважный человек, мне рассказывали, что в Исландии берсерки в бешенстве грозились разорвать тебя на куски и крошили скалы возле тебя. Все живое в округе оцепенело от ужаса, но ты невозмутимо продолжал молиться. Наверняка у тебя заготовлена целая речь в защиту моего сына и бывшей жены. Но прежде, чем я ее выслушаю, ответь мне на один вопрос, — при этих словах князь Владимир посмотрел в глаза Торвальду, который символически поклонился, но не отвел взгляда, а князь Владимир продолжал: — Правду ли говорят, что ты, Торвальд, обладаешь даром внушения?

— Светлейший князь, я был проповедником христианства у себя на родине, в Исландии, где многие меня знали с детства и не воспринимали всерьез. И тем не менее там я обратил в христианство много людей. Поэтому мой ответ будет утвердительным, я обладаю определенной способностью внушения, — безразлично глядя князю Владимиру в глаза, ответил Торвальд.

— Что ж, тогда, учитывая твои способности и опыт, наличие которых ты сам признаешь, я бы не желал обсуждать с тобой судьбу моего старшего сына, жены и города Полоцка. К тому же я знаю, что ты можешь мне сказать, мол, по справедливости Изяславу нужно отдать Полоцк. Сегодня ты играешь здесь роль смиренного мудреца, но я наслышан о твоём бурном прошлом викинга, и, говорят, что даже будучи христианским проповедником в Исландии, ты убил несколько человек. А после убил еще одного знатного скандинава в Норвегии, правда ли это?

— Это правда, светлейший князь, однако скальды, которых я убил в Исландии, ослепленный горем и яростью, вели себя не достойно. А знатный язычник, которого я убил в Норвегии, был повинен в убийстве десятков людей, включая женщин и детей, это были люди, которых я привел к христианской вере! — потеряв свою невозмутимость и повысив тон ответил Торвальд, и четки в его руке также изменили свой цвет с желтого на красный.

— Значит, христианский проповедник и убийца. Я ведь тоже сделал в своей жизни очень много неблагоприятных поступков, а теперь я также проповедник христианства. Жалеешь ли ты, Торвальд, что убил этих людей в Исландии и Норвегии и отомстил за убийство своей женщины и других христиан? — спросил князь Владимир, и на лице князя появилась злорадная улыбка.

— Да, я жалею о том, что убил их, и искренне в этом раскаиваюсь. Тогда я находился лишь в начале своего духовного пути и еще не понимал, что это я спровоцировал зло в язычниках. Это мои действия и мои проповеди привели к тому, что язычники стали

проливать кровь, и моя доля вины в гибели Вероники и христиан Исландии не меньше, чем у убийц христиан. Лишь из-за своей духовной неопытности и самонадеянности, я переложил всю ответственность на язычников и осквернил свою веру убийством.

Ваша светлость не желает меня слушать, но я вижу, что вы достойный человек, и в вас борются доброе и злое начало. Вы вели распутный образ жизни и убивали, но это было нормой для традиций этих земель. Вы убивали по необходимости, в борьбе за власть. И, конечно, у вашей светлости есть причины ненавидеть город Полоцк, но сегодня процветание Полоцка — это процветание части вашей державы и ваших подданных. Полоцк не должен исчезнуть из-за гордости Рагвальда. Полочане и так понесли тяжелое наказание.

Теперь вы христианский правитель, и я наслышан о добрых деяниях, которые вы, светлейший князь, сделали для своей державы в последнее время. Вы поступили очень великодушно, пощадив свою бывшую жену Рогнеду. Я знаю, несмотря ни на что, вы любите ее, потому и пощадил, и верю, что и сейчас она близкий вам человек. А князь Изяслав и вовсе ваша плоть и кровь, он был первым претендентом на следующего верховного правителя Руси. И за что, ваша светлость, хочет лишить Изяслава достойного удела? За то, что он нашел в себе силы вступить за мать? Только вы, светлейший князь, сможете восстановить справедливость, дав Изяславу значительный удел и вернув Полоцку жизнь. Простите полочан, Рогнеду и Изяслава, вы уже пощадил их, а теперь простите, как христианский правитель.

— Да, Рогнеда мне не чужая, и я могу ее понять. Знаешь, Торвальд, а ведь я не хотел лишать ее чести, да еще так унижительно, несмотря на нанесенное мне оскорбление. Но мой дядя Добрыня на этом настоял, заявив, что это нужно, чтобы повысить свой авторитет в дружине. Возможно, в жизни мне попадались не те советчики. Но как бы там ни было, я победил в схватке со своим братом и сейчас могу многое сделать для Руси. Я вижу, что под твоим и Изяслава руководством Полоцк возродится, но нужно ли это мне? Надо все хорошо обдумать, а сейчас убирайся, мой ответ тебе передадут.

Несколько дней Торвальд жил в Киеве, ожидая ответа князя Владимира, и это были мучительные для Торвальда дни. Как и в Исландии, он сделал все, что мог, но Торвальд не знал, будет ли Господь более благосклонен к нему на этот раз.

На четвертый день ожидания, когда Торвальд наблюдал, как снежная метель строит в воздухе причудливые фигуры и укрывает Киев узорчатым белым полотном, Торвальд услышал крики своего ворона, сидящего на крыльце дома.

— Пожар, пожар! — закричал ворон.

Торвальд вышел на порог и увидел вдалеке приближающегося всадника. Тогда Торвальду показалось, что конь под всадником словно парит над снегом, вообще не касаясь земли, как какой-нибудь крылатый Пегас, конь бога Одина Слейпнир или несший пророка Мухаммеда — Бурак, то есть как существо, на котором перемещались проводники воли высших сил. Не менее странным был и всадник, одетый в необычные сияющие доспехи.

— Великий князь Владимир приказал вам передать, что князь Изяслав с княгиней Рогнедой могут править в Полоцке, город Изяславль также остается в собственности князя Изяслава, — предъявив княжескую грамоту, с величественным видом сказал всадник. И с этого момента в истории города Полоцка началась новая эра.

Вместе с князем Изяславом Товальд быстро восстановил процветание города, после начала правления князя Изяслава полочане стали массово возвращаться в Полоцк. Князь Изяслав прославился своей ученостью и переписыванием книг, а ведь это было в языческие

темные времена.

Рогнеда со слезами на глазах слушала рассказы Торвальда о возрождении величия Полоцка и успехах ее сына. Но ехать в Полоцк Рогнеда не захотела и осталась жить в городе Изяславле, приняв монашеский постриг. Рогнеда объяснила свое решение желанием служить Богу и слишком страшными воспоминаниями, связанными с Полоцком.

Внушительны были и успехи Торвальда в распространении христианства в полоцких землях. Активно сотрудничая с Полоцкой епархией, Торвальд коренным образом изменил духовную жизнь полотчины и заложил ее нравственные основы. Умер Торвальд своей смертью, в Полоцке, и был захоронен в церкви Святой Богородицы, им же в Полоцке и построенной. Его ворон Хугин, после смерти Торвальда поселился в лесу и еще долго жил неподалеку от Полоцка, по утрам оглашая окрестности города чтением молитвы.

Постепенно город богател и разрастался. Уже сын князя Изяслава, блистательный князь Брючислав, правил в могущественном Полоцке. Брючислав провел реформу в войсках Полоцка — полоцкая дружина начала обучать городское ополчение.

После смерти князя Владимира свою власть на Руси установил его сын новгородский князь Ярослав. Чтобы прийти к власти, князь Ярослав перебил своих братьев, вошел в союз с язычниками, однако в итоге обманул своих же союзников, таких, как прославленный конунг Эймунд, спасший Ярославу жизнь.

Молодой полоцкий князь Брючислав принял тогда всех бежавших от беззаконий, включая Эймунда, объединил с ним свои силы и выступил против братоубийцы и предводителя полуязыческого войска, князя Ярослава Владимировича. В битве при Судомире в 1021 году князь Брючислав разгромил союзное войско из киевлян и новгородцев. Это был военный и моральный триумф города Полоцка. Притеснениям и беззаконию на Руси, установленным воинами Ярослава, пришел конец.

После битвы при Судомире великий князь Киевский Ярослав Владимирович был вынужден уступить полочанам два важных торговых пункта: Витебск и Усвяты. Полоцкий князь Брючислав по мирному договору стал соправителем князя Ярослава в Киеве и основал в русской столице свой княжеский двор. Эймунд за свою помощь Полоцку получил в управление город Браслав. После победы при Судомире князь Брючислав сказал:

— В этой битве мы сражались за справедливость, против сил почти всей Руси, и мы победили только благодаря отваге полоцких воинов и небесному заступничеству Торвальда.

Брючислав приказал вышить новое полоцкое знамя с изображением Торвальда. Этим изображением стал всадник на коне, символ Торвальда называли "Погонь" — то есть привидение язычников к христианской вере. А Полоцкая епархия признала Торвальда местнопочитаемым святым под именем Тимофея Полоцкого.

В полоцком Софийском соборе в северной башне на фресках ты можешь увидеть изображение встреч Торвальда с князем Владимиром Ясно Солнышко и с князем Изяславом.

— Ратимир, но почему тогда сейчас наш князь Всеслав не навещает свои владения в Киеве, и в титулах не называет себя великим князем Киевским? — сбивчиво спросил мой отец и, будучи сильно пьяным, уронил кубок, который со звоном покатился по полу дома.

— Понимаешь, Горислав, после битвы при Судомире на Руси еще долго сохранялось военное и политическое равновесие между тремя князьями: Брючиславом Полоцким, Ярославом Владимировичем и могущественным правителем далекой Тмутаракани князем Мстиславом — сыном великого князя Владимира. Однако после смерти тмутараканьского князя Мстислава, Ярослав Владимирович присоединил его земли к своим владениям, и

равновесие на Руси изменилось не в пользу Полоцка. Вдобавок князь Ярослав заключил союзы почти со всеми влиятельными европейскими правителями.

Став сильнее, киевляне забыли о договоре с Полоцком. А после смерти киевского князя Ярослава Владимировича трое старших сыновей Ярослава, князья Изяслав, Святослав и Всеволод, объединились и захватили власть на Руси, подобно своему отцу, начав притеснять своих младших братьев.

Тут пьяный Ратимир повысил голос, перейдя на крик:

— Все на Руси поделили старшие Ярославичи, лишь наше Полоцкое княжество им не по зубам. Во всей Руси только на полоцких землях еще сохраняется незыблемый закон и порядок. Наш народ еще помнит и открыто говорит, что Ярослав Владимирович циничный братоубийца, а обнаглевшие новгородцы и киевляне в бою не так уж сильны.

Независимость Полоцка и полоцкие владения в Киеве уязвляют самолюбие заносчивых Ярославичей. Недавно начали поступать жалобы от полоцких купцов о притеснении их в Новгороде и Пскове.

Наш справедливый полоцкий князь Всеслав не стал отвечать притеснением новгородских купцов, которых отлично знает, посчитав, что это будет не выгодным для Полоцка. Но вот увидишь, Горислав, еще наступит день, когда князь Всеслав, подобно своему отцу Брячиславу, поведет нас против Ярославичей под знаменем Тимофея Полоцкого. И мы вновь разгромим этот разноплеменной полуязыческий сброд и восстановим справедливость на Руси, ведь для этого по воле Господа Полоцк и воспрял из пепла! — стукнув при последних словах кулаком по столу, пьяный Ратимир закрыл глаза, успокоился и заснул, а вскоре отправился спать и мой отец.

Но я в ту ночь не мог заснуть, находясь под впечатлением от рассказа Ратимира. Тогда я впервые столкнулся с духовным миром полоцкой знати, наполненным мистикой и христианскими образами.

Авантюра

1

В Полоцке кипела повседневная торговая жизнь, наша семья вскоре совсем освоилась в этом прекрасном городе. Полочане умели не только хорошо воевать и торговать, но и развлекаться. Особым почитанием у полочан пользовались православные религиозные праздники, которые переняли многие черты вытесненного православием язычества. Традиции предков полочан словно получили новую жизнь, растворившись в христианской духовности.

Масштабно праздновал свой день рождения и князь Всеслав, накрывая столы с угощениями для полочан.

Чего там только не было среди угощений: всевозможные пироги и блины с мясом, рыбой, овощами и ягодами. Столы ломились от мясных блюд из домашних животных и дичи,

от гусей, запеченных с яблоками и вишневым подливкой, до тушеного мяса кабана с грибами. Здесь каждый мог найти себе что-то по вкусу. Квас, медовуха и пиво лились рекой, а знатных полочан князь угощал вином.

На таких праздниках устраивались показательные бои между полоцкими дружинниками.

Были также соревнования в стрельбе из лука и метании копья, в которых участвовали все желающие, включая женщин. Победителей соревнований князь награждал серебряной нашейной гривной, которую на победителя надевала жена Всеслава, прекрасная княгиня Катарина. А лучшую из соревновавшихся девушек гривной награждал лично князь Всеслав.

В стрельбе из лука который год побеждал знатный полочанин Вадим. На этих праздниках существовала традиция, по которой, если простой полочанин приближался по меткости и мастерству к результату дружинников, то его также награждали нашейной гривной.

Мой отец, привыкший с детства добывать пропитание охотясь с копьем, метнул копье не хуже Ратимира, за что был награжден.

Кроме того музыканты и скоморохи успешно развлекали полоцкую публику. Забавные театральные сценки, дрессировщики животных, жонглерские и акробатические номера завораживали зрелищностью хмельных полочан.

Величественный князь Всеслав лично со своей женой обходил все столы, радостно приветствуя жителей Полоцка. Казалось, счастье и стабильность навсегда вошли в жизнь этого богатого и веселого города.

Однажды Ратимир пришел к моему отцу и передал распоряжение немедленно явиться к князю. Мой отец зашел в терем и увидел князя Всеслава, сидящего во главе большого стола. Всеслав не был как обычно спокоен и задумчив, напротив, он выглядел очень взволнованным и эмоционально реагировал на все, что происходило вокруг.

Слева от князя Всеслава сидели его сыновья: Давыд и Борис. Князь Давыд был старшим сыном Всеслава и всегда держался очень высокомерно, хотя в городе поговаривали, что Давыд особо не блистал умом. Мой отец практически не общался с Давыдом и не брался судить о его способностях, но утверждал, что по всему было видно, что Давыд — человек очень честолюбивый. Второй по старшинству сын князя Всеслава — Борис, напротив, обычно был весел и прост в общении. Из-за своей простоты, человечности и обаятельности, Борис был очень популярен среди дружинников и простых полочан. Оба сына Всеслава были высокого роста, но если Давыд имел русые волосы и лицо аристократическое, с почти хищническими чертами, напоминая своего отца, то Борис был шатеном, улыбочивым и с мягкими чертами лица, не отражавшими преемственности сурового отца.

Сразу за сыновьями, по левую сторону от Всеслава сидел предводитель наемников варягов по имени Эстин. У норвежца Эстина были очень светлые волосы, синие сверкающие глаза, он был невероятно крепкого телосложения и очень высокого роста. Все присутствующие, включая князя с сыновьями, уступали Эстину в росте и ширине плеч. С правой стороны от князя сидел старший дружинник — Ратимир, присутствовали так же купцы, которых отличал бегающий взгляд, а напротив князя сидел епископ по имени Никифор — представитель Полоцкой епархии. Никифор выделялся из присутствующих несколько восточным типом лица, поскольку он был греком. Епископ имел большой выпяченный живот, который не закрывал даже стол, на животе лежал внушительный серебряный крест, на пальцах епископа было несколько перстней с огромными камнями, и

по богатству одежды епископ превосходил самого князя. Моего отца посадили на лавке в углу терема за пределами стола.

Когда все уселись по своим местам, князь Всеслав поднялся во главе стола и сказал:

— Вроде все собрались, вот только я не вижу Вадима, ну да и черт с ним, с этим чудачком всегда что-то не так. Я собрал вас всех сегодня, чтобы обсудить последние новости, доставленные из Киева. У меня есть достоверные сведения, что князья Ярославичи сейчас находятся в военном походе на тмутараканьского князя Ростислава и не имеют военного успеха в борьбе с ним. Я бы хотел использовать эту ситуацию в свою пользу, с сыновьями я уже все обсудил, и меня интересует, что вы думаете по этому поводу? Что скажешь ты, Эстин?

— Светлейший князь, нужно ответить Ярославичам за притеснение полоцких купцов, и лучшей возможности может не представиться. Пока Ярославичи воюют с тмутараканьским князем Ростиславом, нужно на них напасть, вы захватите новые земли, а мои воины получают богатую добычу, как было при вашем отце. Мои люди соскучились по боям и трофеям, — сказал Эстин.

— А какое твое мнение, Ратимир? — жестко спросил Всеслав.

— Ваша светлость, война Ярославичей с Ростиславом закончится, и тогда они сделают все, чтобы вернуть утраченные земли и отомстить нам. При вашем отце, пока был жив тмутараканьский князь Мстислав, позиции Ярослава у власти были шаткими, и он не мог себе позволить долгой войны с Полоцком. Но сейчас союз трех его сыновей очень силен, старшие Ярославичи в хороших отношениях друг с другом и могут воевать столько, сколько потребуется. Я считаю, что нам не стоит нападать на них сейчас, лучше дождаться более благоприятного момента, например, раздора между старшими сыновьями Ярослава, — поднявшись и несколько сбивчиво ответил Ратимир.

— А что нам скажет церковь? Ваше преосвященство, я вижу, вам не нравится наше обсуждение, — сказал Всеслав, пристально глядя на епископа.

— Светлейший князь все равно не станет меня слушать. И все же не гоже христианам проливать кровь друг друга, все вы князья родственники, а ведете себя, как иноземцы и злейшие враги. Чего вам не хватает, светлейший князь? Зачем вам чужие земли? Жили бы вы все князья в мире, как и положено семье, довольствовались тем, что имеете, и на нашей земле царили бы счастье и процветание, — спокойно, глядя в стол и теребя сверкающей камнями рукой огромный серебряный крест, ответил Никифор.

По иронии судьбы, мой отец, как и я, с уважением относился к христианству, ему нравилась образованность и смиренность представителей церкви, а также та умиротворяющая роль, которую брала на себя церковь. Конечно, он иногда подшучивал над поведением монахов и Никифора, но он так же признавал, что этот разодетый толстяк, иногда говорит очень правильные вещи, поступая зачастую намного мудрее сурового и вспыльчивого князя.

У Эстина слова очень толстого, роскошно одетого и сверкающего камнями епископа о скромности и довольствовании имеющимся, вызвали улыбку. Наступила пауза, все ждали слов князя. Всеслав молча обвел взглядом всех собравшихся и сурово посмотрел на Никифора.

— Ваше преосвященство, к сожалению, не я один веду себя не как примерный христианин, и мои далекие родственники в лице Ярославичей, унижают своих родных братьев, а со мной и подавно расправятся при первой же возможности. Ярославичи только и

ждут того, что мы ослабнем, чтобы отхватить от нашего княжества кусок побольше. Они бросили нам вызов, начав притеснять наших купцов, все, что мы собираемся сделать — это лишь защитить полоцкие интересы. Это наши враги потеряли чувство реальности от гордыни и перестали довольствоваться имеющимся, Псков и Новгород должны ответить за свою наглость.

Всем своим видом Никифор показывал недовольство словами Всеслава, но промолчал.

И вдруг среди полной тишины, наступившей в тереме, послышались какие-то шорохи в сундуке, который стоял в углу терема. Обычно в этом сундуке хранилась посуда для пирушек князя, и странные шорохи всех озадачили. Но никто из присутствующих еще не успел что-либо предпринять, когда внезапно сундук открылся и из него выскочил воин с огромным странным луком в руках.

Всего за мгновение лучник прицелился и сделал три выстрела. Три стрелы воткнулись в стол, пригвоздив к столу рукава одежд Ратимира, Эстина и Епископа. А лучник увидев недоумение и испуг на лицах собравшихся, громко засмеялся и сказал:

— Я, как светлейший князь сегодня на совете, сковал вам руки!

Говорившего звали Вадим, именно о нем полоцкий князь спрашивал в начале совета. Мой отец знал о Вадиме немного. Он был знатного происхождения, потомком знати, правившей в Полоцке до призвания варягов на Русь. Вадим был известный гуляка и свои главные подвиги он совершал на любовном фронте, ходили слухи не только о молодых девушках, но и замужних женщинах, чем Вадим и прославился. Многие считали Вадима сумасшедшим, но когда-то в походе полоцкого войска на торков еще совсем молодой Вадим спас жизнь князю Всеславу, и с тех пор ему многое прощалось.

— Прости Господи, как это все понимать? — придя в себя и глядя на испорченную дорожную одежду, возмутился епископ.

— Да, как это понимать, ваше преосвященство? Значит, когда нужно навязать кому-то христианство, то тут для церкви все методы хороши, и по жестокости церкви равных нет. А когда ваша власть уже установилась и вы начинаете жить в роскоши и обирать людей, тут церковь сразу кричит о мире и стабильности. И вы еще осуждаете князя за попытку защищаться? — с усмешкой сказал Вадим.

— Подобные выходки — это уже чересчур! — сказал Эстин и, доставая стрелу из стола, посмотрел на растерявшегося князя Всеслава.

— Разве, Эстин? Мне казалось, что такое появление как раз в стиле варягов. А не чересчур, что наемник, которому вообще наплевать на то, что будет с Полоцком, присутствует на совете? Не чересчур, что варяги всегда выступают за войну? Конечно, пограбите и развлекетесь сейчас, когда Ярославичи не могут ответить, затем сядете на свои корабли и только вас и видели. А войну со всей Русью нам потом вести, — сказал Вадим, ставя свой лук в угол.

— Тоже мне умник, ваша светлость, утихомирьте своего скомороха, иначе я уйду с этого совета! — сказал Эстин и демонстративно поднялся с места.

— Сиди уж, не нужно меня приветствовать стоя! — сказал Вадим и резким толчком ладони в плечо усадил Эстина на место. Трудно передать вид Эстина после произошедшего, глаза варяга налились кровью, он вскочил, как ошпаренный, и заорал:

— Ты покойник!

Но Вадим, значительно уступавший Эстину в росте и телосложении, не испугался, напротив, на его лице появилась улыбка, а в глазах как будто загорелась искра безумия.

— Хватит, немедленно прекратите! Вадим, мне уже надоели твои выходки, берегись, скоро моему терпению придет конец. А ты, Эстин, куда-то собрался? Здесь только я решаю, кто и когда уйдет! — закричал князь Всеслав, его жесткий голос эхом разнесся по терему, на лице полоцкого князя была ярость. Тон князя Всеслава и его озлобленный вид мигом успокоили Вадима и Эстина.

Полоцкому князю потребовалось еще пару минут, чтобы успокоиться, а затем Всеслав продолжил:

— Итак, подведем итоги совета. Варяги выступают за войну, церковь хочет мира, а рассудительный старший дружинник предлагает подождать лучших времен. Вот только Полоцк не может долго сохранять мир в одностороннем порядке, и, учитывая сложившуюся ситуацию, у нас осталось мало времени, — сказал Всеслав и дал сигнал купцам.

— Светлейший князь прав, уже сейчас из-за новгородцев мы терпим большие убытки, ситуация постоянно ухудшается, нужно что-то предпринять против Новгорода, пока все не закончилось катастрофой, — сказал представитель купечества.

Тут князь Всеслав вынес свой вердикт:

— На данный момент казна княжества позволяет нам начать войну, наши войска также находятся в отличном состоянии. Вначале мы нападём на город Псков, это послужит уроком всем, кто собирается бросить нам вызов. А если Ярославичи и дальше будут воевать с князем Ростиславом, то мы начнем войну с Новгородом. Ярославичи не смогут одновременно противостоять и нам и Тмутаракани, и мы вернем славу и уважение Полоцку. У кого есть возражения? — сухо и жестко произнес Всеслав. Но в тереме стояла тишина, никто не осмелился ничего сказать.

Тогда князь Всеслав сурово посмотрел на Вадима и добавил:

— Может тебе есть что возразить? Давай же, тебе ведь не понравились мнения присутствующих, ты уже развлек нас сегодня стрельбой, так позабавь нас еще.

— Надеюсь, светлейший князь, поддавшийся на уговоры торгашей, помнит о том, что с той силой, которой вы бросаете вызов, не справился и сам польский король в борьбе за город Берестье. А ведь у польского короля было гораздо больше денег и людей, чем у Полоцка. Но я подчиняюсь любой воле вашей светлости и буду верно служить вам, — при этих словах Вадима полоцкий князь лишь недовольно вздохнул и несколько успокоился, но тут Вадим продолжил:

— Мне вот только непонятно, зачем вашей светлости нужно было отстраивать Полоцк, Софийский собор, основывать новые города Кукенойс, Герцике и Менск, если скоро враг предаст все это огню. А так меня все более чем устраивает, пожалуй я даже сэкономлю, и не буду заготавливать дрова на зиму. Поскольку зимой я, думаю, отогреюсь у огромного костра, в который Ярославичи скоро превратят полоцкую землю, — глядя в пол, спокойно сказал Вадим.

Князя Всеслава снова затрясло от злости, подойдя к дверям терема, князь открыл их и закричал:

— Стража! Возьмите Вадима и швырните его в поруб! Ты, Вадим, у нас любишь сидеть заточенным в темноте, думаю, после сундука, поруб тебе должен понравиться! — со злобной усмешкой произнес Всеслав. В терем вошли дружинники, которые взяли Вадима под руки, на что Вадим лишь покорно поклонился князю.

Князь Всеслав отпустил всех присутствующих, и когда народ стал расходиться, епископ Никифор подошел к князю.

— Какое у вас ко мне дело, ваше преосвященство? — устало спросил Всеслав.

— Ваша светлость понимает, что я, конечно, умолчу о его планах, но буду вынужден немедленно сообщить митрополиту о подготовке военного похода, а митрополит в свою очередь предупредит киевского князя Изяслава? — несколько сбивчиво сказал Никифор.

— Конечно, я все понимаю, оповестить митрополита — это ваш долг, но это не имеет никакого значения, поскольку войско князя Изяслава находится вдали от новгородских земель и Ярославичи все равно ничего не успеют предпринять, — с усмешкой ответил князь Всеслав.

Выйдя из терема, мой отец обратился к Ратимиру:

— Почему Вадим стал возражать князю, он что не понимал, чем все это для него закончится? Ему ведь просто нужно было промолчать в конце или он правда сумасшедший?

— Вадим очень умен, иногда мне даже кажется, что он слишком умен. Ты не смотри, что он ведет себя как скоморох, на самом деле он получил хорошее образование и обучен сражаться как закаленный дружинник. У меня есть лишь военное мужество для сражений с внешними врагами, но у Вадима есть еще и мужество личное противостоять своим страхам и врагам внутренним. Ничего страшного, князь Всеслав вспылыв, но отходчив, скоро он выпустит Вадима, — сказал Ратимир.

— А что это за дурацкий лук, из которого Вадим сегодня стрелял, я таких раньше никогда не видел? — с интересом спросил мой отец.

— Это составной лук из дерева и роговых пластин, его купил отец Вадима у печенегов, вместе с секретами стрельбы. Когда-то в союзном походе с киевлянами отца Вадима удивила смертоносность этого оружия кочевников, и он решил, что его сын должен научиться стрельбе из такого лука. Несмотря на свой странный вид, этот лук намного мощнее и точнее обычного, он оригинален, как и его хозяин. Помни, Горислав, не все что выглядит дурацким и смешным, является таким на самом деле.

2

В следующие два дня полоцкий князь был занят подготовкой к походу на Псков, на третий день было решено созвать в Полоцке вече. Вадима также продержали в порубе два дня, а на третий день выпустили.

День созыва вече был на удивление теплым и солнечным, лучи солнца проникли в каждый закуток огромного города, где под невероятно чистым синим небом стояла уже привычная торговая суета.

Годы спустя, сын князя Всеслава, Борис, рассказал мне, что в тот день еще ранним утром князь Всеслав отправился к берегу Двины, откуда его на лодке перевезли на остров в монастырь Иоанна Крестителя. Недалеко от острова возвышался Софийский собор, но князь Всеслав предпочитал помпезному и величественному Софийскому собору небольшую тихую церковь Святой Богородицы, находящуюся в монастыре. В церкви Святой Богородицы были захоронены князь Изяслав Владимирович со своими сыновьями: князем Всеславом Изяславовичем, погибшим еще ребенком, и блистательным князем Брючиславом. С этой церкви началось возрождения Полоцка, именно здесь князь Всеслав чувствовал

необъяснимое присутствие безграничной высшей мудрости и непознаваемых духовных сил. В этом тихом месте, ставя свечи, князь предпочитал молиться и размышлять о прошлом и будущем Полоцка.

Всеслав сидел глубоко задумавшись, когда послышались уверенные шаги и в церковь вошел Вадим.

— Ну как, посидел в яме два дня, подумал о жизни? — тихо и спокойно сказал князь Всеслав.

— Да, светлейший князь, подумал. Наказание было справедливым, наверное, даже недостаточным, ведь я перешел грань дозволенного на совете, — поклонившись князю, тихо сказал Вадим.

— Послушай, Вадим, я понимаю твои опасения по поводу предстоящей войны. Признаться мне и самому не нравится вся эта затея, и решение о начале войны далось мне очень нелегко. Но пойми, у меня просто нет выбора. Купцы не врут, над нашей родиной нависла огромная опасность, и нужно срочно что-то предпринять. Я считаю, что в эти непростые времена нам всем нужно держаться вместе, и я бы хотел, чтобы ты сопровождал меня в походе на Псков. Хотя я знаю, что тебе все это не по душе, и я пойму, если ты откажешься, — сказал князь Всеслав и внимательно посмотрел на Вадима.

— Чтобы ни случилось, я не оставлю вашу светлость в опасности. Я буду верно служить вам на этой войне, — поклонившись, ответил Вадим. Князь Всеслав улыбнулся и похлопал Вадима по плечу.

Внезапно зазвенел вечевой колокол Софийского собора, словно сама святая София призывала полочан к единству в трудный час. Толпы народа потянулись к торговой площади Полоцка. В толпе горожан был и я с моим отцом. На специально выстроенном помосте я увидел князя Всеслава, одетого намного проще, чем обычно, в добротный черный плащ — мятль. На ногах Всеслава были темно-синие шелковые штаны, заправленные в высокие черные сапоги, на одежде полоцкого князя в этот раз не было ни узоров, ни украшений. С помоста князь Всеслав обратился к жителям Полоцка, его речь гулко поднималась над площадью, заставляя замолчать и затаить дыхание полочан:

— Отважные жители великого Полоцка, вы те, на ком держится процветание этого города, его величие и слава его. Вы стойко и мужественно сражались рядом с моим отцом при Судомире и привели к покорности новгородцев и киевлян. Вы подчинили народы Прибалтики и держите в своей власти все города на землях от Куkenойса до Менска. Вы, прославившие, как народ справедливый и праведный, воззавшие к Богу и получившие его благодать, через строительство великого собора святой Софии. Сегодня я пришел спросить у вас, чего желаете вы, так как враги посягают на честь земли нашей.

Полочане! Вы все знаете о беззакониях, которые творят на Руси наши соседи Ярославичи. Подобно своему отцу, братоубийце, они притесняют своих братьев и устраивают бесчинства и гонения на достойных и честных людей.

Вы также знаете, что после нашей победы в войне с Ярославом Владимировичем по мирному договору мой отец и его потомки стали соправителями Киева. Однако когда мой отец умер, Ярославичи нарушили мирный договор, не приняв меня новым соправителем, чем оскорбили наш город. У меня уже есть достойнейший из городов, и мне не нужен их Киев, но воспользовавшись молчанием Полоцка, старшие Ярославичи захватили власть на Руси и расправились с нашими союзниками.

Сегодня Ярославичи пошли еще дальше, они избили и выгнали наших купцов, чем

открыто бросили вызов Полоцку.

Забыли киевляне и новгородцы о битве при Судомире, об отваге и стойкости полоцких воинов, о том, как просили нас заключить мир. Еще вчера они откупались от нас своими землями, а сегодня они обкрадывают нас и наши семьи и унижают землю наших предков.

Полочане, мы слишком долго терпели преступления Ярославичей, пришло время дать отпор обнаглевшему врагу и напомнить киевлянам и новгородцам — где их место.

Наша вражда с Новгородом длится веками, и наши славные предки: Князь Рагвальд, князя Изяслав и Брючеслав, они нам покровительствуют в этой борьбе.

Наступает время справедливой войны, и наш долг защитить нашу землю под знаменем Тимофея Полоцкого. Чтобы Ярославичи знали, что есть еще сила на Руси, способная заступиться за правду и справедливость.

Но я спрашиваю сегодня у вас, жители великого Полоцка, чего же хотите вы? Мира или войны с Ярославичами?

Толпа полочан, была изначально настроена против Новгорода и Киева, из-за слухов об избиении полоцких купцов и мнения самых влиятельных людей города, с которыми Всеслав уже все решил заранее.

Но речь Всеслава, обращенная к толпе, в которой было много ветеранов, бившихся при Судомире и помнивших о боевой славе Полоцка, привела людей в неистовство. Вначале из толпы полочан периодически вылетали крики одобрения во время речи Всеслава, а после вопроса князя, площадь наполнилась дружным гулом:

— Войны! Войны! Войны!

Князь Всеслав улыбнулся, и его глаза засверкали. Мое сердце бешено забилося от гула толпы, я оглянулся вокруг и увидел горстку людей, молча и растерянно стоящих в стороне.

— Это новгородские и киевские купцы, — прошептал мне на ухо отец. Внезапно к этим людям подошел Ратимир и в спешном порядке их куда-то увел.

— Бей новгородских и киевских купцов! — крикнул кто-то из толпы спустя некоторое время, и толпа бросилась искать купцов, но Ратимир уже спрятал их всех по распоряжению Всеслава. Полоцкий князь хорошо знал, чего ожидать от своего народа. Цель вече была достигнута, начиналась большая война.

Ведьма

Отца разбудили ранним утром и сказали собираться в путь. Оружие осталось в хранилище, но отец надел, на всякий случай, свою кольчугу и отправился с князем. Всеслава также сопровождали Вадим и отряд дружинников во главе с Ратимиром.

— Куда мы едем? — осторожно спросил мой отец у Ратимира.

— К одной очень могущественной ведьме, о ней давно рассказывали князю и он решил, что пришло время ее посетить, — стараясь говорить как можно тише, ответил Ратимир.

— Именно для таких случаев я тебя, блохастого пса, и взял на службу, пусть нечисть встретится с нечистью, посмотрим, что из этого выйдет! — добавил с улыбкой князь Всеслав, оглянувшись на моего отца.

Дом ведьмы оказался в лесной чаще около города Полоцка, и далеко ехать, к радости отца, не пришлось.

Отвратительная сморщенная старуха, вся в бородавках, покрытая то ли паутиной, то ли какой-то плесенью, с большим белым бельмом на левом глазу, встретила всадников на пороге убогой лачуги. Ее дом был даже не деревянным, его стены состояли из веток, обмазанных глиной. И хотя дом находился в достаточно сухом месте, он был несколько приподнят над землей и стоял на четырех столбах.

— Кто вы и зачем ко мне явились? — хриплым грубым голосом спросила старуха.

— Я твой князь, правитель земель, на которых ты живешь, ведьма, — ответил ей Всеслав, подъехав чуть не в упор к ее порогу на своем коне.

— Ты князь? Чую что-то в тебе не чисто! — сказала ведьма, резко втягивая носом воздух и прищурившись, осмотрела Всеслава.

— Поговори у меня еще, старая карга! — озлобленно ответил Всеслав, и дал знак дружинникам взяться за оружие.

— Простите старую дуру, ваша светлость, — опомнившись и кланяясь, стала извиняться ведьма: — Заходите, я приглашаю вашу светлость в свой дом.

Князь успокоился, приказал дружинникам оставаться снаружи и прошел к ней в дом. Он старался говорить тихо, но мой отец обладал лучшим слухом, чем обычные люди, даже в человеческом облике, и расслышал каждое слово князя.

— У меня намечается большая война, ведьма, и я хочу иметь возможность заглянуть в будущее. Я слышал, что ты можешь это устроить, — прошептал ведьме князь Всеслав.

— Я вас поняла, у меня есть сбор из сушеных грибов и трав, вам нужно будет его заварить в кубке. После того, как вы выпьете отвар, вы увидите будущее, но секрет приготовления этого сбора давно утерян, и оставшегося у меня количества вам хватит лишь на один отвар, — также шепотом ответила ведьма.

— Я заплачу тебе сколько потребуется, но ты должна мне дать больше этого средства, одного раза слишком мало, — уже с раздражением прошептал князь.

— Светлейший князь, количества сбора на один раз, это все, что у меня есть. И я не владею секретом приготовления, решайте, нужно ли это вам, — оправдываясь, ответила ведьма.

Князь хоть и с недовольством, но согласился. Вскоре он вышел из дома ведьмы с небольшим мешочком в руках.

Всеслав, мой отец и дружинники начали собираться и разворачиваться ехать в обратный путь. Как вдруг вышедшая провожать князя ведьма, осмотрела спутников князя, снова начала сильно втягивать носом воздух и, остановив свой взгляд на моем отце, озлобленно закричала:

— Кто ты такой?

Здоровый глаз ведьмы налился кровью, и она начала спускаться с крыльца своей лачуги.

Мой отец лишь смутился. И тут ведьма с невероятной быстротой подбежала к моему отцу и одним сильным толчком двух рук завалила моего отца на землю вместе с конем. Затем она схватила отца за кольчугу возле сердца, за волосы стащила его с упавшего коня и, тряхнув с невероятной силой, швырнула отца чуть не на двадцать метров. Клок волос отца остался в руке ведьмы, звенья разорванной кольчуги посыпались на землю, и по воспоминаниям отца, если бы не кольчуга, ведьма наверняка убила бы его своими когтями.

Когда отец, шатаясь, поднялся с земли, в глазах у него потемнело и начался гул в ушах.

Мой отец был безоружен, а дружинники, у которых можно было попросить оружие, находились слишком далеко от него. Князь и дружинники были в оцепенении, лишь Вадим улыбался и внимательно следил за происходящим.

— Как ты посмел появиться на моей земле? — продолжала кричать ведьма, обнюхивая клочок волос отца.

Затем она схватила огромную корягу, и, к удивлению князя и дружинников, вынула ее с длинными корнями из земли. Ведьма направилась с корягой в сторону отца, при этом огромную корягу она держала легко и играючи, казалось, отец обречен. В этот момент Вадим вынул из ножен меч и закричал:

— Успокойся, старуха!

Крик Вадима отвлек ведьму, а когда она вновь повернулась к отцу, он уже успел превратиться. Огромный серый волк молниеносно кинулся на ведьму и сбил ее с ног. От удара огромных серых лап ведьма выронила корягу и, пролетев несколько метров, ударилась головой об один из столбов, на которых стоял ее дом. После удара о столб, силы словно покинули ведьму, старуха приобрела скорчившийся и жалкий вид. Шокированная и контуженная, открыв глаза, она увидела прямо перед собой оскалившуюся огромную волчью голову, слюна стекала из внушительной зубастой пасти, а желтые волчьи глаза горели ненавистью. Ведьма растерялась и пришла в ужас. Отец уже готовился схватить ведьму за глотку и на этом оборвать жизнь мерзкой старухи, но тут вмешался пришедший в себя князь.

— Хватит! Что вы делаете? — закричал Всеслав.

Отец нехотя отошел в сторону. Ведьма от слов князя, казалось, тоже успокоилась.

— Я прошу, вашу светлость, пусть оборотень никогда здесь больше не появляется! — сказала, поднявшись, ведьма и ушла в свой дом без дальнейших объяснений.

Мой отец оделся, осмотрел коня, после чего все всадники отправились в Полоцк. По дороге назад Вадим был особенно весел.

— Крепкая карга, знали бы о ее способностях раньше, наняли бы ее тягать кирпичи для Софийского собора, а то лошади не справлялись. Может и остальные старухи в Полоцке только прикидываются немощными и ими можно заменить лошадей и грузчиков?

Нужно срочно подумать о том, чтобы взять ее в дружину. Лучница из нее, подслеповатой, конечно, никудышная, еще ошибется и своих перестреляет, зато в ладье будет грести за десятерых, только кто-то зрячий должен предупредить ее, когда начнется берег, а то ладьей будем стучаться в полоцкие ворота.

А если эта старая оторва неожиданно нападет на Новгород с корягой, так и воевать не придется, Новгород будет разрушен и с нас взять нечего. Скажем, мол, просто злая она в последнее время, и с головой у нее не все в порядке, — с усмешкой сказал Вадим.

Затем Вадим обратился к моему отцу:

— Ну что, оборотень, ты живой? Наверное, у старухи аллергия на запах псины. С другой стороны, найти хорошего пушистого зверя в лесах все сложнее, а старая карга, видимо, слишком мерзнет в своем сарае зимой. Вот и решила тебя напугать, чтоб ты превратился в волка, а потом сделать из тебя хороший теплый воротник.

Вадим потешался над ведьмой и моим отцом всю дорогу, развлекая князя Всеслава и Ратимира. Мой отец не обижался, ведь перед этим Вадим отвлек ведьму, чем спас отцу жизнь.

Из всех возвращающихся в Полоцк особенно ошарашены были дружинники. По приезду в Полоцк князь взял с дружинников клятву никому не рассказывать об увиденном.

Триумф или крах?

1

В год 6573 от сотворения мира, князь Всеслав собрал отлично подготовленное и снаряженное полоцкое войско, и отправился в поход на город Псков. Князя Ярославичи были слишком заняты войной с Тмутараканью, чтобы остановить Всеслава. Кроме того, князь Всеслав пустил слух, что собирается в поход на Новгород, и новгородцы мобилизовали оставшиеся у них войска на защиту своего города, оставив путь на Псков открытым.

Зная, что Псков очень хорошо укреплен, князь Всеслав заранее нанял в Византийской империи специалистов по осадным работам. Моему отцу дали поручение сопровождать специалистов, и снаряжение для строительства стенобитных машин. Этот военный поход оказался очень долгим.

Когда византийцы, пришедшие с полочанами, наконец увидели Псков, они ужаснулись, и заявили князю, что город слишком хорошо укреплен и шансы его взять незначительны.

Тем не менее, были сооружены тараны, вороны и приставные лестницы на колесной платформе.

Построив свои войска, Всеслав сказал:

— Полочане, вся Русь смотрит на вас, все княжества следят за тем, что здесь происходит. Ярославичи считают, что полоцкое войско уже не то, что прежде, что мы превратились в жалкое отребье, не способное себя защитить, и дни славы Полоцка навсегда ушли в прошлое. Сегодня у вас появился шанс доказать всем, что это не так, покажите этим трусливым тварям на что мы способны, и пусть враги содрогнутся, увидев вашу силу и отвагу.

Воодушевленные полочане окружили наиболее уязвимые части города и с яростными криками пошли на штурм. Но поднятие стенобитных машин на возвышенность под приличным уклоном снижало их эффективность. Кроме того и сам подъем к стенам по скользкому склону был очень тяжелым.

Жители Пскова с легкостью отбивали все атаки со своих высоких городских стен. В штурмующих полочан стреляли меткие лучники, полочан закидывали камнями и обливали кипятком, полоцкие воины падали замертво или истекая кровью скатывались со склона. Ответные атаки полоцких лучников по псковским укреплениям редко приносили успех. Жители Пскова смеялись над полочанами и осыпали их проклятьями.

Проваливалась одна атака за другой, волны атакующих постоянно сменялись, полочане отважно и упорно делали все возможное, но все было бесполезно. Первых несколько дней

полочане верили, что вскоре захватят город и шпиг на штурм с невероятным напором, подбадривая друг друга. Но дни шли и, хотя полоцкие воины стойко переносили все тяготы, постепенно вера в успех начала их покидать. А потом люди все чаще начали вспоминать, что Псков не такой уж богатый город, а дома в Полоцке у них много дел и они терпят убытки, тратя время на войну.

Окрестности Пскова запомнились моему отцу туманной дождливой погодой и крайней бедностью дичи в сравнении с лесами Полотчины. Сам город и его окрестности были наполнены атмосферой скудности и крайней суровости. Город Псков, слишком хорошо укрепленный для такого среднего города, был символом бессмысленности похода Всеслава в края, где скудность трофеев сочеталась с крайней воинственностью населения.

Однажды ночью Вадим, сидящий на берегу реки Великой, услышал какие-то шорохи. Развернувшись, он увидел недалеко от себя группу людей с ведрами, они, крадучись, пробирались к реке.

Странное поведение воинов вызвало у Вадима интерес, и, когда они набрали воду и пошли в сторону псковских укреплений, Вадим проследовал за ними. Воины направились к растущему на склоне кустарнику и скрылись в нем. Обследовав склон, Вадим обнаружил замаскированный подземный ход.

О своем открытии Вадим никому не сказал. И когда окончательно стемнело, Вадим решил пробраться через подземный ход в Псков. Не стоит и говорить, как он рисковал, но в этом был весь Вадим.

Сняв доспехи и переодевшись в одежду попроще, Вадим поднялся на склон, к замаскированному входу. Пройдя сквозь узкий туннель, Вадим аккуратно выглянул из ямы за стены Пскова, охраны видно не было. Тогда Вадим поднялся наружу, осмотрелся и двинулся прочь от входа.

— Кто здесь? — послышался голос из темноты, и Вадим увидел приближающийся темный силуэт. Не растерявшись, Вадим достал флягу с испорченным пивом из-за пояса и вылил ее на себя.

— Подожди, кажется, мне плохо! — сказал очень сбивчиво и периодически икая Вадим.

— Ходит тут всякий пьяный сброд, убирайся отсюда! — сказал злобно стражник, и Вадим демонстративно шатаясь и падая скрылся от стражника.

Город Псков был полон суетой, мало кто из его жителей спал той ночью. На лицах псковичей читался испуг, иногда ненависть. Отовсюду слышались проклятия в адрес полочан и князя Всеслава. В одном из домов двери были открыты, и Вадим заметил там женщину, успокаивающую плачущего младенца. В этот момент Вадима сильно толкнули и, споткнувшись, он упал. Вадим повернулся и увидел, что его толкнула богато одетая красивая девушка. Несмотря на грязный вид Вадима и исходящий от него жуткий запах испорченного пива, девушка извинилась, помогла Вадиму подняться и стала отряхивать его одежду.

Вадим смущенно поблагодарил девушку. Увидев, что перед ней молодой вежливый парень, девушка улыбнулась Вадиму, а затем ушла.

Пройдя чуть дальше, Вадим увидел группу очень молодых воинов, которые клялись друг другу сражаться за Псков до смерти. Напротив стоял дом, на пороге которого, глубоко задумавшись, сидел старец, чем-то напомнивший Вадиму его отца.

В ту ночь Вадим обошел почти весь город и вдоволь насмотрелся на осажденных псковичей.

Назад к подземному ходу, обойдя стражников, Вадим пробирался почти ползком. К

счастью, его никто не заметил.

Вернувшись в полоцкий военный лагерь, Вадим долго размышлял и решил не сообщать князю Всеславу и своему окружению о подземном ходе.

Много лет спустя, когда князь Всеслав лежал присмерти, тяжело больной, Вадим рассказал об этом случае князю Всеславу, и князь его простил. Зная тяжелый характер Всеслава, могу сказать, что это было мудрое решение. Признайся Вадим в том, что знал, как захватить Псков, в дни, когда князь Всеслав был молод и полон амбиций, вероятно Вадима казнили бы.

— Мне было жаль псковичей, я увидел, что это очень достойные люди. Кроме того, я считал, что уничтожение Пскова не соответствует главным целям города Полоцка и его моральному престижу. И хоть я тогда был всего лишь рядовым воином, именно я решал: существовать Пскову или нет, — сказал на одной из пирушек Вадим.

Поскольку при своих знаниях видеть каждодневную гибель полочан Вадиму тоже было непросто. Он почти совсем перестал общаться с окружающими и сутками не выходил из своего шатра.

Но напрасно Вадим так волновался за псковичей, отважные воины Пскова нашли в себе силы не только успешно отстоять город, но и сделать вылазку в попытке уничтожить стенобитные машины и убить князя Всеслава. Конная вылазка псковичей застала полочан врасплох, и все основные военные силы полотчины, включая Эстина и Ратимира, бросились в отчаянной рубке спасать осадную технику. А пока полочане сдерживали неожиданный натиск псковской конницы, отряд наемников из Пскова вышел через тайный ход и незаметно пробравшись к шатру князя Всеслава, молниеносно перебил охрану у шатра.

У княжеского шатра послышались крики и шаги, в шатер заглянули суровые лица наемников. По их наглому поведению княгиня Катарина поняла, что это воины Пскова, князя в шатре не было.

— Смотрите, что у нас здесь! Наверное какая-то знатная особа! — сказал один из четырех вошедших в шатер наемников. Он был чуть выше остальных ростом и судя по одежде чуть богаче своих товарищей.

— Да это, наверное, княжна. Надо взять ее с собой, а после потребовать за нее выкуп! — сказал другой наемник и осмотрел шатер.

— Увезти ее в город мы всегда успеем, давайте перед этим развлечемся с ней в лесу, а то в Пскове нам этого сделать с ней не дадут, а у меня давно не было женщин! — вновь заговорил высокий воин.

— Если князь Всеслав узнает об этом, он нас из-под земли достанет! — возразил третий наемник, складывающий вещи из шатра в мешок.

— Я лично собираюсь уехать в Польшу или в Венгрию после этой компании, да и вас ищи как ветра в поле, князю Всеславу нас не достать. Когда еще вашей добычей будет княжна? — вновь сказал высокий наемник, и его товарищи пожали плечами.

Княжна Катарина забилась к краю шатра и вынула кинжал, но ее действия лишь рассмешили наемников. Суровые войны переглянулись и начали приближаться к княжне, один из них с легкостью выбил кинжал сапогом из ее рук. Катарина закрыла глаза от ужаса, и в этот момент в шатер уверенной походкой и в сияющих доспехах, вошел Эстин.

— Воюете с женщинами? По-моему, ваше общество неприятно княжне. Вы могли ограбить шатер князя и уйти с добычей до моего прихода. А теперь вы все умрете, выродки! — спокойно сказал Эстин, гордо расправив плечи и усмехнувшись в предвкушении

схватки.

Увидев Эстина, наемники побледнели и застыли в замешательстве. Они узнали этого легендарного варяга и осознали, насколько близки к смерти. Но наемники были не из пугливых.

— Я знаю тебя, Эстин, но не слишком ли ты самоуверен, я убивал князей по приказу великого князя Ярослава, неужели не справлюсь с каким-то варягом? — сказал самый высокий из наемников.

— А вот я тебя не знаю, и мне плевать, кто ты! Если вместо судьбы воина ты выбрал роль палача, то ты обычное ничтожество и к тому же покойник, как и все вы здесь! — невозмутимо с улыбкой сказал Эстин.

Переглянувшись, четыре наемника разом бросились на Эстина. Один из наемников кинул в Эстина топор, но Эстин отбил его, молниеносно отскочил в сторону, и боковым ударом снес голову крайнему к нему воину. Оставшиеся трое наемников попятились назад, но затем вновь разом вступили в схватку. Пока двое из них в яростном порыве отвлекали Эстина, третий, самый высокий и наглый среди них, изловчился зайти к варягу со спины и резким ударом кинжала попытался заколоть Эстина.

Увидев опасность, грозившую Эстину, княжна Катарина закричала, но Эстин в последний момент перехватил руку с кинжалом. Послышался хруст руки наемника, после чего Эстин его же рукой, вспорол наемника от живота до грудной клетки и оттолкнул. Убийца князей скорчился, захлебываясь кровью, в ногах варяга.

Вид крови привел Эстина в неистовство, на его лице застыла улыбка, а глаза затуманились. Эстин набросился на оставшихся воинов, ускорив темп и силу ударов. Щиты псковских воинов разлетелись в щепки, и вскоре они оба пали порубленные варягом. Но Эстин все не успокаивался, продолжая рубить с усмешкой мертвых псковских наемников, повторяя:

— Как вы посмели явиться сюда, как вы посмели бросить вызов мне, жалкие твари!

Лишь несколько минут спустя, Эстин пришел в себя и сразу же направился к княжне.

— Вы в порядке, ваша светлость? Они не причинили вам вреда? — учтиво поклонившись, спросил Эстин. Звенья его кольчуги отразили пробивающееся в шатер солнце, Эстин вновь выглядел очень спокойным и величественным.

На лице Катарина появились слезы, она крепко обняла Эстина и прошептала:

— Я этого никогда не забуду, мой муж вас вознаградит.

Эстин был давно не равнодушен к княжне, наслаждаясь ее объятиями, он прижался к ее нежной щеке и чуть коснулся утонченной руки княжны. В какой-то момент их объятия разомкнулись а взгляды встретились.

— Это моя служба, и мне не нужно никаких наград от князя. Вот если бы я мог просить, вашу светлость, подарить мне какой-нибудь предмет, который напоминал бы мне о вас в этих далеких суровых краях, — спокойной ответил Эстин.

На пару мгновений княжна замешкалась из-за необычной просьбы варяга. Затем Катарина открыла шкатулку с драгоценностями и, достав оттуда брошь, украшенную драгоценными камнями и розовой лентой, передала ее Эстину. Коснувшись теплой нежной руки княжны, Эстин широко улыбнулся и снова поклонившись княжне, покинул шатер.

В этот же день князь Всеслав прислал Эстину мешок серебра.

Через несколько дней осады в районе курганов, находящихся возле Пскова, под вечер стали появляться странные темные человеческие силуэты. Некоторые полоцкие войны даже

утверждали, что слышали, как эти силуэты черного цвета о чем-то шепчутся между собой. Но когда воины к ним приближались или пытались выстрелить в них из лука, силуэты растворялись в воздухе.

Представители церкви в полоцком лагере тут же вспомнили, что у полочан и псковичей общие предки, оба города основал древний союз племен — кривичей.

— Скорее всего в курганах покоятся именно кривичи, и по сути, поход князя Всеслава является братоубийственным! — заявили они.

— Что ж эти братья легли под Новгород и вместе с новгородцами издевались над нашими купцами? — раздраженно сказал Всеслав.

Но каждый вечер шепчущих черных силуэтов становилось все больше, силуэты отходили от курганов все дальше, они даже начали заходить в полоцкий военный лагерь и подниматься к стенам Пскова. Представители церкви читали молитвы и окропляли силуэты святой водой, это помогало, но не на долго, исчезая от молитв и святой воды, человеческие силуэты вскоре появлялись вновь.

Это явление, как и неудачные штурмы, производило угнетающее действие на полоцких воинов. Мой отец был свидетелем, как сын князя Всеслава Борис сообщал Всеславу о просьбах полочан снять осаду и вернуться домой. Подобные разговоры приводили Всеслава в бешенство.

Вдобавок изменилось поведение княжны Катарини, она стала более задумчивой и терялась в присутствии Эстина. Конечно, князь понимал, что происходит и сильно переживал, но сделать ничего не мог.

В один из вечеров под Псковом князь Всеслав сильно напился, сел на коня и, к ужасу полоцких воинов и удивлению псковичей, поехал прямо к темным человеческим силуэтам. Князь Всеслав ничего не боялся, и его верный конь, потомок диких лошадей из полоцких лесов, так же не дрогнул. Подъехав к темным силуэтам, Всеслав осыпал их бранью, а затем обратился к ним нагло и разнуздано:

— Зачем пришли? Может вам чего-то не хватает в курганах, еды или серебра? Так подавитесь! — сказал князь достал пару арабских серебряных дирхемов и швырнул их в один из силуэтов, но монеты пролетели сквозь человеческий силуэт и упали на землю.

— Не нравится серебро? Тогда отведай стали! — с этими словами Всеслав вынул из ножен меч и заехав в толпу гостей из курганов, стал рубить их мечом, приговаривая:

— Твари, убирайтесь назад в свои земляные норы! Если будете путаться под ногами, то я разрою ваши курганы, достану ваши останки и прикажу выставить их в поле, отпугивать ворон!

Князь Всеслав осыпал темные силуэты проклятиями и продолжал их рубить, но меч лишь проходил сквозь силуэты, не причиняя им никакого вреда. От своего бессилия князь пришел в еще большую ярость.

Тут, по воспоминаниям князя, один из темных человеческих силуэтов вышел ему на встречу. Конь Всеслава стал на дыбы и ударил темный силуэт передними ногами, но человеческий силуэт остался на месте. Только в районе сердца у силуэта появилось какое-то переливающееся сияние. Подойдя ближе, словно тень героя из прошлого, силуэт взял коня князя под уздцы, и, к удивлению Всеслава, его конь успокоился. Затем темный силуэт подошел ближе к князю и прошептал:

— Успокойся, брат!

А после все темные силуэты исчезли, а ошарашенный князь Всеслав развернул коня и

поехал в лагерь.

На следующее утро, когда мой отец развлекал князя Всеслава рассказами о своих скитаниях, в шатер к князю пришли представители полоцкого купечества и Эстин. Увидев в своем шатре купцов, которые зашли и виновато опустили взгляд, Всеслав просто вышел из себя и закричал на них:

— Чего пришли, тоже проситься домой? Разве не из-за вас я привел сюда войско, разве не вы жаловались мне на Псков и Новгород?

Затем Всеслав посмотрел на Эстина и также обозлено произнес:

— А ты, Эстин? Разве не ты подбивал меня на войну? А теперь что? Будешь скулить о возвращении?

После небольшой паузы один из купцов нарушил тишину:

— Не гневайтесь, ваша светлость, но Псков нам не конкурент, а из-за долгой осады мы не можем торговать. Если бы речь шла о разграблении Новгорода, то можно было бы рискнуть и оставаться здесь до последнего, но даже взятие Пскова не покроет наш ущерб.

— Светлейший князь, византийские специалисты и мои войны считают бессмысленной осадой столь хорошо укрепленного места, мы и так потратили на незначительный город слишком много времени. Многие остались калеками или погибли, — спокойно произнес Эстин.

— Глупцы, отойти, не взяв город, значит проиграть и показать нашу слабость врагу, — обозленно сказал Всеслав.

Затем князь выпроводил гостей из шатра, нехотя обещав подумать о возвращении в Полоцк, и обратился к охране:

— Позовите ко мне Ратимира.

Вскоре Ратимир вошел в шатер, он единственный из окружения Всеслава, еще не выказывал недовольства по поводу длительной осады.

— Какие настроения в войске, Ратимир? — спросил князь Всеслав.

— Очень многие недовольны, ваша светлость, и считают осадку бессмысленной, боевой дух в войске слаб, — холодно и спокойно ответил Ратимир.

— А что, Ратимир, скажешь ты, как ты относишься к осаде? — уже спокойнее спросил князь.

— Мне все равно, и если светлейший князь пожелает, я буду осаждать Псков хоть до конца жизни.

— Я не сомневался в твоей преданности, Ратимир, но меня интересует твое мнение по поводу продолжения осады Пскова? — с улыбкой спросил Всеслав.

— Что ж, не гневайтесь ваша светлость, но осада крепости всегда сулит неприятности, она губит наше войско и подрывает его боевой дух. Кроме того, у нас заканчивается провизия, придя сюда мы не учли скудности этих земель, и со снабжением войска скоро возникнут большие проблемы. Мне кажется, что полочанам пора возвращаться домой, — спокойно ответил Ратимир.

Улыбка сошла с лица Всеслава и он отпустил Ратимира.

Ночью мой отец встретил князя, который о чем-то задумавшись обходил лагерь. Князь увидел сотни обваренных и окровавленных воинов, стонавших от боли. Он увидел десятки свежих могил, обреченные и разочарованные лица полочан, отогревающихся у костра. Всеславу было над чем подумать.

На утро князь построил полочан перед лагерем, день был необычно ясный для

дождливых окрестностей Пскова. Князь Всеслав сидел на коней, в короне, заказанной когда-то его отцом князем Брячиславом в честь обретения верховной власти в Киеве. Моему отцу, по приказу Всеслава, нашли самые блестящие доспехи в войске, дали в руки полоцкое знамя и отправили к стенам Пскова. На величественном полоцком знамени, сверкающем под солнечными лучами, красовался вооруженный святой Тимофей Полоцкий, который казалось ожил под псковскими ветрами. Подойдя к стенам Пскова, отец закричал:

— Милостивейший князь Всеслав просил передать жителям Пскова, что он впечатлен, но впечатлен не стойкостью псковских воинов, которые прятались в городе, а лишь высотой укреплений Пскова. Укреплений, которые учитывая вашу бедность, мог построить только очень трусливый народ. Сегодня мы уходим, поскольку с вас, нищих, жалких и трусливых, нечего взять, и мы не желаем тратить на вас время. Но пусть наш поход будет вам уроком, если вы и дальше будете мешать нашим купцам, то мы вернемся, и уничтожим ваш город. Скоро мы захватим Новгород и завладеем всей Новгородской землей, и тогда вы сами покорно откроете ворота Пскова наместнику светлейшего князя.

Какой-то псковский лучник, выстрелил в моего отца, но отец вовремя среагировал и уклонился от стрелы. После этого отец, в руке которого развивалось знамя, максимально выпрямился в сияющих доспехах и, гордо подняв голову — засмеялся. Тут же все полоцкое войско начало смеяться и ликовать, поддерживая радостными криками удачливость отца и решение князя Всеслава. Перед уходом домой многие полоцкие воины поклонились псковским курганам. Полочане были веселы, когда отправлялись в обратный путь, и лишь князь Всеслав был тих и мрачен.

Так бесславно закончился поход на Псков, город постоянно окутанный непроницаемым туманом и столь же неприступный, как и мечта Всеслава о господстве на Руси.

2

После возвращения в Полоцк князь Всеслав долго негодовал из-за неудачи под Псковом. Часто, напиваясь в компании Ратимира, моего отца и приближенных дружинников, князь обвинял полоцких купцов в предательстве, иногда он обрушивался с бранью на варягов или обвинял в обмане византийских специалистов. Он считал, что слава Полоцка погибла под Псковом, князь стал более замкнутым и озлобленным.

Однако как бы не оценивал неудачу под Псковом Всеслав, князя Ярославичи не могли себе позволить одновременно воевать с Тмутараканью и Полоцком, и не устроили ответного военного похода. В тоже время жители Новгорода, до которых дошли новости о событиях под Псковом, сильно обозлились на полоцких купцов, выгнали их из своих земель и договорились с киевлянами о торговом противодействии Полоцку. Новое столкновение Полоцка с Новгородом было неизбежно.

Наступало время экономического могущества Новгорода. За свою яркую политическую историю жители Новгорода трижды ставили во главе столичного Киева своих князей. Новгород опередил город Полоцк, начав задолго до полочан строительство огромного Софийского собора. Богатый, блистательный и могущественный город, расположенный на

реке Волхов, Новгород так же как и Полоцк, являлся одним из главных портовых городов на торговом пути "из варяг в греки".

Практически на глазах у полоцкого князя Всеслава Новгород захватил основной поток поставки мехов, а теперь этот город и вовсе претендовал на монополию в торговле с Западной Европой.

Узнав об изгнании полоцких купцов, Всеслав казалось даже обрадовался, в глазах князя загорелась искра надежды и на его суровом лице появилась улыбка:

— Наконец-то мы с ними поквитаемся, судьба дает нам второй шанс! — с нескрываемой радостью сказал Всеслав.

Князь перестал много пить и начал готовить полоцкое войско к походу на Новгород. В год 6574 от сотворения мира полоцкое войско было снова на марше, растянувшись колонной в несколько километров, оно напоминало огромного змея, покрытого шипами копий, с переливающейся серой чешуей из кольчуг и шлемов. Дорога снова выдалась долгой, но предчувствие реванша над новгородцами за последние годы унижений и неудач формировало в полоцком войске чувство участия в справедливой войне.

Полоцкие ополченцы стойко переносили все тяготы похода и, казалось, были даже довольны, что отправились в поход на ненавистный им Новгород. Дружинники князя и варяги Эстина пили и веселились во всю при всех остановках войска на ночлег. Мой отец сидел в этом походе у костра в одной компании с дружинниками.

Кто не видел гуляний полоцкой дружины, тому не понять ее особый дух, алкогольной праздности и ощущение искреннего братства с совершенно сумасбродным поведением под громкий смех и пьяные песни.

Вначале полоцкие дружинники напивались до состояния, когда уже с трудом держались на ногах. А затем устраивали соревнование в езде на лошадях, стрельбе из лука по шлему, который ставили одному из дружинников или ополченцев на плечо, и борьбе между собой в полном доспехе. Веселые пьянки и соревнования дружина разбавляла рассказами захватывающих жизненных историй. Эстин и его ветераны тоже участвовали в гуляниях, и варягам так же было что рассказать. И, конечно, дружинники развлекались со взятыми с собой или привезенными из окрестностей девушками.

Музыка, пьяные крики и смех, наполняли края, где полоцкое войско останавливалось на ночлег. Однако уже приближаясь к землям Новгорода, Ратимир и его воины, стали вести себя гораздо тише.

Отец рассказывал, что в походе на Новгород, князь Всеслав, выпивая вино в своем шатре, как-то спросил моего отца:

— Твоего сына зовут Светозар? Это довольно редкое имя, отчего ты его так назвал?

— Светлейший князь, история имени моего сына связана с богиней Ладой, — сказал уже весьма хмельной отец, и тут же запнулся, пожалев о сказанном.

— Почему имя твоего сына связано с какой-то языческой богиней? Расскажи мне эту историю, — настороженно спросил Всеслав.

— Когда мы скрывались в лесу, моя беременная жена никак не могла родить. Тогда одна местная старуха сказала, что неподалеку возле реки Ружанки находится капище богини Лады, нужно принести богине жертву, и Лада поможет. Я не верил в эту богиню, но провел ритуал. Ночью к моей жене явилась молодая смеющаяся девушка со светлыми волосами и венком из цветов на голове, по словам жены от тела девушки исходило теплое свечение. Эта девушка подошла к моей жене, улыбнулась и, гордо подняв голову, сказала:

— Твоего сына будут звать Светозар!

Потом девушка засмеялась и коснулась рукой моей жены, а после исчезла, и моя жена перестала чувствовать боль. Вскоре наступил рассвет, и когда лучи восходящего солнца коснулись тела моей жены, она родила сына. Позже старуха сказала, что появление богини — это небывалый случай, нужно назвать сына так, как сказала Лада, и тогда богиня будет ему покровительствовать.

— Ты хочешь сказать, что языческая богиня Лада существует и она приходила к твоей жене? Ну это уже слишком, я хоть и обладаю необычными способностями, но я христианин и не верю в языческих богов, больше не смей при мне нести подобную суеверную чушь. Твоей жене просто померещилось что-то в горячке! — закричал пьяный князь Всеслав.

— Кто знает, светлейший князь, — сказал отец, но, почувствовав гневный взгляд князя, добавил, опустив голову: — На все воля Божья.

Князь Всеслав лишь засмеялся и налил моему отцу новый кубок.

Во время этого похода полоцкий князь хитрыми маневрами умудрился обмануть новгородцев. Новгородцы знали, что полоцкое войско уже на их земле, но, как ни странно, не могли найти Всеслава.

Вся игра маневров закончилась тем, что новгородцы обнаружили полоцкое войско перед самым Новгородом, на реке Мсте.

Войско Новгорода не уступало полоцкому по размерам, новгородцев возглавлял князь Мстислав Изяславович, сын великого князя Киевского. Именно князь Мстислав Изяславович притеснял полоцких купцов в последнее время, и все полочане его ненавидели.

Полоцкое и Новгородское войска построились в боевой порядок на противоположных берегах реки Мсты. Князь Мстислав выглядел очень самоуверенным и веселым, что еще больше злило полочан.

— Сейчас повеселимся, — прошептал моему отцу Ратимир.

По приказу князя Мстислава, чтобы неожиданно напасть, новгородцы скрытно стали перебираться на противоположный берег ниже по течению. Но отлично организованные разъезды полоцкого войска, заметили новгородцев и постоянно докладывали князю Всеславу о переправе вражеского войска.

При этом долгое время, полочане ничего не предпринимали, спокойно отсиживаясь в своем лагере. Только когда около четверти новгородского войска перебралось на другой берег к полочанам, князь Всеслав подошел к Ратимиру и сказал:

— Пора!

После чего все полоцкое войско оставило свой лагерь, и ускоренным маршем двинулось на встречу новгородской переправе. Вскоре, негодующий князь Мстислав лишь беспомощно наблюдать, за истреблением части его войска превосходящими силами полочан. Из перебравшихся новгородских воинов, спастись не удалось никому.

— Тоже мне, умник! — сказал с усмешкой Ратимир после расправы над новгородскими воинами.

Из-за понесенных потерь, князь Мстислав послал гонцов в Новгород для набора подкрепления, однако сам он уйти никуда не мог, ему нужно было не допустить переправы полочан к Новгороду.

В полоцком лагере князь Всеслав отметил с Ратимиром, Эстином и Вадимом истребление новгородцев. На пирушке Вадим предложил свой план дальнейших действий, который очень удивил князя. Было решено действовать по плану Вадима.

Новгородское войско той ночью внимательно следило за полочанами, князь Мстислав лично обходил все посты. На противоположном берегу горели костры, свет которых отражался в шлемах и кольчугах полочан, были слышны разговоры, видны перемещения воинов. Князь Мстислав вздохнул с облегчением, полоцкое войско все еще перед ним, за рекой.

Каково же было удивление Мстислава, когда в свете восходящего солнца, на противоположном берегу он увидел лишь горстку людей, тушащих костры. Вместо полоцких воинов, перед кострами были охапки соломы и хвороста, частично одетые в кольчуги и шлемы.

Одним из людей тушащих костры в полоцком лагере был Вадим, подойдя к берегу он засмеялся и закричал:

— Трепещите новгородские псы, потому что теперь вы будете сражаться не только с полоцким войском, но и со мной.

Внезапно за спиной новгородцев загудели трубы и застучали барабаны. Со стороны Новгорода показалось построенное в боевой порядок полоцкое войско. Князь Мстислав пришел в отчаяние, новгородцы оказались прижаты к реке и никакой возможности маневра или отступления в Новгород не было. Все, что мог сделать Мстислав, это отдать приказ о срочном построении.

Стычка войск началась с конной сшибки дружин и наемников. Блистательные всадники — дружинники Ратимира и варяги Эстина, сверкая доспехами, кинулись на новгородцев, и под звон мечей начали теснить дружину и наемников Новгорода. Новгородцы отчаянно сопротивлялись, но отступали под яростным напором полоцкой дружины и варягов. В какой-то момент дружинники Новгорода дрогнули и один за другим бросились к строю своих ополченцев.

Победа полоцкой дружины воодушевила полоцкое ополчение, которое во время стычки дружин лишь следило за происходящим со стороны.

Далее последовал одновременный удар полоцкой дружины и ополченцев по растерянному и расстроенному новгородскому войску. Новгородцы были хорошими воинами, но с ними не было талантливого Вадима и закаленных воинов Эстина. Вскоре началось паническое бегство части новгородцев, которых преследовали и вырезали полочане.

Некоторые новгородцы попытались перебраться на другой берег, но в панике это было сложно сделать. Кроме того стояла поздняя осень, и далеко не все воины, попавшие в холодную воду в доспехах, могли доплыть до противоположного берега. Тех же, кто все-таки умудрялся переплыть, уже поджидал Вадим с отрядом отборной полоцкой конницы.

Вадим заранее разложил на берегу охапки хвороста и соломы, и когда новгородцы бросились в реку, Вадим поджег береговую линию. Счастливики новгородцы, переплывшие через бурную реку и прошедшие через стену огня, автоматически попадали под удар отряда Вадима.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Через какое-то время новгородцы осознали, что на противоположном берегу их ждет смерть, спастись можно только в реке, и это еще больше усилило панику.

Отступление новгородской дружины расстроило ряды новгородских ополченцев, которые теперь не могли эффективно обороняться. Казалось, Эстин и его наемники обезумели, с яростными криками они врезались в неуклюжий строй новгородцев, прорубая

себе дорогу. Эстин, чуть не на голову выше новгородцев и практически неуязвимый для неопытных ополченцев, напоминал разящего воинственного бога из древних скандинавских легенд. Ратимир же действовал без криков, гораздо более дисциплинированно, при этом не менее ловко, расправляясь с новгородцами, однако по лицу Ратимира было видно, что и он вошел в раж. Только с одного налета Ратимир отбил нападение двух новгородских ополченцев, после чего расправился с ними и еще тремя их товарищами. Полоцкое ополчение, озлобленное поведением новгородцев в последние годы, сражалось с особой ожесточенностью. Озлобленность полочан резко контрастировала с растерянностью новгородцев.

Князь Мстислав, увидев разгром новгородского войска, пришел в замешательство, а затем сел в лодку и поплыл по течению реки. Большая часть новгородских дружинников также сбежала.

Полоцкие лучники не могли достать князя Мстислава, но Вадим со своим степным луком, вполне мог с этим справиться и не собирался упускать такой шанс.

Наблюдая бегство новгородского князя, Вадим достал свой составной лук и, поджигая специально заготовленные стрелы, стал стрелять по лодке князя Мстислава.

Двое дружинников князя Мстислава были убиты стрелами, на лодке начался пожар, который приближенные новгородского князя отчаянно пытались потушить. Сам князь Мстислав согнулся в три погибели, осыпая бранью полочан и прячась за борт лодки.

Увидев испуганного князя Мстислава, бегущего с поля битвы в лодке, князь Всеслав засмеялся и закричал:

— Куда же ты, Мстислав? Где теперь твоя самоуверенность? Это тебе не полоцких купцов избивать!

Новгородские ополченцы были рассеяны и частично перебиты, а частично спасались бегством — это был конец, Новгород остался без защитников.

После разгрома новгородского войска полочане спешно устремились к Новгороду. Князь Всеслав заранее заслал в Новгород отряд варягов, которые должны были изображать купцов, а в нужный момент перебить охрану и открыть новгородские ворота. Но Вадим выступил против нападения варягов на охрану ворот, когда Полоцкое войско окажется под стенами Новгорода.

— Увидев огромное полоцкое войско, новгородцы будут вдвойне осторожны, и усилят охрану. В Новгороде еще осталось достаточно защитников, чтобы справиться с отрядом наемников, и тогда Новгород мы взять не сможем! — сказал князю Вадим и предложил новый план действий. Князь снова похвалил Вадима и согласился с его предложениями. К отряду варягов, ожидающему в Новгороде, послали почтовых голубей с новыми указаниями.

Как только стемнело, к воротам Новгорода подъехал отряд полоцких воинов, держащий трофейное новгородское знамя. Во главе полоцкого отряда был сам Вадим, который вступил в переговоры со стражей ворот. Вадим утверждал, что сопровождавший его отряд — из Новгорода, уцелевший в битве с полочанами. Новгородцев сбивала с толку темнота, новгородское знамя и то, что Вадим вел переговоры, очень правдоподобно пародируя голос помощника новгородского воеводы. Умение говорить чужими голосами было одним из талантов Вадима, и мой отец тогда подумал, что есть что-то демоническое в этом полочанине.

Пока стражники Новгорода пытались в темноте разобраться, кто у главных ворот, охрана стен ослабла. Тогда к запасным новгородским воротам подошли подкупленные

полоцким князем варяги. Изображая любопытных купцов, они неожиданно напали и перебили стражу у ворот.

Затем варяги открыли захваченные ворота, и полоцкое войско ворвалось в город.

Всеслав ликовал и светился от счастья.

— Вам нужен был Новгород, так берите его! Сегодня этот город с его богатствами и жителями ваш! Отомстите новгородцам сполна, за все, что они сделали Полоцку! — кричал Всеслав полоцким воинам.

Среди воцарившейся в городе вакханалии грабежей и насилия лишь сам князь Всеслав, его сыновья, Ратимир, Вадим и еще пару десятков человек, включая моего отца, просто осматривали захваченный город.

Князь Всеслав вместе с Вадимом подъехал к новгородскому Софийскому собору. Вадим медленно объехал вокруг Софийского собора, внимательно рассматривая этот храм, а затем спустился с коня и перекрестившись зашел внутрь собора. По расчетам Вадима новгородский Софийский собор был несколько шире полоцкого собора. Факт превосходства новгородского храма Всеславу сильно не понравился и он позвал к себе представителя Полоцкой епархии.

— Кажется, у нас в Полоцке проблема с колоколами? — спросил князь у монаха.

— Да, ваша светлость, такая проблема с Софийским собором у нас есть, — несколько растерянно ответил монах.

— Снять с новгородского Софийского собора колокола! Мы возьмем их с собой в Полоцк! — приказал Всеслав дружинникам.

Приказ князя был тут же исполнен, самый почитаемый новгородцами храм был осквернен снятием колоколов, Великий Новгород был унижен.

Ночью, после взятия полочанами Новгорода, начался необычный звездопад.

Вдобавок пошли слухи, что кто-то из полочан видел в городе Святого Тимофея, который ходил по улицам и ругал полоцких воинов за грабеж.

Эти слухи и звездопад напугали полочан, к тому же представители Полоцкой епархии заговорили о приближении Конца Света. Узнав о волнениях, князь Всеслав лично вышел к своему войску со знаменем в руках и сказал:

— Полочане, сегодня даже звезды падают к вам в руки, — при этой фразе князь согнул руку в локте и указал на звездное небо. — Исполнилась ваша и моя мечта, мы отомстили врагам и вернемся в Полоцк с богатыми трофеями. Но вы получили гораздо больше, чем богатство и восстановление справедливости, сегодня вы обрели бессмертие и великую славу, и что бы дальше не произошло, ваши потомки всегда будут помнить, как вы отважно сокрушили новгородское войско и захватили Великий Новгород. Ваши подвиги никогда не будут забыты. Так что же вы грустили, мои соотечественники? Новгород у ваших ног, идите и развлекайтесь в свое удовольствие.

Полоцкие воины поддержали князя радостными криками и разбрелись по городу. Три дня продолжалось разграбление в городе под веселье и пьяную гульбу полочан.

На третий день нахождения полочан в Новгороде в резиденцию новгородских князей, где остановился Всеслав, вошел непривычно богато одетый Эстин. Моего отца, как и всех из ближайшего окружения Всеслава, также поселили в резиденции. Когда Эстин пришел к Всеславу, отец находился на приличном расстоянии от князя и Эстин видимо решил, что отец ничего не услышит.

— Приветствую вас, светлейший князь, у меня есть к вам разговор! — несколько

волнуясь сказал Эстин.

— Что ж, говори, — сказал князь Всеслав, рассматривая красивый меч, украшенный драгоценными камнями, принесенный ему дружинниками.

— Я тут с моими воинами посоветовался, что если вы поставите меня своим наместником в Новгороде? Своими силами мне такой город, конечно, не удержать, но я пошлю за своими братьями и товарищами, и с вашей помощью, думаю, это будет возможно. Я, конечно, буду вам верно служить, предоставлю все возможные льготы полоцким купцам и начну выплачивать вам дань. Что скажете, ваша светлость? — сбивчиво произнес обычно бесстрашный Эстин.

Ошарашенный и пораженный наглостью варяга, Всеслав чуть не выронил меч. Лицо полоцкого князя покраснело и исказилось от гнева.

— Что я скажу? Это твоя самая идиотская идея, вы, варяги, тупее селедки, которую жрете днем и ночью в своих наскальных лачугах. Даже если бы я решил оставить в Новгороде наместника, что уже неизбежно привело бы к войне со всей Русью, неужели ты думаешь, что у меня не нашлось бы лучшей кандидатуры на эту должность, чем наемник-чужестранец? Это же Новгород, город не уступающий Полоцку, ты возомнил себя равным мне, Эстин? Если ты богато одет, это еще не делает тебя князем! А даже будь я настолько глуп, чтобы оставить тебя наместником, да ты меня завтра же подставишь и вступишь в союз с Киевом, если тебе это будет выгодно!

— Хотелось бы напомнить вашей светлости о его отце, князе Брячиславе, который оставлял целую область в полоцких землях под управлением варяга Эймунда, когда основывал свой двор в Киеве. Ваш отец доверял варягам даже собственные земли, а я прошу чужой город и под вашим контролем. Война с южнорусскими князьями уже идет, ее можно не опасаться, и я считаю, что не заслужил недоверия, я всегда служил вам верно. Если светлейший князь откажется от моего предложения, я и мои войны немедленно покинем полоцкое войско, что существенно ослабит Полоцк в преддверии большой войны, — уязвленным тоном сказал Эстин.

— Ты еще смеешь мне угрожать? Можешь убираться вместе со своими вонючими рыбаками, когда тебе вздумается. Мне же лучше, тогда жалование за последнее время я тебе выплачивать не стану. Что касается моего отца и варяга Эймунда, то тогда варяги помогли моему отцу занять киевский престол. Эймунд был князем, спасшим полоцкие земли, и в управление получил только Браслав. Ты же всего лишь туповатый наемник, и учитывая твое желание покинуть меня во время войны, еще и предатель!

От слов князя, Эстин пришел в ярость:

— Вы поплатитесь за свою несправедливость! — закричал Эстин и, развернувшись, стал уходить из резиденции быстрым сбивчивым шагом. В этот момент, по сигналу Всеслава, один из дружинников князя оглушил ничего не подозревающего варяга. Эстин грузно рухнул на землю, после чего дружинники князя связали Эстина и привели его в чувство холодной водой.

— Думаешь я не знаю откуда появилась твоя дерзость? Ты ведь пожелал заполучить мою жену? Обыщите его! — рявкнул Всеслав, и дружинники, обыскав сопротивляющегося Эстина, достали из его доспехов кошелек с серебром, оружие и брошь.

Значит, это правда, — сказал Всеслав, задумчиво рассматривая брошь. В это время в покои вошла взволнованная Катарина и обеспокоенно обратилась к Всеславу:

— Что здесь происходит?

— Ведь это твоя брошь? Говорят, Эстин похвалялся ей перед своими варягами, и рассказывал им о твоей измене, позорил меня и тебя! — сказал Всеслав и швырнул брошь Катарине. Взгляды Катарини и Эстина встретились, в глазах варяга появилась мольба, он словно просил у Катарини незаслуженного прощения. Но будто какая-то связь между сердцами и душами Катарини и Эстина оборвалась, княжна опустила взгляд и на ее лице появились слезы.

Больше мне с ним разговаривать не о чем! Отрубить ему голову! — сказал Всеслав, и дружинники князя, выполняя приказ, скрутили Эстина и поставили его на колени.

— Нет! Ваша светлость, я прошу пощадите его! — взволнованно закричала княжна Катарина, и схватила за рукав Всеслава.

На мгновение в тереме установилась тишина, затем Всеслав подошел вплотную и наклонился к стоящему на коленях Эстину.

— Скажи спасибо моей жене, за то, что я сохраняю тебе жизнь! Ты предал и меня и ее, и тебе с этим жить! А теперь вышвырните эту мразь отсюда! — рявкнул Всеслав, и по его приказу дружинники потащили связанного Эстина из терема, по пути его избивая.

Потрепанного безоружного Эстина выбросили во двор, дружинники разрезали веревки и швырнули Эстина в грязь. Окровавленный Эстин с трудом смог подняться. На крыльцо терема вышла испуганная Катарина. Некогда блистательный щеголь Эстин, теперь хромящий и грязный, представлял собой жалкое зрелище. Но больше всего оскорбило Эстина то, что его унизили перед Катариной. После многолетней верной службы Эстина, князь не дал ему шанса ни защититься, ни объясниться с любимой. Вслед за Катариной во двор вышел и Всеслав.

— Убирайся! И чтоб больше я тебя никогда не видел! — закричал разъяренный князь.

— Однажды я вернусь! — сказал Эстин и хромяя покинул двор.

Вскоре к Всеславу подошел озадаченный Вадим.

— Ваша светлость, нужно убить Эстина. В его дружине есть новые люди, и я мог бы подкупить кого-нибудь из них. Поступок конечно гнусный, но это избавит нас от возможных проблем с варягами в будущем, — сказал Вадим, посмотрев на князя.

— Нет, полочане так не поступают. Эстин служил мне верно и спас мою жену, я отпустил его и не нарушу свое слово! — жестко сказал Всеслав.

Перед тем, как вернуться домой, полочане по приказу князя Всеслава, подожгли Новгород. Глядя на огромный пожар, охвативший город, отцу вспомнились многие пожары и гонения, через которые он прошел, даже сейчас огонь постоянно сопровождал его. Ни к такой жизни он стремился, когда отправлялся в Полоцк.

Домой князь Всеслав возвращался уже без варягов, в Полоцке князя встречали и чествовали как победителя, вернувшего славу Полоцку. Полоцкое войско вернулось в серебре и золоте. Вскоре увеличился и торговый поток купцов, которые предпочли отстраивающемуся Новгороду, богатый и уютный Полоцк.

Однако, несмотря на радость за одержанную над Новгородом победу, Всеслав часто задумывался о судьбе новгородцев. Это странно, но к старым проверенным врагам у людей складывается особое отношение. Они играют свою роль в нашей жизни, и зачастую роль не меньшую, чем друзья. Кровные враги — они настоящие, без притворства и фальши, и ненависть к ним тоже яркая и настоящая. Борясь с врагами, особенно давними, мы самоутверждаемся и находим свое место в жизни, а, значит, враги участвуют в нашем формировании, они часть нас самих. И, сокрушив кровных врагов, таких понятных и

знакомых, мы сокрушаем часть самих себя, часть своего прошлого и подсознательно осознавая это, вместе с радостью чувствуем и грусть.

К тому же князь Всеслав был праведным христианином, и победы, достигнутые массовыми убийствами и жестокостью, он не считал нормальным явлением.

Князь Всеслав постоянно вспоминал о Тимофее Полоцком, ругавшем полочан в Новгороде. После возвращения из похода князю Всеславу стало неуютно находиться в церкви Святой Богородицы, и в сердце князя появилось тревожное чувство приближающейся катастрофы.

3

Беда не заставила себя долго ждать, менее чем через год Всеслав узнал, что тмутараканьский князь Ростислав был отравлен византийцами. Половцы, к разочарованию Всеслава, так и не стали смертельной угрозой для степных границ Руси. Теперь Ярославичи были готовы выставить все свои силы против князя Всеслава.

Вскоре пришли новости об осаде города Менска огромным войском южнорусских князей. Минск был очень важным торговым центром Полоцкого княжества, и Всеслав отправил на выручку минчанам небольшой отряд конницы во главе с Вадимом. Задача у Вадима была одна: задержать войско Ярославичей как можно дольше, пока князь Всеслав соберет все полоцкое войско с окраин.

Вадим и тут показал свои таланты в полной мере. Построив местных стариков и женщин в боевой порядок и одев находящихся по краям строя в кольчуги и шлемы, Вадим со своим отрядом стал приближаться к городу Менску под звуки труб и барабанов. Но как только Вадим встретил разъезды Ярославичей, он тут же распустил крестьян по домам, а сам со своим отрядом спрятался в лесной глуши. Киевские и новгородские разъезды сообщили своим князьям, что видели, как приближается большое полоцкое войско, и новгородский князь Мстислав подтвердил, что от полочан можно ждать чего угодно. Ярославичи потратили два дня на поиски войска Всеслава, но, естественно, никого не нашли.

К сожалению, Вадим не смог спасти Минск, без полоцкого войска этот город был обречен. Ярославичи спалили Минск дотла, менских воинов перебили, а женщин и детей захватили в рабство. Тогда Вадим ворвался ночью в лагерь Ярославичей, поджег их обоз, освободил пленников, и часть телег с провизией умудрился увести с собой.

Без провизии наступление на Полоцк было немыслимо, но когда Ярославичи отправили своих воинов за съестными припасами в окрестности Менска, местные жители и отряд Вадима их всех перебили. Неуловимой разящей тенью отряд Вадима кружил вокруг врага, оставаясь вне его досягаемости.

На четвертый день Вадиму передали, что приближается князь Всеслав с полоцким войском, и Вадим отправился на встречу полоцкому князю. Всеслав собрал кого только смог из подвластных ему городов и союзников, в том числе и балтов. Битва состоялась через два дня.

Оба войска выстроились возле реки Немиги, они насчитывали тысячи воинов, но войско Ярославичей в два с лишним раза превышало войско Всеслава по численности. Всеслав, видя

гибельность этой битвы для полочан, отправил к Ярославичам своего дружинника с предложением мира и откупа.

Из трех братьев Ярославичей лишь средний по старшинству, правитель Чернигова — князь Святослав, был готов к переговорам, но его братья, Изяслав и Всеволод, отказались от переговоров и приказали отрубить голову посланнику Всеслава.

Полочане удивились жестокости Ярославичей и пришли в негодование. Всеслав был разочарован и приказал полочанам готовиться к бою.

Был сильный снегопад, и оба войска различали лишь очертания друг друга. Глядя на вьюгу, рисующую в небе движения таинственных фигур, варяги заявили, что их боги уже здесь и будут наблюдать за битвой.

Снова сражение началось со стычки дружин и наемников. Возможно, в тот момент Всеслав пожалел, что разговаривал так жестко с Эстином, так как варяги из городов Полоцкого княжества и новые наемники явно уступали молодцам Эстина. И все же рубка была отчаянной, вновь и вновь Всеславу казалось, что Ратимир погибнет под натиском сменявших друг друга волн дружинников князей Ярославичей. Но каким-то чудом Ратимир умудрялся отбивать все атаки и выходить из окружения, отправляя на землю все новых отважных воинов. Однако силы были не равны, и вскоре наемники Всеслава дрогнули и стали отступать, а полоцкая дружина сражалась отважно, но безнадежно и таяла на глазах.

— Если дружину перебьют, битва будет проиграна, — задумчиво сказал Всеслав и дал команду к наступлению ополченцев.

Стройной линией полоцкие копейщики врезались в дружину Ярославичей. Дружинники и наемники Ярославичей начали отступать, и тогда киевский князь Изяслав дал команду к наступлению большей части общего войска. Ополченцы Ярославичей двинулись на полоцкое войско стеной, как показалось моему отцу, превосходящей полочан в численности, более чем в два раза. Тут в войске Всеслава, начали отступать балты, после чего войско полочан стало чуть не в три раза меньше войска атакующего врага. Вожди прибалтийских племен заранее договорились, что если битва будет кровопролитной, они не станут погибать за интересы Полоцка.

Князь Всеслав помолился, а затем обратился к полочанам:

— Братья полочане, чтобы не случилось, держите строй и сохраняйте дисциплину. Помните, что перед вами всего лишь трусливый сброд. Повторения судьбы Рагвальда здесь не будет, наша смерть слишком дорого обойдется Ярославичам!

Воины Всеслава и Ярославичей сблизились, и началась рубка. Но напрасно князь Изяслав смеялся и шутил со своими братьями, после отступления балтов, над безнадежным положением Всеслава. Вскоре улыбка сошла с лица Изяслава.

Дисциплинированные и хорошо подготовленные полоцкие ополченцы, которые считали войну с Ярославичами справедливой, не спешили отступать. С яростным напором полочане ударили по врагу, численное превосходство войска Ярославичей ничего не давало, поскольку задние шеренги не могли помочь воинам, стоящим впереди. Войско Ярославичей вначале остановилось, а затем их воины, стоящие в первых рядах, стали падать за смертью один за другим.

Перед полочанами стояли их исконные враги, которые вторглись на их землю. И полоцкая военная машина, созданная еще князем Брючиславом, показала всю свою мощь. Полочане смеялись и подбадривали друг друга, призывая киевлян и новгородцев подойти ближе.

Ужасающий звук разрубаемых костей и плоти разнесся по берегу Немиги, казалось, полочан ничто не может остановить, и в войске Ярославичей началась паника.

Попытки обойти полочан с флангов, также ни к чему не привели, полоцкие дружинники отразили вражеское нападение.

В какой-то момент победа полочан была уже близка. И тогда князь Изяслав направил в сражение оставшуюся часть воинов. Свежие силы Ярославичей оттеснили полоцкую дружину, начали окружать полоцкое войско и остановили наступление полочан.

— Не унывайте, полочане, ударим сильнее по врагу, звезда Полоцка еще не закатилась! — закричал Всеслав и бросился на коне в самую гущу сражения.

— Князь с нами! — раздались радостные крики полочан.

Полоцкое войско усилило напор, гул воинов и звон стали смешался с воем пурги. Полочане погибали, но и потери войска Ярославичей были ужасающими.

— Да из чего сделаны эти полочане, в таком безвыходном положении как у них, мое войско уже давно бы разбежалось! — озлобленно сказал киевский князь Изяслав.

— Не наговаривай, дорогой брат, наше войско и так все еще может разбежаться! — с улыбкой сказал черниговский князь Святослав. В отличие от своих братьев, Святослав был против избиения полоцких купцов, и даже предлагал признать Всеслава номинальным соправителем Киева, соблюдая договор с Полоцком. И теперь этот князь был против длительной войны с Всеславом, ведь у границ Чернигова были половцы, которые только и ждали отсутствия князя.

Через некоторое время, войско Ярославичей начало брать верх над полочанами. Как бы ни были отважны и стойки полоцкие воины, в сражении с такой разницей в численности, да к тому же со свежими силами врагов, они были обречены.

Все полочане вступили в бой вместе с князем Всеславом. Мой отец сражался с копьем среди ополчения, Ратимир отчаянно защищал полоцкое знамя, Вадим бился с вражеской конницей.

Но переломить ход битвы было уже невозможно, князь Всеслав мог лишь наблюдать, как погибают те, кто в него верил. Весь цвет полоцкого войска, дружинники и ветераны битвы при Судомире, молодые полочане и наемники — все сражались очень отважно и достойно, но не могли противостоять войску всей Руси.

Снег невесомой тканью пурги укрывал павших полочан и их врагов, лежащих возле сияющей, хрустальной речки Немиги. Тысячам воинов было уже не суждено подняться с белоснежного зимнего полотна, покрытого кровавыми узорами отваги, напоминавшими узоры полоцких ручников.

Отец впоследствии вспоминал, что на бранном поле у Немиги полочане встречали смерть очень мужественно. Они осознавали самопожертвование в этой битве, как необходимость для счастья своей Родины. И, погибая среди своих братьев, полочане не были одиноки.

Но среди этих бескрайних однообразных снегов и суровой завывающей пурги понастоящему одинок был князь Всеслав, неся на себе тяжесть вины за произошедшую катастрофу и понимая всю безысходность сложившейся ситуации.

Князь Всеслав рубил головы врагов со стойкостью обреченного, и около его коня уже начала складываться гора мертвых тел. Но воины Ярославичей усилили напор на Всеслава и скинули его с коня, а какой-то знатный киевлянин оглушил Всеслава булавой. При виде своего князя, скинутого на землю, полочане озверели и начали оттеснять воинов

Ярославичей от тела Всеслава.

Ратимир с дружинниками прорубился к князю, Всеслава положили на повозку и начали увозить с поля битвы.

Ратимир и Вадим посовещались и решили, что все кончено, битва проиграна. Вадим стал трубить, давая знак к отступлению, теперь каждый спасался как мог.

Киевский князь Изяслав, увидев Всеслава лежащим без сознания на повозке, снарядил большой отряд, чтобы захватить полоцкого князя.

Ратимир с Вадимом и моим отцом, успели отъехать от поля битвы лишь на несколько сотен метров, когда услышали стук копыт приближающейся конницы и увидели огромный отряд воинов южнорусских князей. Ратимир и полоцкие дружинники понимали, что с телом князя, уже не успеют никуда сбежать. И тогда дружинники Всеслава помолились и вынули из ножен оружие, так же поступили Вадим и мой отец.

— Ну что, братья, не дадим князя в обиду! — громко обращаясь к дружинникам, сказал Ратимир.

Полоцкий отряд, сопровождавший тело князя, был слишком малочислен, но никто не собирался бросать князя, полочане готовились к смерти.

И когда уже казалось, что все кончено, из леса неожиданно вышли вооруженные балты. Те самые воины из прибалтийских племен, которые ушли в начале битвы Всеслава с Ярославичами.

— Спасай князя, Ратимир, а мы остановим воинов Ярославичей! — сказал сын вождя племени ливов по имени Гутувер.

— Странный народ эти балты, но что-то достойное в них все же есть! — подумал тогда мой отец.

С яростным криком балты кинулись на приближавшийся отряд, который гнался за Всеславом, и началась ожесточенная рубка. Звон стали и ужасающие крики оставались где-то позади, мой отец и полочане возвращались домой, а вскоре и князь Всеслав пришел в себя.

4

— Как вы посмели увезти меня с поля битвы? — сказал, очнувшись, князь Всеслав.

— Светлейший князь, пока вы живы, жива и надежда полочан на победу над врагами и возвращение славы и величия нашему городу! — взволнованно сказал Ратимир.

— Глупости, Полоцком остались бы править мои сыновья, а я должен был погибнуть в битве у реки Немиги вместе со своим войском. Как мне теперь смотреть полочанам в глаза? Матерям и сыновьям погибших, ты подумал, Ратимир?

После возвращения в Полоцк никто не обвинял Всеслава. Полочане понимали, что князь сделал все возможное и чуть не погиб в битве у Немиге. Но положение было очень сложное, нужно было восстанавливать войско, на подготовку которого требовалось время, необходимо было нанять новых варягов и восстановить дружину. Но наемники не спешили идти на службу к Всеславу, понимая отчаянность его положения. Набор новых воинов в войско

также затруднился, слишком велики были людские потери.

Ярославичи после понесенных огромных потерь, не решились идти на Полоцк. Сами братья Ярославичи и их воины пришли к выводу, что князь Всеслав действительно достойный правитель, а полочане очень хорошие воины. Как ни странно, но после битвы у Немиги, авторитет князя Всеслава значительно вырос в городах, подвластных Ярославичам.

Киевский князь Изяслав предложил план постепенного разграбления полоцких земель, частыми набегами без крупных сражений, его братьям этот план понравился.

Следующий период стал очень тяжелым для Всеслава, постоянно приходили вести о бесчинствах Ярославичей в полоцких землях. Всеслав ничего не мог сделать, мой отец рассказывал, что князь начал много пить.

Вдобавок в лесах неподалеку от Полоцка завелся огромный черный вепрь, который стал докучать жителям окрестных сел. По рассказам очевидцев, вепрь был более двух с половиной метров в длину, и на вид весил килограмм под триста. Сельские жители пытались убить его, но ничего не выходило. Наконец этот зверь настолько стал мешать полочанам, что князю Всеславу на него пожаловались.

Охота на вепря несколько отвлекла князя Всеслава от его проблем, князь явно повеселел. Организовав отряды из сельских жителей и взяв с собой дружинников, князь отправился на охоту.

Вепрь как раз разгуливал в окрестностях Полоцка. Общее дело сплотило князя и народ после недавнего поражения. Князь Всеслав, одетый в сияющие доспехи, в сопровождении своих дружинников выследил вепря, но увидев приближающегося князя, вепрь бросился бежать. Тогда Всеслав отправил в погоню за вепрем лаек, они были местной породы, чьих предков, диких собак, приручили жители этих земель, десятки веков назад. Князь сиял от счастья, отдавая приказы и торопя дружинников в предвкушении добычи:

— Жалкая лесная тварь, нападать на моих подданных? Я тебя убью, затем тебя поджарят и угостят тобой всех нищих Полоцка. Иной участи ты не достоин, как быть съеденным бездельниками и попрошайками. Пусть они помнят, что порядок и достаток идут рука об руку.

Под крики сельских жителей, топот лошадей и лай собак, вепрю каким-то чудом удалось уйти от погони и скрыться в туманном лесу. Конечно, с этим вепрем в конце концов разобрались бы, но у князя Всеслава были дела поважнее.

Вскоре через полоцкого епископа, поступило предложение Ярославичей о заключении мира.

— Я не доверяю этим псам, они не могут вести со мной длительной войны из-за половцев, и постараются захватить меня в плен! — ожесточенно ответил Всеслав на послание, переданное епископом.

— Ярославичи дали клятву крестоцелования о том, что вы будете в безопасности! Кроме того, ваша светлость видимо не понимает всей безнадежности ситуации, полоцкие земли приходят в разорение, и, боюсь, у князя просто нет выбора, — возражал Всеславу епископ Никифор.

— Они могут потребовать часть земель Полоцкого княжества, а такие вопросы я не могу решать без своих сыновей! — стал спорить Всеслав.

— Пусть ваша светлость возьмет сыновей с собой, Ярославичи не приступят клятвы, церковь гарантирует полоцким князьям безопасность!

После долгих уговоров епископа, Всеслав согласился довериться Ярославичам. Князь

отказал Ратимиру и Вадиму, которые порывались ехать на переговоры вместе с князем, было решено что Ратимир и Вадим будут следить за порядком в Полоцке. Мой отец также остался в Полоцке и дальнейшие события знал из рассказов сына Всеслава князя Бориса.

Переговоры были назначены возле города Орши, на берегу Днепра стояли яркие огромные шатры Ярославичей, чуть колеблющиеся на ветру.

Когда князь Всеслав с сыновьями, епископом и частью дружинников приехал на место, был уже вечер. Красное солнце, уходящее за горизонт, отражалось кровавыми сверкающими проблесками на волнах Днепра, сухие травы отбрасывали длинные мечущиеся от ветра тени, день отступал, отдавая землю во власть ночи и тьмы.

Всеслава встретил улыбающийся ехидной улыбкой киевский князь Изяслав. Эта улыбка и странное поведение Изяслава, насторожили полоцкого князя. Киевский князь поприветствовал Всеслава, его сыновей и епископа, после чего лично проводил Всеслава к шатрам. Но как только Всеслав зашел в шатер, на него накинулись варяги и дружинники Ярославичей. Дружинники Всеслава, попытавшиеся прийти на помощь князю, были перебиты в схватке с воинами, вышедшими из соседних шатров.

— Лживые твари! Вы ничем не лучше своего отца, предателя и братоубийцы! — закричал Всеслав, которому враги даже не дали вытащить меч, намертво скрутив его.

— Это беззаконие, вы нарушаете клятву! — закричал протестуя полоцкий епископ.

— Ваше преосвященство, мы не нарушаем клятвы, полоцкий князь с сыновьями будет в безопасности, и я не знаю места безопаснее киевского поруба, — с усмешкой сказал епископу Изяслав.

Полоцких князей отправили в Киев, где заточили в порубе, как и обещал киевский князь.

Попав в поруб, князь Всеслав слышал странные шорохи, но в темноте ничего не было видно.

— Да это никак сам князь Всеслав, из-за которого нас здесь заточили! Как нам сегодня повезло, теперь он ответит нам за все! — послышался в темноте жуткий надрывный голос.

— Борис и Давид, станьте ближе! — жестко сказал князь Всеслав обращаясь к своим сыновьям. В кромешной тьме завязалась драка, и полоцкий князь с сыновьями не уступили узникам поруба.

— Хватит, князь Всеслав защищал свои земли и сражался очень достойно. Простите их ваша светлость, мы дружинники князя Мстислава, и нас посадили в поруб из-за поражения новгородского войска на реке Мсте, — сказал уже другой голос из темноты, и после его слов стычка прекратилась.

— Кто ты такой? — обратился князь Всеслав к вступившемуся за них узнику.

— Меня зовут Милослав, я киевлянин и был старшим дружинником князя Мстислава. Теперь мы все в одной яме и должны научиться выживать вместе.

Князь Всеслав сел на землю в порубе и прислонился к стене, ему было о чем подумать. Из правителя могущественного княжества он превратился в обитателя поруба. Его княжество было разорено, большая часть войска и дружины перебита. Ярославичи могли ликовать.

Шли недели и казалось, что о князе Всеславе и его сыновьях уже все давно забыли. Через несколько месяцев заточения в темноте, князь Всеслав начал слышать странные шумы, а его сыновья, Борис и Давыд, жаловались на какие-то вспышки света и резко сменяющиеся друг друга, жар и холод.

— Это все из-за длительного нахождения в темноте, ваша светлость! — объяснял Милослав:

— Когда месяцами живешь без света, что-то происходит с головой. Я, сидя тут давно, подумал, а что, если все, что видят святые, все эти ангелы, Иисус Христос или Богоматерь, голоса, которые они слышат и чудеса, которые они творят, все это от того, что у них что-то не в порядке с разумом. Когда-то я побывал в странноприимном доме, уж там я насмотрелся на калек и сумасшедших, и знаю, о чем говорю.

Нет, ну правда, как достигается общение с потусторонним миром? Изоляцией от людей, строжайшим постом и воздержанием, бесконечными молитвами, страданиями, поруб по сравнению с этим мелочь, что хочешь можно увидеть.

— Не святотатствуй, Милослав! — жестко ответил князь Всеслав.

— И все равно, это как с нечистью, все о ней говорят, но я как ни старался, ни разу ее не встречал. Все это сказки психов и трусов.

Тут у князя Всеслава возникло желание превратится в волка, и продемонстрировать зазнавшемуся киевлянину, что мир устроен сложнее, чем он себе представляет. Но подумав о последствиях такого превращения, полоцкий князь сдержался.

Вскоре Всеславу и его сыновьям, находящимся в порубе, князь Изяслав лично сообщил, что его сын Мстислав, недавний правитель Новгорода, теперь правит в Полоцке.

Это было правдой, когда Киевское войско подошло к стенам Полоцка, и потребовало принять своим правителем — князя Мстислава, полочане, деморализованные пленением Всеслава и его сыновей, посоветовались с епископом и Ратимиром, и открыли князю Мстиславу ворота, в обмен на заверения не нарушать традиций и соблюдать порядок и законы Полоцка.

Князь Мстислав писал своему отцу в Киев, о том, что Полоцк очень богатый и хорошо укрепленный город, не уступающий его былой вотчине — Новгороду. И князь Мстислав очень сомневался, что ему удалось бы самому захватить этот город, если бы полочане не открыли ворота.

Мстислав так же писал, что полоцкий Софийский собор, хотя немного и уступает новгородскому по размерам, но кирпичи для него изготавливались в специальных разборных формах. Это обстоятельство удивило Мстислава, в письме он отмечал, что о такой технологии не слышал ни в Новгороде, ни в Киеве, а ведь в этих городах также строили византийские специалисты, по самым последним достижениям строительства. Но технология изготовления строительного материала в Киеве и Новгороде была более примитивной.

Полоцкие лучники, по словам Мстислава, были одни из лучших на Руси. В целом Мстислав был доволен новыми владениями, и писал, что Полоцк — город очень передовой, вот только его жители показались ему проще и суровее новгородцев и киевлян.

Несколько месяцев просидел князь Всеслав в порубе со своими сыновьями. А в это время Вадим, мой отец и Ратимир с полоцкими дружинниками втайне собрали с полочан деньги и отправились в Киев.

Двор полоцких князей в Киеве, основанный еще полоцким князем Брячиславом, состоял из целого района построек, где останавливались полоцкие купцы, а местные жители отвечали за интересы города Полоцка в киевских землях.

Группа всадников, одетых в одинаковую черную одежду, поверх которой звенела кольчуга, приехала в Киев под вечер. Проехав через весь город, всадники добрались до двора Брячислава, затем всадники спешили и направились к воротам полоцких владений.

— Кто вы такие? — спросил грузный здоровый стражник, преградив полочанам дорогу.

— Я старший дружинник полоцкого князя Всеслава, меня зовут Ратимир, а со мной дружинники полоцкого князя и его приближенные. Мы хотим поговорить с тивуном двора Брячислава!

— Подождите здесь, мне нужно о вас доложить, — несколько удивленно произнес стражник. Затем он исчез за воротами и вскоре к Ратимиру вышла целая процессия озадаченных людей. По одежде вышедших хозяев двора, мой отец решил, что это очень богатые купцы. Ратимира и полочан поприветствовали и пригласили зайти в здание, после чего один из хозяев двора Брячеслава обратился к полочанам:

— Меня зовут Роман, я тивун в полоцких владениях в Киеве, мне сказали, что вы дружинники полоцкого князя и хотите меня видеть!

Тут Ратимир выхватил из-за пояса кинжал и оглушил рукояткой стражника. Затем он схватил левой рукой Романа за воротник, прижал его к стене, а правой рукой жестко приставил лезвие к горлу Романа. Спутники тивуна пришли в оцепенение и ничего не предприняли, впрочем, возможно, их остановил грозный вид полоцких дружинников, взявшихся за оружие.

— Ну что, продажная крыса, вот и настал твой час! — рявкнул Ратимир, чуть приподнимая от земли Романа левой рукой.

— Что вам нужно, я вас не понимаю, в чем я виноват? Я всего лишь местный тивун! — стал растерянно оправдываться Роман, и по его лицу ручьями потек пот.

— Тивун? Да какой из тебя к черту тивун, если твой князь уже несколько месяцев сидит в порубе у тебя под носом, а ты даже не попытался ему помочь? Грязный пес, да ты должен валяться в ногах у князя Всеслава, за то, что он позволил тебе жить, когда киевляне не признали князя Всеслава соправителем Киева. Полоцкий князь был настолько милостив, что позволил тебе практически бесконтрольно грести под себя серебро и золото от его имени. И где твоя благодарность, жалкая тварь? Веселишься и ведешь дела с врагами Полоцка? — при этих словах Ратимир стал нажимать лезвием поставленным плашмя, на горло тивуна чуть сильнее, причиняя Роману жгучую боль.

Из глаз Романа потекли слезы.

— Пощадите меня! — закричал ошарашенный Роман. Ратимир резко отпустил Романа, и тот упал на колени, скорчившись, с жалким видом Роман стал оправдываться, прерываясь на стенания:

— Я виноват, но что я мог сделать? Что я мог? Князь Изяслав держит нас под строгим контролем и грозит казнить за малейшее подозрение в измене его власти. Я верен Полоцку и сделаю все, что вы скажите, только пощадите!

— Встань с колен Роман, отныне ты будешь служить мне и князю Всеславу и смотри, если обманешь меня, то будешь умирать медленной и мучительной смертью! — сказал Ратимир, поднимая тивуна с колен.

Затем Ратимир, Вадим и Роман обсудили план действий: купцы из двора Брячислава

попытаются подкупить охранников. Роман будет всячески убеждать знатных киевлян, обещая им большую награду, что Всеслава нужно освободить. На подкупы и другие расходы, Ратимир привез Роману несколько десятков мешков серебра.

Одновременно Вадим и Ратимир продумывали план нападения на охрану поруба и силового варианта освобождения князя Всеслава.

Теперь оставалось только ждать полоцкую дружину и моего отца. Роман поселил полочан в постройках для купцов. Мой отец прожил в Киеве несколько недель, ожидая удачного момента для освобождения князя. Роман посоветовал полоцким дружинникам не показываться в городе, поэтому Киев мой отец так и не посмотрел. Дела шли неважно, многие знатные киевские купцы соглашались с Романом, но помогать освобождению князя Всеслава на деле отказывались, боясь гнева Ярославичей. Ратимир и Вадим готовы были сделать что угодно, вплоть до убийства киевского князя Изяслава, но тут в их планы вмешались половцы.

Прорвав пограничные укрепления, половцы вторглись в русские земли. На реке Альте, под городом Переяславлем, звероподобных кочевников, одетых в шкуры, встретило войско Ярославичей. В короткой, но очень кровопролитной битве, Ярославичи были разгромлены. Бежавшие в Киев князья Изяслав и Всеволод, отказались давать жителям Киева какие-либо объяснения.

Над Киевом сгустились тучи, начался сильный дождь с ураганным ветром.

Киевляне считали унижением потерпеть поражение от кочевников, и еще больше их возмутило, что киевский князь Изяслав смирился с поражением.

Зазвенел вечевой колокол киевского Софийского собора, мой отец тогда вспомнил полоцкое вече. Звон веча, иногда также предупреждал о пожаре в городе, и мой отец подумал, что этот звон обычно предвестник неприятностей.

На собравшемся вече разгорелись споры, киевляне позвали на вече князя Изяслава и потребовали выдать им оружие и начать новый поход против обнаглевших кочевников.

— Вы собрались мне указывать, как вести себя с половцами? Я только что с ними сражался, чудом остался в живых и не собираюсь к ним возвращаться. Кочевники пограбят и вернуться в степь, тогда и будем решать, как укреплять оборону, а сейчас выступить против их огромного войска — это верная гибель, — возмущенно сказал киевский князь Изяслав, обращаясь к собравшимся киевлянам.

— Это он зря, горожанам нужно много обещать и выполнять их требования хотя бы в мелочах, создавая видимость их власти и уважения их мнения! — недовольно покачав головой, сказал Ратимир моему отцу, наблюдавшему киевское вече вместе с полоцкой дружиной.

— Ваша светлость отдаст наши земли на разграбление половцам? А наших сыновей, братьев и сестер за пределами города оставит на потеху кочевников? Одумайтесь, светлейший князь! — сказал киевский митрополит. И тут над Киевом грянул гром и блеснула молния, отразившись вспышкой на шлеме Изяслава.

— Это моя воля и мое слово, я не потерплю неповиновения! — закричал Изяслав.

— Да князь Изяслав трус! Он предал нас, когда сбежал с поля битвы! Убирайся прочь из Киева! Ты больше не наш князь! — раздались озлобленные крики из толпы.

— Давайте освободим наших дружинников и князя Всеслава, он ведь потомок князя Владимира Ясно Солнышко, Всеслав имеет все права на правление в нашем городе! — закричал знатный киевлянин по имени Игорь, подкупленный тивуном Романом.

— Да! Освободим своих, идем к порубу! — одобрительно закричали киевляне и двинулись к месту заточения Всеслава. В этой толпе был и Ратимир с моим отцом и Романом. Дождь все усиливался, омывая город и унося в потоках воды старую грязь и городскую пыль.

Видя отчаянность своего положения, князь Изяслав собрал свою дружину и вместе с братом Всеволодом, спешно покинул Киев.

— Слава Всеславу Брячиславичу, великому князю Киевскому! — раздались крики из толпы выпускавшей князя Всеслава и его сыновей на свободу.

— Простите нас, ваша светлость, за все обиды и правьте на совесть нашим городом! — сказал Всеславу, киевлянин Игорь.

— Поклянитесь соблюдать права киевлян и подчиняться законам и традициям Киева! — сказал митрополит, поднося к Всеславу крест.

— Клянусь! — жестко сказал Всеслав, щурясь от непривычного света, и поцеловал крест. Тут снова над Киевом грянул гром и сверкнула молния, мелькнув в глазах киевлян и Всеслава.

Так волколак и полоцкий князь Всеслав, впервые за историю Руси захвативший Новгород, стал правителем столичного города Киева. Он побывал хозяином трех самых богатых и влиятельных городов в Древней Руси.

Князь-изгнанник

Князь Всеслав пришел к власти в Киеве, но вскоре он осознал, что радоваться было рано, многие земли, подчиненные Киеву, отказались признавать его власть. В Полоцк Всеслава киевляне не отпускали, хотя князь Мстислав покинул Полоцк, присоединившись к своему отцу. Все, что мог сделать Всеслав — это отправить в Полоцк для наведения порядка Ратимира и своих сыновей. Ратимир вскоре вернулся, считая своим долгом оставаться с князем. Судьба Полоцка мало заботила киевлян, они требовали войны с половцами.

И все же были и хорошие новости. Средний по старшинству Ярославич, черниговский князь Святослав, собрав трехтысячное войско, разгромил двенадцать тысяч половцев на реке Снове и взял в плен половецкого хана Шарукана. Половцы вернулись в свои степи сильно ослабленными.

— Святослав, оказывается, храбрый и достойный князь, он фактически за меня решил проблему с половцами! И это в то время, когда его братья трусливо прячутся! — с усмешкой сказал Всеслав.

Половцев, оставшихся у границ Руси после победы Святослава, князь Всеслав разгромил и прогнал в союзе с новым тмутараканьским князем.

Всеслав начал раздавать земли своим новым союзникам и лично возглавил суд в Киеве. Но киевляне зачастую не подчинялись его приказам. Не признававших власти Всеслава земель становилось все больше, и это беспокоило князя. Но проблемы только начинались.

Сбежавший из Киева князь Изяслав Ярославич нашел прибежище при дворе своего тестя, польского короля Болеслава Храброго. Польский король собрал огромное, хорошо подготовленное войско и двинулся к границам Руси вместе с князем Изяславом.

Войска князя Всеслава и короля Болеслава, выстроились по берегам реки около города Белгорода. Польское войско было лучше вооружено и превосходило киевских воинов в численности.

В то время как киевские войска разбивали лагерь, один из киевский дружинников по имени Бронислав оседлал коня и, обнажив меч, помчался к князю Всеславу. Нападение было настолько неожиданным, что охрана князя не успела отреагировать, и двое дружинников стоящих на пути Бронислава, пали с коней ранеными. Ошеломленный Всеслав схватился за рукоять меча, однако Бронислав уже размахнулся для смертельного удара. И когда уже казалось, что Всеслав обречен, неожиданно вмешался Ратимир, на полном скаку, сбив Бронислава с коня копьем.

Охрана Всеслава подняла с земли раненного Бронислава и быстро привела его в чувство.

— Зачем ты напал на князя? — грозно спросил Ратимир, но Бронислав не выглядел испуганным, на против, он держался очень гордо и достойно.

— Я дружинник князя Изяслава, и когда Всеслав стал князем, его сторонники ограбили меня и сожгли мой дом. Двое моих сыновей остались с князем Изяславом, а еще двоих киевляне заставили пойти в войско Всеслава. Я не мог допустить братского кровопролития моих детей, — со сверкающими глазами уверенно произнес Бронислав.

Князь Всеслав почувствовал на себе внимание киевских воинов, они словно стая зверей, ожидали от князя проявления силы. И без сомнения в обычных обстоятельствах, учитывая нрав Всеслава, Бронислава ждала мучительная смерть. Но заточение в порубе выбило Всеслава из колеи в последнее время. По непонятным для него причинам Всеслав замешкался, ему импонировало поведение гордого киевлянина и он не хотел его убивать.

— Свяжите его и возьмите под охрану, я позже решу, что с ним делать! — жестко произнес Всеслав, и вокруг князя воцарилась тишина недоумения киевских и полоцких воинов.

Перед битвой к князю Всеславу прибыли гонцы из Полоцка с плохими вестями: жена и сыновья Всеслава заболели и лежали в беспомощности и лихорадке.

В ночь перед сражением Всеслав решил заварить травы, купленные у полоцкой ведьмы, чтобы увидеть свое будущее. Однако все пошло не так, князь Всеслав впадая в транс, ударился головой о скамью и потерял сознание. Эффект от отвара в состоянии близком к смерти, был невероятным.

Всеслав поднялся на ноги после удара, осмотрелся и увидел свое тело лежащим на полу возле скамьи с разбитой головой. Князь попытался дотронуться до лежащего тела, но рука лишь прошла насквозь через него, ничего не почувствовав. Тогда Всеслав с растерянностью и интересом попробовал взять в руку кубок со стола, но из этого так же ничего не вышло. Князь сделал прыжок на свое тело, но остался парить в воздухе. Вдруг налетел завывающий вихрь и пространство вокруг князя пришло в движение. Шатер князя словно порвался на сотни кусков и с находящимися в нем предметами начал кружиться вокруг Всеслава. Внезапно шатер со всеми вещами разлетелся в разные стороны, и князя окутала крошечная тьма. Всеслав парил во тьме пару минут, а затем вдалеке появился белый огонек, похожий на звезду. Блестящая точка начала стремительно приближаться к Всеславу, и вскоре перед

князем появилась светящаяся сфера в диаметре чуть уступающая росту князя.

Когда Всеслав попал в свечение приблизившейся сферы, он как будто одновременно услышал тысячи голосов, от этого хаотичного шума князь скорчился и попытался закрыть уши руками, но вскоре голоса стихли. Половина сферы, обращенная к Всеславу стала зеркальной, и на зеркальной поверхности из лучей света стали появляться сюжеты, связанные с будущим Полоцка.

Как рассказывал впоследствии Всеслав, он увидел Полоцк огромным городом, сияющим странными огнями. Деревянных домов в Полоцке не было, почти все здания были построены словно из огромных кусков смальты, постоянно меняющих свою форму и цвет. Русло реки Полоты поменялось, как и вид Софийского собора. Жители Полоцка были одеты в странные яркие сверкающие одежды и перемещались не ступая по земле, а паря в воздухе, словно ангелы. Полочане выглядели счастливыми, они были прекрасно сложены и имели красивые черты лица, но город был полон представителей далеких народов, о которых Всеслав слышал лишь от монахов. Затем сюжеты на поверхности сферы поменялись, время обернулось вспять. Князь многое не смог понять из увиденного, но рассказал что Полоцк ждут бесконечные разрушительные войны. Наконец русло Полоты и Софийский собор приняли знакомые князю очертания, и Всеслав увидел в сфере события недалекого будущего, где он выиграл битву у Белгорода. По сюжету сферы, после победы под Белгородом, князя с восхищением встретили киевляне, победа сделала Всеслава более влиятельным, он подавил оппозицию в Киеве и стал самым знаменитым правителем на Руси. Но слава и победа обошлись князю дорого, сыновья и жена князя умерли от болезни, а Полоцк пришел в запустение. Сюжеты закончились, и зеркальная сторона сферы вновь засветилась.

Князь Всеслав попробовал дотронуться до сферы, но как только он коснулся ее поверхности, жуткая боль поразила руку князя, его кисть начала высыхать и осыпаться, превращаясь в прах. Всеслав одернул руку от сферы, и его кисть снова приобрела нормальный вид. Тут вновь налетел завывающий вихрь, и сфера стала удаляться. Вихрь все усиливался, и Всеслав почувствовал себя беспомощным, кружась в потоке темной стихии невероятной мощи.

Князь очнулся лежащим на полу, его голова раскалывалась от боли. Над Всеславом стояли обеспокоенные Ратимир, Вадим и мой отец.

— Что случилось? — спросил Всеслав.

— Вы видимо потеряли сознание от падения, — ответил Ратимир.

В тот день Всеслав не выходил из шатра и сильно напился. Он рассказал Ратимиру об увиденном, но старший дружинник лишь пожал плечами.

— Возможно, светлейший князь, вам это все просто привиделось после падения. Даже если вы видели будущее, у вас нет выбора. Спасти вашу семью нет возможности, лекари бессильны, а ведьма исчезла, и искать ее некому. Кроме того, сейчас вы находитесь во главе киевского войска и несете ответственность перед жителями Киева и потомками. Если вы сейчас отступите, потомки обвинят вас в трусости. Вы всегда стремились стать великим князем Киевским и сейчас должны защищать свою власть, — сказал рассудительно Ратимир.

Но пьяный Всеслав вел себя совсем не так, как ожидал старший дружинник. В руке Всеслава была брошь Катарини, и на глазах Всеслава выступили слезы.

— Катарина умирает, Ратимир, она и мои сыновья обречены, если я останусь здесь. Я князь Всеслав Брючиславович, правитель города Полоцка и великий князь Киевский. Все ожидают, что я жестоко расправлюсь с врагами и буду до смерти сражаться за верховную

власть. Но зачем мне такая власть, если я останусь в полном одиночестве? Ради ответственности перед киевлянами, которые отказываются мне подчиняться, и мнения потомков, похожих на небожителей? Нет, я не подчинюсь судьбе! Годами я сражался за славу отца и его амбиции, но я не мой блистательный отец и с меня хватит! — с этими словами, князь Всеслав вручил брошь растерявшемуся Ратимиру, затем снял с себя корону, отлитую по заказу полоцкого князя Брячислава, и на глазах у Ратимира, разрубил корону на куски.

— Но светлейший князь! — в ужасе воскликнул Ратимир.

— Плевать я хотел на амбиции отца и на мнения жителей Руси, как и всех их потомков! Они не были на моем месте! Я поступлю так, как считаю нужным, собирай дружину Рамтимир и езжай к Катарине, мы встретимся в Полоцке! Да и не забудь отпустить Бронислава, он вел себя достойно! — сказал князь Всеслав, и, обернувшись волком, скрылся во тьме.

Битва под Белгородом началась на следующее солнечное утро, уже без Всеслава. Киевское и польское войска выстроились вдоль реки и начали оскорблять друг друга. Внезапно один из польских рыцарей пересек реку, и за ним двинулись остальные поляки. В завязавшейся битве киевляне были разгромлены.

Под Белгородом Всеслав уничтожил не только корону, но и свою мечту стать верховным правителем, и после битвы под Белгородом ни Всеслав, ни один из его потомков не стремился к власти над Киевом и Русью.

Вернувшись в Полоцк, князь Всеслав организовал масштабные поиски ведьмы, но ее нигде не было. Пошли слухи, что ведьма намеренно скрывается в лесу. И тогда циничный Вадим посоветовал пустить по следу ведьмы собак. Полочане обследовали окрестные леса с собаками, и вскоре обнаружили ведьму, спасающуюся бегством от охотничьих лаек. Угрозами и обещанием вознаграждения, Всеслав убедил ведьму начать лечение его жены и сыновей. И всего за несколько дней, с помощью отваров и мазей, ведьма излечила семью князя. Без князя Всеслава организовать полочан на столь масштабные поиски было просто некому, ничьей другой власти население полотчины не признавало.

Но в Полоцке оставаться было не безопасно, и после выздоровления семьи, Всеслав был вынужден уехать в крепость Браслав.

2

После победы под Белгородом князь Изяслав вместе со своим сыном Мстиславом вернулся в Киев, где устроил резню киевлян и уничтожил полоцкий двор. Улицы Киева покрылись трупами и потоками крови, которые вместе с дождевой водой текли по необычно безлюдным улицам. Киевлян, которых подозревали в предательстве, искали по всему городу и убивали на месте. Особенно бесчинствовал князь Мстислав, кровопролитие которого было настолько массовым и жутким, что князья Святослав и Всеволод Ярославичи потребовали, чтобы Изяслав утихомирил своего сына. Тогда Изяслав отправил сына в Полоцк, где тот успешно вернул себе власть.

Тивун Роман бежал из Киева, Ратимир сопровождал Романа и князя Всеслава с его сыновьями в крепость Браслав, а сам с Вадимом и моим отцом отправился в Полоцк следить

за ситуацией.

В один из жарких летних дней к полоцким берегам причалили драккары варягов и на берег с приличным войском сошел Эстин.

Полочане ужаснулись, поползли различные слухи, о том, что Эстин прибыл, чтобы отомстить городу или свергнуть власть Ярославичей. Узнав о прибытии варягов, князь Мстислав собрал свое войско и двинулся им навстречу. Но Эстин и не думал учинять грабеж или биться с Мстиславом, он вместе с другими варягами просто ожидал на берегу.

— Кто вы такие? — озлобленно спросил князь Мстислав, подъезжая с войском к варягам.

— Ваша светлость, я конунг Эстин, а это моя дружина! — уверенно и спокойно ответил варяг.

— Что вам нужно в Полоцке? — обеспокоенно спросил Мстислав, неприятно удивленный спокойствием наемников.

— Я и мои люди долго были на службе у князя Всеслава, я знаю всех знатных и приближенных к Всеславу людей, которые выступали за войну с вашим отцом. Князь Всеслав оскорбил нас, он остался нам должен, и если вы готовы заплатить за сведения, то я могу назвать вам всех ваших врагов в этом городе. Кроме того, я со своей дружиной, хотел бы остаться в Полоцке на пару дней перед дальней дорогой, мои воины сильно устали в пути, — сказал Эстин.

Обдумав это предложение, князь Мстислав решил заполучить союзников а не врагов, ведь никаких гарантий, что варяги уйдут из Полоцка, если им отказать, не было. Мстислав сделал жест Эстину следовать за ним, после чего они долго беседовали о том, кто из полочан является врагом Мстислава. Варягов поселили в городе, и дружинники Мстислава вместе с варягами начали резню.

Теперь кровь и трупы покрыли улицы Полоцка. А варяги стали бродить по городу, смеясь и пересчитывая деньги. Впрочем, не все варяги были довольны таким развитием событий, некоторые и вовсе остались на берегу, помня времена союза с полоцким князем, но даже недовольные наемники были верны Эстину.

Полоцкая знать хотела созвать вече и выгнать князя Мстислава и его дружинников, не допустив расправ, но полоцкий епископ Никифор отговорил полочан:

— Сейчас в городе не только князь Мстислав со своим войском, теперь здесь и варяги. Эстин только того и ждет, чтобы ослабить вас, устроив массовую резню и грабеж в Полоцке, выступив как союзник князя Мстислава. Не поддавайтесь на провокацию Эстина, лучше предупредите всех, кого сможете.

Тогда были убиты многие купцы и полоцкие дружинники. Ничего не подозревавшего Ратимира, воины князя Мстислава застали у него дома.

Дружинники Мстислава подожгли дом Ратимира, а двое лучников нацелились на входную дверь. Внезапно дверь вылетела от удара и навстречу лучникам выскочил Ратимир, держащий щит и закрывавший свою жену и детей. Обескураженные лучники выстрелили, но стрелы остались в щите, после чего озверевший Ратимир моментально обезглавил лучников.

Ратимир бился как заведенный, отчаянно отбиваясь от пятерых дружинников, за его спиной стояла испуганная жена с сыном и двумя дочерьми. Дружинники Мстислава знали, с кем имеют дело и старались действовать осторожно, но в схватке с таким опытным и умелым воином их строй все редел. Одного из воинов Мстислава Ратимир убил ударом в шею, второго ударом в переносицу, разрубив пластину шлема.

Видя, что Ратимир постепенно берет над ними верх, воины Мстислава попытались отвлечь его, напав на семью Ратимира. Два воина усилили натиск на полоцкого дружинника, а еще один обошел Ратимира и кинулся на его жену и детей.

Отважный семилетний сын Ратимира, Николай, достал свой детский нож и стал на защиту сестер и матери. Нападавший на семью Ратимира киевский дружинник лишь посмеялся и схватил мальчишку за воротник, и тогда Николай ударил дружинника в плечо ножом. Озверевший дружинник, из руки которого хлынула кровь, скрутил мальчишку и перерезал Николаю горло. Послышался истошный крик жены Ратимира.

Услышав вопли жены и дочерей, Ратимир отреагировал молниеносно, он развернулся и кинулся спасать свою семью. Воин, убивший Николая, оказался к Ратимиру в пол оборота, и Ратимир с легкостью отрубил ему голову. Но в тоже время Ратимир отвлекся от нападавших на него спереди двух дружинников, и, выставив щит, в последний момент остановил удар одного из них, удар второго пришелся в грудную клетку Ратимира и оставил глубокую рану. Увидев своего сына мертвым, Ратимир обезумил и накинулся на врагов в отчаянном натиске, через несколько мгновений киевские дружинники пали от смертельных ударов в лицо и висок.

Истекающий кровью, старший дружинник Полоцка стал на колени и взял на руки тело сына. Жена и дочери рыдали вокруг, Ратимир молчал, но по его лицу катились слезы. Несколько мгновений спустя, раненый Ратимир посадил свою семью на лошадей киевских дружинников, тело Николая он усадил на своего коня и поехал к городским воротам. Дружиннику князя Мстислава, стоявшему на воротах и попытавшемуся преградить дорогу, Ратимир разбил голову, пробив шлем, после чего с семьей отправился в Браслав.

Совсем иначе было с Вадимом. Дочь полоцкого купца предупредила Вадима, что в городе началась чистка. Увидев вдалеке четырех приближающихся всадников, Вадим поднялся на крышу своего двухэтажного дома, с луком в руках. Отличный лучник, Вадим стал стрелять во врагов из мощного составного лука, с такого расстояния, что дружинники Мстислава со своим вооружением не могли его достать. Одному из четырех дружинников Вадим попал в глаз, другому пробил насквозь шею, затем Вадим спустился с крыши и убежал в свой дом.

Двое оставшихся дружинников ускорили своих коней и подъехали к крыльцу Вадима. Но как только воины спешили и направились ко входу в дом, Вадим выскочил им навстречу, держа в руках горшок с кипятком. Вадим швырнул этот горшок в голову одного из дружинников. Горшок разбился и дружинник стал корчиться от боли, держась за обваренное лицо. Со вторым дружинником Вадим вступил в схватку, в какой-то момент они оба повалились на землю и стали бороться. К удивлению киевлянина, долговязый Вадим оказался очень крепок и вынослив. Вадим изловчился, скрутил киевского дружинника, и в невероятном напряжении свернул ему шею. После чего Вадим поднялся на ноги и обезглавил начавшего приходить в себя обваренного киевлянина.

Осмотрев трупы, Вадим заметил, что один из дружинников Мстислава, был примерно его роста и телосложения. Тогда Вадим переоделся в его одежду, надел шлем, сел на коня этого дружинника и спокойно проехал мимо охраны, через городские ворота.

Моей семье повезло меньше, я с отцом возвращался из города, и мы уже почти подошли к дому, когда услышали вопли матери:

— Бегите!

Тут я увидел, как воин в доспехах ударил мою мать, а еще двое дружинников князя

Мстислава держали ее за руки. Мой отец был не чета Ратимиру и даже опытным полоцким дружинникам, в схватке с киевскими воинами он был обречен. Будь у отца хотя бы копье, он еще смог бы достойно сражаться, но с собой у отца был лишь нож.

Оглядываясь назад в прошлое, я понимаю, что ни отец, ни мать не стали превращаться в волков, зная, что после этого я больше не смогу жить в Полоцке и меня будут искать. Мои родители решили дать мне шанс жить достойно в этом городе.

Мы с отцом еще могли убежать в лес. Я растерянно посмотрел на отца, но отец пришел в ярость от увиденного и проявил в той ситуации изрядную стойкость духа.

— Беги в лес, сынок! — жестким тоном сказал отец.

— А как же ты и мама? — испуганно спросил я.

— Мы догоним тебя, а сейчас беги! — ответил отец и сильно толкнул меня в сторону леса.

Я побежал в лес со всех ног и только зайдя в лес стал наблюдать за происходящим.

Отец достал из-за пояса нож и кинулся на воинов князя Мстислава. Дружинники с легкостью сбили отца с ног и стали бить его ногами, а затем один из них зарубил отца мечом.

Моя мать казалось сошла с ума при виде убийства отца. Она начала громко кричать и рыдать, а затем выхватила кинжал у киевлянина и бросилась на убийцу отца. Дружинник повинный в смерти отца, с легкостью оттолкнул мать щитом, а затем обезглавил ее.

Увидев гибель родителей, я в ужасе побежал в лесную чащу, через какое-то время я сел на траву и стал плакать от горя. Я все еще не мог поверить, что моих родителей больше нет. Прошло наверное полдня, прежде чем я смог подняться и идти дальше.

3

Тот, кто считает, что люди созданы для счастья и жизнь прекрасна, видимо не сталкивался с самыми темными проявлениями этой жизни. Я был девятилетним ребенком и ничем не заслужил зрелища гибели своих родителей и участи сироты, вдобавок в лесу я находился на грани гибели. Тогда я еще не умел превращаться в волка, эта способность у представителей нашего народа проявлялась только в юности, поэтому мне было сложно охотиться. Мать когда-то объясняла мне, какие из растений, грибов и ягод можно собирать в лесу и есть, но это было давно и, живя в городе, я забыл практически все, чему она меня учила.

Перебиваясь сырыми знакомыми грибами и черникой, я бродил по лесу несколько дней. В один из таких дней я лег отдохнуть на опушке. Вдруг я услышал какие-то шорохи вдалеке, присмотревшись, я увидел огромного черного вепря, обнюхивающего землю.

Я аккуратно и без лишнего шума стал пробираться в лесную чащу подальше от вепря. Тут из лесных зарослей мне навстречу вышла какая-та старуха. Заметив бельмо на ее левом глазу, я подумал, что это, наверное, та самая ведьма, стычку с которой мне описывал отец.

— Мальчик, где ты? Иди ко мне, я пришла, чтобы тебе помочь! — начала кричать ведьма.

Я оцепенел от ужаса и застыл не двигаясь, стараясь даже не дышать. Ведьма начала

глубоко втягивать ноздрями воздух и повернулась в моем направлении.

— Все равно ведь найду тебя, волчонка! Лучше сам выходи! — оскалившись, громко сказала ведьма, подходя ко мне все ближе.

Я не выдержал момента ожидания и кинулся бежать. И тут к моему ужасу ведьма также невероятно быстро кинулась за мной, она даже не бежала, а почти парила в воздухе, лишь изредка чуть касаясь ногами земли.

— Так вот ты где, стой, тебе говорят, все равно от меня не убежать! — закричала ведьма, преследуя меня.

Мне не передать ужаса, испытанного тогда, я не мог убежать от ведьмы, она была все ближе. Я выбежал к какому-то озеру, и тут дорогу мне преградил вепрь, я попятился назад и, зацепившись за какую-то корягу, споткнулся и упал.

— Ну вот и все! — сказала с усмешкой ведьма, появившись неподалеку от меня. Она начала бормотать какую-то тарабарщину себе под нос, я лишь понял, что она обращается к лешему и другим духам леса. Ветка лежащего неподалеку дерева, подползла ко мне, как змея, и намертво обвилась вокруг моей ноги, приковав меня к земле, после чего ведьма начала приближаться.

Деваться мне было некуда, и я закрыл глаза, ожидая смерти.

И вдруг я услышал голос моей матери, который вывел меня из оцепенения:

— Светозар, сынок, не бойся!

Открыв глаза и подняв голову, я увидел стоящих передо мной отца и мать, они держались за руки. Но ведьма продолжала приближаться ко мне, она не видела моих родителей.

— Сынок, достань огниво, и подожги березу! — сказал мне отец.

Я достал свое огниво, подарок отца, на огниве были магические символы моего народа. Но подумал в тот момент, что березу нужно поджигать пламенем, а не огнивом. В спешке я начал выбивать искры и к моему удивлению, лишь искры коснулись стоящей рядом березы, как все дерево вспыхнуло. Тогда я вспомнил, что мать говорила когда-то, что береза — это дерево богини Лады, моей покровительницы.

Огонь от березы перекинулся на соседние деревья и стена пламени окружила меня по кругу. Издавая визжащие звуки, вепрь отошел подальше от пламени. Ветка лежащего дерева отпустила мою ногу, чары ведьмы больше не действовали, но старуха все не успокаивалась.

— Нет, ты от меня не уйдешь, только не сегодня! — закричала разъяренная ведьма, и снова начав что-то бормотать, попыталась пройти ко мне сквозь круг из пламени. Ее одежда загорелась и с воплями боли ведьма бросилась прочь, в озеро. Выбравшись из озера, вся в ожогах, старуха стала ходить вокруг стены пламени.

— Деревья рано или поздно сгорят, волчонок, и я все равно тебя убью! Я вырву твое трусливое сердце! — сказала ведьма и громко засмеялась.

Тогда моя мать, находившаяся с отцом внутри круга, подула на стену огня и пламя стало перекидываться на соседние деревья, начинался сильный лесной пожар. Вепрь кинулся бежать, а следом и ведьма, беспомощно выругавшись, неохотно стала спасаться бегством. Меня охватил сильный жар, пламя подступало все ближе, но я не чувствовал боли и моя одежда не загоралась. Отец и мать исчезли, но ощущение их присутствия рядом меня не покидало.

— Не выходи за круг, Светозар! Не выходи за круг! — услышал я голос отца.

Наконец море огня охватившее лес, поглотило и меня, через какое-то время возле меня

стали падать горящие молодые деревья, но что бы не происходило, я оставался в круге, вскоре мне стало тяжело дышать и я потерял сознание.

Очнулся я посреди тлеющей травы и деревьев, свое огниво я потерял. Стряхнув с себя пепел, я умылся в озере и побежал прочь от места недавнего пожара.

Я бежал по какой-то тропе, когда почувствовал, что за мной кто-то наблюдает. Меня начал преследовать странный шепот, и ветки встречных деревьев, казалось, начали ко мне тянуться, пытаясь меня схватить. Внезапно я вышел прямо к дому ведьмы, который описывал мне отец.

Я побежал по тропе в обратную сторону, назад к озеру. Но к моему ужасу, через некоторое время, я снова вышел к ее дому, причем на то же место. Так продолжалось целый день, куда бы я не бежал, в какую сторону бы ни шел, этот загадочный лес неизбежно приводил меня к ведьме. Выходя к злосчастному дому, я слышал ее издевательский смех.

Не имеет значения, какую дорогу вы выберете, любая дорога раньше или позже поведет туда, куда будет стремиться воля проводника или путника.

Наконец я выбился из сил, и беспомощно сел на какой-то пенек. Вдруг я услышал приближающийся шум на тропе, проходившей через кустарник неподалеку.

— Кто же там? Ведьма или вепрь? — подумал я. За последний день я слишком устал и был уже не в состоянии убежать, вот она — гибель!

Но из кустарника на тропу выехала колонна всадников — это были полоцкие дружинники во главе с Вадимом и Ратимиром. Я не верил своему счастью и поспешил всадникам навстречу.

— Светозар? Что ты тут делаешь? — удивленно спросил Ратимир, увидев меня.

— Спаси, Ратимир! — закричал я, а после обессиленный упал на колени и начал беспомощно рыдать, я старался успокоиться, но не мог.

Вдруг из соседних зарослей елей появилась ведьма.

— Отдайте мне мальчишку, и я вам хорошо заплачу! — обратилась ведьма к полоцким дружинникам.

— Убирайся прочь, пока мы тебя не убили, дьявольское отродье! — жестко сказал Ратимир, которому я напоминал его погибшего сына.

— Какое вам до него дело? Я осыплю вас серебром! — заискивая, сказала ведьма.

— Я сказал убирайся! И если я еще раз услышу, что ты его преследовала, то я тебя найду и убью! — Рявкнул Ратимир и взялся рукой за рукоять меча.

Старуха внимательно осмотрела всадников и начала бормотать себе под нос какие-то заклинания. Тогда Вадим достал из одежды камень и швырнул ведьме в голову. От удара камня ведьма пошатнулась, из ее головы потекла кровь.

— Ты что не поняла, старая карга, тебе сказали — убирайся! — закричал в гневе Вадим.

Ведьма растерялась, двинулась прочь и вскоре исчезла в еловых зарослях, а Ратимир посадил меня на лошадь.

— Высшие силы хранят тебя, Светозар! — с улыбкой сказал Ратимир. Он был прав, ведь я и сам недавно в этом убедился.

После бегства в Браслав Ратимир залечивал рану и только и думал, что о мести. Князь Всеслав и его сыновья пытались успокоить Ратимира, но он не унимался:

— Эстин поплатиться за смерть моего сына! — постоянно повторял Ратимир, и даже князь Всеслав временно утратил влияние на Ратимира.

Полоцкая знать сообщила Всеславу, что варяги проводят все время в гулянках и живут в Полоцке на широкую ногу. Князь Мстислав вскоре осознал, какую ошибку он сделал, поселив варягов в Полоцке, но было слишком поздно.

Новые корабли с варягами прибывали каждый день, Эстин взял под контроль участок полоцкого берега, где встречал приплывающих наемников.

Эти скандинавские гости не давали проходу полоцким девушкам и время от времени грабили полочан на улицах и в домах. На жалобы князя Мстислава по поводу постоянных беззаконий творимых варягами, Эстин лишь отмахивался, утверждая, что это все только слухи и наговоры. На предложение Мстислава уйти из города за большое вознаграждение, Эстин ответил отказом, заявив, что он, конечно, покинет Полоцк, но сейчас его люди еще не оправились от долгих странствий.

Варяги были отличными воинами, к тому же в Полоцк их прибыло много, и они не боялись князя Мстислава, зная, что он не имеет поддержки у полочан. Дошло до того, что когда трое дружинников Мстислава поссорились с пьяными варягами, скандинавские наемники просто зарубили дружинников на месте. Дружина Мстислава потребовала мести, но Мстислав успокаивал воинов и уговаривал дождаться подкрепления из Киева.

Отец Мстислава, киевский князь Изяслав, на просьбу сына ответил, что не может в данный момент прислать войско и посоветовал поддерживать с варягами хорошие отношения. Мстислав чувствовал, что Эстин все больше берет реальную власть над Полоцком в свои руки.

Люди Ратимира разузнали, что Эстин почти не пьет и предпочитает спать не в городе, а в драккаре на берегу реки Двины под охраной своих воинов, чтобы в любой момент можно было сбежать.

И в одну из ночей, когда Эстин со своими приближенными возвращался с гулянки, полоцкие дружинники задержали охрану Эстина.

У Черного ручья, портового места возле Софийского собора, где днем купцы загружали на ладьи товар, Эстин заметил, что люди из его охраны отстали и исчезли. Внезапно Эстин услышал приближающиеся шаги впереди.

— Кто здесь? — настороженно спросил Эстин и взялся за рукоять своего меча.

— Не узнаешь старого друга, Эстин? Как же так, ведь мы бились вместе столько лет, когда-то в походе на литовцев я и вовсе спас тебе жизнь! Я думал, ты более радушно меня встретишь! — сказал с усмешкой Ратимир.

— А, это ты, Ратимир, ты прав, и я рад тебя снова увидеть. Прости меня за твоего сына и все беды, что я тебе причинил, но у меня не было выбора, князь Всеслав унизил и предал меня и моих людей, он даже не выплатил причитавшиеся нам за службу деньги.

— Предал? Тебе ли Эстин говорить о предательстве! — сказал Ратимир и бросил к ногам Эстина два тяжелых мешка полных серебра: — Вот ваши деньги, наш князь к ним не притронулся и собирался отдать их вам при первой же возможности.

— Этого я не знал, но уже поздно и ничего не изменить! Теперь я и мои воины контролируем город, скоро придут мои братья и я выгоню князя Мстислава из Полоцка. А там, кто знает, в каких землях меня остановят? Я частично виноват в гибели твоего сына, но я его не убивал! Давай править со мной, Ратимир, тебя уважают в Полоцке, уверен если избавиться от князя Всеслава, полоцкие дружинники пойдут за тобой. Тебе еще не надоело быть на побегушках у князя? Ты будешь равным мне, моим соправителем, а власть в Полоцком княжестве мы поделим.

Я слышал, что твои предки прибывшие сюда с конунгом Рагвальдом, были из знатного норвежского рода. Так может пришло время восстановить справедливость? Поддержи меня, Ратимир, и тогда ты и твои потомки будете князьями! Что ты думаешь об этом?

— Ты прав, уже слишком поздно, Эстин. Да, мои предки были из норвежской знати, но прошли те времена, когда власть на Руси делили между собой конунги вроде Рорика и Хаскольда. Сегодня вы, варяги, пришли в полное ничтожество, и ты, Эстин, всего лишь жалкий авантюрист, князь был прав, когда обвинял тебя в Новгороде. Любовь к Катарине привела тебя на путь предательства. Во мне течет не только кровь викингов, но и местной знати и достойных народов этих земель, я и ты видим этот мир по-разному. А сейчас я действительно восстановлю справедливость, убив тебя и отомстив за смерть моего единственного сына.

— Убьешь меня? Я великий воин и конунг Эстин Красный Клык, мое имя звенит над Русью, в Северном и Балтийском морях. Ты очень хороший воин, Ратимир, но тебе меня не одолеть. Мы с тобой через многое прошли и я обязан тебе жизнью. В память о былой дружбе, я прощу твои оскорбления и позволю тебе уйти отсюда живым! — сказал Эстин.

— Бог нас рассудит! — озлобленно сказал Ратимир и вынул из ножен меч.

На самом деле Ратимир очень опасался этого боя, во всех сражениях Эстин проявлял себя лучше, да и заслуженная слава делала его легендарным воином.

Бой начался, лучшие воины Полоцкого княжества, а возможно и всей Руси сошлись в смертельной схватке. Они сражались рядом с величественным Софийским собором, под ночным звездным небом, в месте, где журчание Черного ручья создавало иллюзию, что это звезды в полоцком небе обсуждают события, происходящие на земле.

С самого начала Эстин показал свое преимущество в технике, Ратимиру казалось, что варяг с ним попросту играет, оценивая возможности противника, а затем Эстин стал наносить резкие сильные удары, часть из которых Ратимир отражал с большим трудом. Битва проходила в невероятно быстром темпе, прошло более часа, когда Ратимир стал заметно уступать варягу. К этому времени, Эстин уже сбил с Ратимира шлем и ранил его в плечо.

— Эх, Ратимир, и зачем тебе это было нужно, сегодня ты найдешь свою смерть! Когда я стану правителем Полоцка и возьму себе в жены Катарину, я помяну тебя с почестями, — уверенно сказал Эстин и усилил натиск. И без того с трудом отражающий удары Ратимир и вовсе потерял равновесие. Эстин вновь пробил защиту Ратимира и оставил на его щеке глубокий рубец. Казалось, все кончено, гибель Ратимира была лишь вопросом времени, кровь текла по его лицу, боль в плече сковывала движения. Но тут свежий ветер подул со стороны Двины, словно развеивая затхлость и безысходность. На мгновение Ратимиру показалось, что он увидел своего сына Николая, наблюдающего за схваткой. Ратимир осмотрелся, но вокруг никого не было, лишь черный ворон пролетел высоко над воинами. Ратимир посмотрел на лежащий в его руке меч Тимофея Полоцкого, реликвию,

передававшуюся среди старших дружинников. Внезапно над Двиной разнесся звон колоколов Софийского собора, этот звон отвлек варяга и принес Ратимиру прилив сил. Увидев самодовольную усмешку Эстина, Ратимир пришел в ярость:

— Я не погибну здесь один, Эстин, только не сегодня! — озлобленно закричал Ратимир и стал увеличивать темп рубки из последних сил. Варяг ничего подобного не ожидал и несколько растерялся, внезапно Ратимир уклонился от удара Эстина и отрубил ему кисть руки, держащую меч. Послышался звон упавшего оружия, испуганный Эстин отчаянно кинулся к мечу, поскольку одинаково хорошо фехтовал обеими руками, и даже схватил свой меч, но в этот момент Ратимир нанес удар в шею стоящему на колене варягу. Даже в последнее мгновение, опытный Эстин попытался отбить удар Ратимира шлемом, сделав резкий рывок вперед, это не позволило обезглавить варяга. Возможно, удар меча и вовсе прошел бы вскользь, но его наносил Ратимир, и на шее варяга зазияла огромная рубленая рана.

— Катарина! — прошептал Эстин, захлебываясь кровью и глядя куда-то вдаль. Тело Эстина рухнуло, и его кровь смешалась со сверкающей водой Черного ручья. Ратимир опустился на колени и поклонился телу павшего варяга, а затем умылся в ручье, все было кончено. Кровь Эстина Двина понесла в родное для варяга Балтийское море.

— Вы, варяги, всегда были слишком самоуверенны! — задумчиво сказал Ратимир, глядя на изувеченное тело скандинава.

На звон мечей Ратимира и Эстина бросились бежать варяги из охраны кораблей, но варягов уже поджидал Вадим с полоцкими дружинниками и ополченцами. Выскочив из засады, полочане накинули на викингов сети и повалили их на землю.

— И кто же попался к нам в сети? Да это никак жирная норвежская и датская рыба из Северного моря, отличный улов! Эта тупая рыба осталась бы в живых, если бы не плавала в этих местах, — сказал с усмешкой Вадим, поднеся факел к ошеломленным варягам, а затем перестал кривляться и приобретя серьезный мужественный вид, продолжил уже грозным тоном:

— Мы убиваем вас за изнасилования полоцких девушек, за грабежи и убийства полочан, за предательство нашего князя! Вы умрете без пыток и при оружии, в отличие от многих ваших жертв.

После этих слов Вадим и дружинники достали мечи и начали рубить варягов.

По решению Вадима и Ратимира, останки убитого Эстина и тела других варягов, были похоронены по скандинавской традиции, в корабле и с оружием, в окрестностях Полоцка. Перед захоронением, Ратимир вложил в руку Эстина брошь княжны Катарины, украшенную розовой лентой и приказал засыпать тела скандинавов серебром, которое им был должен князь Всеслав.

В этот же вечер Ратимир тайно встретился с представителями полоцкой знати и уговорил их поддержать князя Мстислава в изгнании варягов.

— Сейчас у нас с князем Мстиславом общие цели, оставшиеся без предводителя варяги будут вести себя еще хуже, чем раньше, необходимо их выдворить из Полоцка, а с Мстиславом мы потом разберемся! — обратился к полоцким купцам Ратимир.

На следующее утро варяги стали искать Эстина и его охрану, не найдя своего конунга, викинги пришли в ярость и начали угрожать дружинникам князя Мстислава и полочанам. Мстислав был в растерянности, он собрал всех своих людей у терема и ожидал, что будет дальше. Вдруг зазвенел вечевой колокол Софийского собора, к князю Мстиславу пришел

епископ и пригласил его на вече, гарантировав ему безопасность, Мстислав согласился.

На полоцком вече собрались все полоцкие ополченцы, огромные толпы народа, обсуждавшие участвовавшие нападения скандинавов. Я, Вадим и Ратимир также были на площади, с накинутыми на голову капюшонами. Когда Мстислав пришел на городскую площадь, к нему обратились представители купечества:

— Ваша светлость, мы устали от беззаконий, творимых варягами, и желаем выдворить их из города! Прикажите раздать нам оружие, и мы вместе с вами будем сражаться!

Мстислав не ожидал подобного поворота событий, но, прикинув расстановку сил, понял, что его воинам не удержать толпу, если полочане решат силой взять оружие из хранилища. Он не повторил ошибки своего отца и дал согласие.

Тут на вече явилась делегация от викингов.

— Мы требуем выдать нам нашего конунга Эстина. Если вы не выполните наше требование в течение этого дня, то мы начнем убивать киевских дружинников и полочан. И так будет до тех пор, пока вы не выдадите нам конунга или не соберете откуп в двести мешков серебра, — сказал недавно избранный вместо Эстина конунг по имени Олаф.

Наглости варягов не было предела, за последнее время проживания в Полоцке они делали, что хотели и перестали адекватно оценивать ситуацию.

— Хорошо, мы выдадим вам Эстина на берегу Двины сегодня вечером, — спокойно сказал князь Мстислав, обращаясь к варягам.

Варяги развернулись и с гордым надменным видом, не обращая внимания на оскорбительные выкрики полочан, покинули вече.

— Зачем Мстислав договорился о встрече на берегу? Не лучше ли было приказать убить варягов прямо сейчас и начать с наглецов пришедших на площадь? — спросил я у Ратимира.

— Ты еще слишком мал и глуп! Полочане сейчас не вооружены, а варяги с оружием наготове ждут ответа князя Мстислава. Убей сейчас полочане послов варягов, началась бы кровавая бойня, и пока бы полоцким ополченцам раздали оружие, погибла бы тьма народу. Варягов в городе очень много, поэтому нужно дать им возможность сбежать на кораблях, иначе загнанные в угол, они будут сражаться до последнего и убьют огромное количество полочан и киевских дружинников.

Вечером варяги собрались на берегу Двины возле своих драккаров и кнорров. От людей, посланных проконтролировать полочан, не было вестей, и Олаф начинал нервничать. Внезапно Олаф услышал странный шелестящий звук, заставивший всех замолчать, и вдруг на варягов посыпался дождь из стрел. Варяги прикрылись щитами, а после сели на лошадей и кинулись на встречу полоцким лучникам.

— Бей варягов! — послышался неистовый крик со стороны полоцкого войска, поддержанный дружным боевым кличем полочан.

Враги встретились. Часть варягов на полном скаку врезалась в строй полоцких ополченцев, а часть столкнулась с конницей из киевских и полоцких дружинников. Рубка была отчаянной, киевляне мстили за своих погибших, полочане за грабежи и убийства, варяги за Эстина и оскорбления князя Всеслава.

Полоцкое войско было гораздо многочисленнее войска варягов, и в тоже время достаточно подготовленное, дружинники и вовсе бились наравне с викингами. Лавина полоцкого войска из щитов и копий захлестнула скандинавских наемников. Вскоре стало очевидно, что варяги проигрывают в этом столкновении. Норманны все еще были внушительной силой, которая могла нанести полочанам большой урон, но с ними не было

легендарного Эстина, который бы воодушевил и объединил это разношерстное скандинавское воинство. После неудачи в бою отдельные кланы викингов тут же поругались между собой, и приказов Олафа уже никто не слушал. Под градом смертоносных стрел викинги начали отступать, они запрыгивали в свои корабли и уплывали прочь. Тогда Олаф сам повел верных ему людей в атаку, но был убит несколькими стрелами с бронебойными наконечниками, выпущенными Вадимом. После гибели Олафа даже самые яростные скандинавы стали отступать к кораблям и вскоре все варяги покинули полоцкий берег.

Полочане, князь Мстислав и киевские дружинники ликовали, в хорошем настроении были и Ратимир с Вадимом, наблюдавшие за битвой со стороны.

— Вот вам захват Руси, вонючие пожиратели селедки! Чтоб вы все отправились на дно морское по дороге домой! — твердил Ратимир, глядя на уплывающие вдаль корабли.

— Не горячись Ратимир, вчера я со своими людьми поработал над их кораблями. По дороге назад, часть их кораблей развалится, но к этому моменту они будут уже далеко от Полоцка. Варяги запомнят наш город надолго, — с улыбкой сказал Вадим.

— Я не перестаю тебе удивляться! — сказал Ратимир и засмеялся.

Князь Мстислав поздравил полоцких воинов с победой, и тут до того смеющиеся полочане вдруг загрустили, они вспомнили про своего славного князя Всеслава, при котором разгул варягов просто не мог произойти.

Возвращение

1

За два последующих года власть в Полоцке сменилась. Князь Мстислав умер от лихорадки, и на его место киевский князь Изяслав послал своего сына Святополка.

Сам вид Святополка, который имел темные волосы, среднее телосложение, бегающий взгляд и общался со всеми с ехидной усмешкой, давал понять, что этот князь не прост.

Всеслав отчаянно искал союзников, мало было выгнать Святополка из Полоцка, нужно было войти в союз с кем-то обладающим значительной военной силой, чтобы противостоять Ярославичам. Но с кем? Племена Прибалтики были только рады, что полочане перестали вмешиваться в их дела. Варягов недавно вышвырнули из Полоцка, Тмутаракань переживала кризис под властью Ярославичей, половцы еще не оправались от поражения и вряд ли стали бы союзниками разгромившего их Всеслава. В то время князь Всеслав был в затруднительном положении.

Ратимир и Вадим, уладив дела в Полоцке, взяли меня с собой в Браслав. Я снова очутился в этом живописном месте, возможно лучшем месте на земле. Это напоминало возвращение в прошлое, во времена, когда я был здесь с отцом и матерью.

Прекрасный Браслав, где множество чарующих своею красотой озер, стыкующихся между собой, покрывают землю сияющим полотном, по которому плавают величественные

белоснежные лебеди, разноцветные селезни и сотни других разнообразных небесных гостей.

Это место, где кристально чистая вода омывает десятки загадочных островов, где озерные берега изрезаны крутыми холмами, на которых растут многовековые огромные сосны, устремленные к озаренному золотистыми лучами, синему небосводу. Кроны высоких сосновых лесов переливаются тенями, улавливая малейшие изменения в положении солнца.

А каким чудесным запахом наполнены эти леса, он будто пропитывает душу и тело, заставляя раствориться в природе и забыть обо всех невзгодах.

В этих завораживающих сосновых лесах в изобилии водятся благородные косули, проворные куницы, осторожные рыси ступают по лесным тропам, обходя людей стороной. А в прибрежных лесных заводях, бродят любопытные черные аисты и купаются выдры.

После горя и ужаса, пережитого мною в Полоцке, Браслав стал для меня идеальным местом, чтобы прийти в себя.

В один из осенних дней я ловил рыбу на озере под Браславом, а князь Всеслав сидел в тени деревьев неподалеку. Полоцкий князь играл в шахматы с Ратимиром и обсуждал с ним последние события.

— Так говоришь, Вадим, не имея твоих талантов воина, тем не менее справился с четырьмя дружинниками и беспрепятственно покинул город? Иногда мне кажется, что родись Вадим королем какого-нибудь государства, где больше порядка, скажем в Польше или Богемии, он завоевал бы весь мир, — сказал с усмешкой князь Всеслав, обращаясь к Ратимиру.

— Может быть, покорил бы мир, а может, привел бы свой народ к гибели, иногда ему не хватает рассудительности и он слишком склонен к риску. Реши князь Мстислав послать за Вадимом на одного дружинника больше, скорее всего Вадим был бы уже мертв. Но Вадима спасло пренебрежение к нему Эстина, который всегда его недооценивал, — ответил Ратимир, осматривая шахматную доску.

Вдруг на берегу озера появился Вадим в окружении каких-то богато одетых людей. Подойдя ближе, один из спутников Вадима поклонился и обратился к полоцкому князю:

— Приветствуем вас, ваша светлость, мы послы племени воль.

— Что-то не так? Отчего у тебя удивленный вид, посол?

— Простите нас, светлейший князь, мы не ожидали увидеть столь могущественного правителя как вы на берегу озера, мы думали, вы примите нас в крепости.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Да, принимать в крепости безопаснее и величественнее. Но после заточения в порубе я предпочитаю больше отдыхать на природе, мой разум — моя крепость! Так с чем вы ко мне прибыли? — сказал князь Всеслав, не отрывая взгляда от шахматной доски.

— Наше племя находится под гнетом Новгорода, недавно новгородцы увеличили размер дани, и мы решили поднять восстание.

— Это ваши с Новгородом дела, причем тут я? — спросил князь Всеслав, сурово посмотрев на послов.

— Вы великий полководец, который уже громил новгородское войско, и мы решили предложить вам возглавить наших воинов. Вы поможете нам победить новгородцев, а мы вернем вам власть в Полоцке и будем вашими верными союзниками.

— Это что еще за племя, Вадим? Неужели я, правитель Полоцкого княжества, сын соправителя Киева, возвысился до племенного вождя? — с сарказмом спросил Всеслав.

— Я узнал у купцов, это очень большое и богатое племя, — ответил Вадим.

— Какое количество воинов вы можете выставить? — спросил Всеслав обращаясь к послам.

— Две тысячи хорошо вооруженных воинов! — ответил посол.

— Так, а что там с Новгородом, Ратимир, пригнетают ли новгородцы наших купцов?

— В Новгороде сейчас правит сын черниговского князя, Глеб Святославович и к нашим купцам этот князь относится терпимо, никаких проблем с торговлей не возникает, — недовольно посмотрев на послов, ответил Ратимир.

— Сын князя Святослава, говоришь, и отношения мирные? Видимо, грязной выйдет война, с другой стороны ослабить Ярославичей чужими руками будет не лишним. Ладно, я согласен, но только после того, как увижу ваше войско.

Прибыв в племя воедь с частью полоцких дружинников, Всеслав убедился, что войско племени действительно значительное, и с доспехами, и с вооружением у воинов все в порядке. После этого Всеслав обсудил с племенными старейшинами план действий. И когда новгородцы приехали за данью, их попросту прогнали. Старейшины хотели убить сборщиков дани, но Всеслав настоял на том, что они на службе и им нужно сохранить жизнь.

На побережье Балтийского моря старейшины устроили сбор всех воинов племени, перед огромной ликующей толпой народа они призывали воинов к стойкости и отваге. Под шум прибоя, в свете пламени огромных костров, разгоряченные воины племени устроили демонстрацию своих боевых навыков. Все это было похоже на массовое помешательство, но князю Всеславу нравилась такая атмосфера.

Была только одна проблема, Всеслав не понимал языка, на котором говорили воины племени. Конечно, во всех русских землях, говорили на разных диалектах, в зависимости от предков, основавших города и государственность. Например, новгородский диалект сильно отличался от киевского или полоцкого, но был понятен полочанам. Язык же племени воедь не имел ничего общего с диалектами русских городов, что сильно затрудняло общение.

— Как тебе наше новое войско? — спросил Всеслав у Вадима.

— Не знаю, ваша светлость. Если они такие великие воины, то почему они еще не создали своей государственности и платят дань новгородцам. Все это странно и у меня плохое предчувствие, — ответил Вадим, с недоверием наблюдая показную удачу воинов.

— Да, меня тоже волнует этот вопрос, скоро посмотрим на них в бою, — задумчиво сказал Всеслав.

Через пару недель состоялась решающая битва у небольшой реки Гнези. Два примерно равных по численности войска построились по берегам реки.

— Как только новгородцы начнут переправляться на наш берег, вы вначале ударите конницей, затем пехотой и опрокинете перебравшихся новгородцев. Главное, нанести новгородскому войску как можно больший урон, — объяснял князь Всеслав племенной знати.

Битва началась со стычки новгородских дружинников и варягов с полоцкими дружинниками и конницей племени воедь. Однако как только новгородская конница оказалась перед племенем и началась рубка, всадники племени бросились бежать. Тогда все новгородское войско начало переправляться через реку.

Князь Всеслав дал команду к наступлению пехотинцев. И вначале воины племени мужественно встретили новгородцев, но когда новгородцы усилили натиск, войско племени воедь дрогнуло и обратилось в бегство.

Князь Всеслав был в не себя от ярости, он пытался остановить отступавших, но все было

бесполезно, воины племени, казалось, сошли с ума и бежали ничего не видя от страха, контраст с полочанами был очевиден.

— С кем я только связался! И они еще не хотели платить дань? Да я бы с них три шкуры спустил! — кричал Всеслав, а затем повернул свой яростный взгляд на новгородское войско.

Князь Всеслав достал меч и бросился на наступавших новгородцев, на землю полетели головы и трупы новгородских воинов. В море новгородского войска, как островки омываемые с разных сторон, держались отряды полоцких дружинников и сражающийся Всеслав. Тут к князю Всеславу подъехал новгородский князь Глеб Святославович.

— Сложите оружие, ваша светлость, нам нужно поговорить! — сказал князь Глеб.

— Ну уж нет, новгородский пес, я словам Ярославичей больше не верю! Подъезжай ближе, доставай свой меч и поговорим! — закричал Всеслав, продолжая рубить новгородцев.

— Вы не нужны мне в плену, у нас есть общие интересы! Пожалейте своих дружинников, они ведь все погибнут! — стал уговаривать Глеб Всеслава.

Укор в гибели дружинников заставил Всеслава задуматься и привел его на несколько мгновений в замешательство. Этого оказалось достаточно, новгородские дружинники набросились на Всеслава, скинули его с коня и скрутили.

Затем связанного князя повезли на повозке в Новгород. Вновь на повозке его увозили после поражения, и Всеслав тогда подумал, что таких совпадений не бывает, и это была его судьба.

К удивлению князя Всеслава, по прибытии в Новгород его не кинули в поруб. Более того, Всеслава принесли в терем, развязали и оставили ему вино и еду. Через какое-то время в помещение, где находился Всеслав вошел Вадим, Ратимир и полоцкие дружинники.

— Как вы здесь оказались? — с удивлением спросил Всеслав.

— После пленения вашей светлости, со мной провел переговоры князь Глеб и уговорил меня сложить оружие и вместе с остальными полоцкими дружинниками следовать за вами в Новгород. В город впустили два десятка полоцких дружинников, остальных обеспечили шатрами и едой, они ожидают у ворот, — несколько сбивчиво ответил Ратимир.

— И ты вот так просто доверился новгородскому князю? — раздраженно спросил Всеслав.

Ратимир виновато опустил голову.

Тут дверь в терем открылась и к Всеславу вошел вооруженный воин.

— Князь Глеб желает поговорить с вашей светлостью! — сказал воин, поклонился Всеславу, и сделал жест следовать за ним.

Глеб ожидал Всеслава на улице. Новгородский князь был безоружен и одет в одежду из льняной белой ткани. Слуги Глеба подвели лошадей, новгородский князь пригласил Всеслава и четырех полоцких дружинников, включая Ратимира и Вадима, проследовать за ним на лошадях. Вскоре колонна из двух князей, Глеба и Всеслава, и восьми дружинников — четырех полоцких и четырех новгородских, начала движение по улицам Новгорода.

— Светлейший князь, ведь вы же были правителем огромного княжества. Причем великим правителем, основавшим несколько новых городов и раздвинувшим границы своих владений, как же вы опустились до союза с каким-то жалким племенем? — начал разговор князь Глеб.

— Ваш отец и его братья избили и выгнали моих купцов, я лишь сражался за справедливость, но в противостоянии со всей Русью я проиграл. А с водью любой бы на моем месте воспользовался таким шансом, — озлобленно ответил Всеслав.

— Вы говорите, что мой отец участвовал в притеснении ваших купцов, но это не так. Мой отец всегда уважал вас и даже выступал за соблюдение договора с Полоцком в вопросе о соправительстве. Вы утверждаете, что отстаивали справедливость, я соглашусь, но какими способами вы это делали? Оглянитесь вокруг, ваша светлость, посмотрите на этот город и на его жителей, сделал ли что-то подобное Новгород полочанам?

Всеслав осмотрелся, повсюду были остатки пепелищ от сгоревших домов и новые незаконченные постройки. Жители Новгорода были угрюмы, на их лицах было безразличие, а в глазах читалась пустота. Встречные новгородцы смотрели на князя Всеслава со злобой и укоризной.

— Пожар, устроенный вашими воинами, уничтожил весь город. Пленных, которых забрали с собой полочане, вернул князь Мстислав, но вернулись далеко не все, многие новгородцы до сих пор ждут своих детей и жен. Да и то насилие и грабеж, которые устроили ваши воины, изменили новгородцев навсегда. Чтобы восстановить город после пожара, новгородцы увеличили размер дани, что и привело к восстанию племени воль, которое вы возглавили, — рассказал Глеб князю Всеславу.

В этот момент князя подъехали к самому священному месту для новгородцев, Софийскому собору, на котором не было колоколов и виднелись следы пожара.

— Сделал ли Новгород что-нибудь подобное Полоцку? Помнится новгородский князь Владимир Ясно Солнышко напал на Полоцк и уничтожил город, убил полоцкого князя Рагвальда и двух его сыновей, а дочь Рагвальда, княжну Рогнеду изнасиловал на глазах ее родителей и взял себе в жены, — сухо ответил Всеслав.

— Вы нашли, что вспомнить, ваша светлость, события столетней давности, к тому же вы и сами потомок князя Владимира Ясно Солнышко, — словно оправдываясь, сказал князь Глеб.

— Вы правы, все мы потомки князя Владимира Ясно Солнышко, но через Рогнеду мы также потомки Рагвальда. И я, как полоцкий князь, спалив Новгород, лишь вернул новгородцам старый долг. На то она и война, а если вас интересуют события посвежее, так от города Менска после нападения вашего отца с братьями вообще ничего не осталось. Этот осмотр очень увлекателен, но хотелось бы услышать, что вам от меня нужно? — повысив голос, сказал Всеслав.

— То небольшой Менск, а то Новгород! Вы напали первыми, но Полоцк в отместку никто не уничтожал! Хотя вы правы, меня не интересует давнее соперничество Полоцка и Новгорода, пора перейти к делу. Что, если я и мой отец поможем вам вернуть власть в Полоцке и в дальнейшем не будем с вами воевать? Князя Всеволод и Изяслав Ярославичи не особо ладят в последнее время, и, думаю, вы сможете удержать власть в Полоцком княжестве.

— А какие выгоды будете иметь вы и ваш отец от моего возвращения в Полоцк? — недоверчиво спросил князь Всеслав.

— Скажем так, скоро грянут войны за власть на Руси, и нам не выгодно, чтобы в Полоцком княжестве правили сыновья князя Изяслава. За клятву, принесенную новгородцам, о том, что вы больше не будете нападать на Новгород, и, конечно, отдельную клятву мне о том, что вы не будете воевать с моим отцом, князем Святославом, мы отпустим вас и поможем. Если вы согласны, то завтра же и начнем улаживать наше общее дело!

— Я согласен! — жестко ответил Всеслав.

Князя уже возвращались по улицам Новгорода, когда на их дороге оказалось огромное

обгоревшее бревно, одна из сторон которого лежала под завалами большого дома. Князь Глеб приказал двум своим охранникам расчистить дорогу.

Два новгородских дружинника спешили и подошли к бревну, они обхватили бревно с двух сторон и попытались его перетащить, но как ни старались, не смогли сдвинуть бревна с места.

Князь Всеслав лишь посмеялся и сказал:

— Пусть попробуют мои люди!

После чего Всеслав отдал приказ двум полочанам. Князь Глеб с интересом наблюдал, как два полоцких дружинника спешили, слаженно взялись за бревно, но из их усилий также ничего не вышло.

Тут уже заулыбался князь Глеб, и предложил, чтобы двое полоцких и двое новгородских дружинников оттащили бревно вместе, раз уж они взялись за это дело, князь Всеслав согласился. Но бревно было огромным и частично находилось под завалами, четверым дружинникам было неудобно братья за него. В отчаянном напряжении воины пытались сдвинуть бревно, но оно не поддавалось.

Тогда князь Всеслав обратился к сопровождавшему его Вадиму:

— Похоже без тебя, Вадим, здесь не обойтись! Спускайся и помоги им, на кону честь города Полоцка.

Затем князь Всеслав окликнул дружинников, боровшимся с бревном:

— Отойдите, пусть Вадим попробует один!

Неприметный с виду Вадим спустился с лошади и в одиночку обхватил огромное обгоревшее бревно, при этом все тело Вадима натянулось, как струна, но ничего не происходило. Князь Глеб и новгородские воины начали смеяться, нахваливая удачную шутку князя Всеслава, но тут к удивлению новгородцев бревно начало двигаться. С невероятными усилиями Вадим сдвинул одну из сторон бревна и постепенно оттащил его край с дороги, освободив путь.

Князь Всеслав, знавший о способностях Вадима, лишь усмехнулся, но новгородцы пришли в изумление от увиденного.

Когда Всеслав уже подъезжал к новгородскому терему, ему навстречу выскочила старуха. Полоцкие дружинники остановили старуху, и тогда она упала на колени, зарыдала и начала пронзительно кричать:

— Где моя дочь, князь? Верни мне дочь!

К старухе подбежали проходящие мимо новгородцы и стали ее успокаивать. А князь Всеслав поехал дальше.

Ратимир впоследствии мне рассказывал, что Всеслав только перед князем Глебом кичился своим равнодушием. На самом деле вид уничтоженного огнем Новгорода, его сломленных жителей и вопли старухи произвели на Всеслава сильное впечатление. Уважал князь Всеслав и князя Глеба Святославовича, который был известен на Руси как мудрый правитель. Во время правления в Тмутаракани князь Глеб провел исследование, впервые в истории Руси измерив по льду расстояние от Тмутаракани до Керчи.

На следующей день князь Всеслав дал публичную клятву перед шумным новгородским вечем. Ратимир опасался, что новгородцы могут наброситься на князя Всеслава и убить его, но князь Глеб заверил Всеслава, что он уже много раз обсуждал все с новгородцами. И нужно отметить к чести Новгорода что проблем действительно не возникло.

Новгородский князь отпустил всех пленных полочан, выделил в распоряжение князя Всеслава часть новгородской и часть черниговской дружины, присланной его отцом. Кроме того князь Глеб оплатил все долги Всеслава перед наемниками в Полоцком княжестве и помог нанять новых варягов.

Я сам был свидетелем, как в это время в полоцком небе загорелась новая яркая звезда. Князь Святополк Изяславович заметил изменение на небосводе, и спросил у полоцких монахов, что предвещает появление этой звезды. Святополку ответили, что это планета Венера в эту пору года, называемая в полоцком народе волчьей звездой, и она загорается к скорым переменам.

В одну из ночей князю Святополку плохо спалось, ему снился кошмар, будто он безоружный бежит по лесу, а его преследует огромный волк. Глаза волка горели двумя желтыми огнями, и вой волка приводил князя Святополка в ужас. Вдруг волк исчез, и наступила гробовая тишина, нарушаемая лишь шумом шагов князя. Озадаченный Святополк остановился и стал оглядываться по сторонам. Внезапно волк напал из зарослей и сбил Святополка с ног. Испуганный князь схватил с земли камень и метнул его в волка, поранив серому хищнику глаз. Волк неистово завыл от боли, закрыл поврежденный глаз и, озлобленно зарычав, бросился на князя Святополка. В ужасе князь закрыл рукой лицо, но ничего не происходило. Князь убрал руку и увидел огромную оскалившуюся волчью морду с одним закрытым глазом прямо перед своим лицом. Слюна из волчьей пасти капала на князя, и Святополк застыл в оцепенении.

— Убирайся из моего города! — сказал человеческим голосом волк и засмеялся. Затем морда волка начала растворяться, сливаясь с ночным небом, а его светящийся открытый глаз превратился в планету Венеру — горящую звездой над Полоцком. В этот момент Святополк проснулся в холодном поту.

Встретив епископа Никифора шедшего на заутреннюю молитву, князь Святополк рассказал ему свой сон, но епископ лишь пожал плечами.

На утро под стенами города Полоцка появился князь Всеслав с огромным войском. Ратимир, находящийся возле князя Всеслава, держал сверкающее развивающееся полоцкое знамя. Ликующие полочане открыли своему князю ворота и Всеслав вошел в город.

Князь Святополк трясся от страха, собрав всех своих людей в тереме, окруженный полоцкими ополченцами и войском князя Всеслава, Святополк начал биться в истерике, ситуация казалась безвыходной и Святополк осыпал полочан проклятиями и угрозами мести его отца. Тогда к князю Святополку пришел полоцкий епископ с посланием от князя Всеслава:

— Князь Всеслав и жители Полоцка уполномочили меня передать вам, что отлично помнят, как ваш брат князь Мстислав и киевские дружинники помогли освободить город Полоцк от варягов. В знак признательности вашей семье и киевским дружинникам, за помощь полочанам, князь Всеслав не будет мстить и готов обеспечить вам беспрепятственный выход из Полоцка.

— Я согласен покинуть Полоцк, — опустил голову, ответил князь Святополк.

Всеслав организовал проход для киевлян, и князь Святополк навсегда оставил Полоцк.

Полочане приветствовали князя Всеслава, радость и веселье захлестнули Полоцк. Я сам помню то ощущение счастья и спокойствия, которое установилось у меня на душе после возвращения с князем в Полоцк. Наконец-то мы вернулись домой, и это было главное, остальное сложится само собой.

Осень Золотого века

1

Святополк покинул Полоцк, но киевская угроза оставалась суровой реальностью. С празднованием возвращения князя Всеслава также возникли проблемы. Выяснилось, что перед уходом Святополк отравил все вино в княжеской резиденции. К счастью, об отравлении вина, случайно стало известно слуге Всеслава.

— Ну что за люди эти Ярославичи, править в своих владениях нормально не могут, а лезут в чужие земли. Сражаться толком не умеют, так и победу над ними отпраздновать не дадут! — с улыбкой сказал Всеслав.

После возвращения князя Всеслава город словно преобразился, полочане были в хорошем настроении. Торговля города улучшилась, многие утверждали, что с появлением Всеслава даже урожаи стали больше.

Князь Всеслав после возвращения стал восстанавливать жесткий порядок. Осмотрев полоцкое ополчение, Всеслав разозлился:

— Да вы совсем распустились, пока я отсутствовал, и как вы только в таком состоянии разгромили варягов? Из подготовленного войска вы превратились в редкостный сброд!

Полочане не обижались на укоры князя, они соскучились по жесткой власти, ведь двум предыдущим князьям, по большому счету, было плевать на жителей Полоцка. Всеслав же считал себя как правителя ответственным за состояние народа, которым правит, его достаток, боеспособность и даже моральный облик.

Разобравшись с княжескими доходами, Всеслав также пришел в раздражение и вызвал к себе представителей купечества.

— Я то думал, что один борюсь с властью Ярославичей, а оказывается — нет. Есть еще полоцкие купцы, которые свели доходы полоцкого князя на нет. Неудивительно, что князь Святополк с такой легкостью вернул мне Полоцк, видимо, ему надоело жить как нищему в этом городе! Я ценю ваш вклад в свержение власти киевлян, но впредь все будет по-старому. И более того, мне нужно восстановить полоцкое войско и дружину, чтобы дать достойный отпор киевлянам, и в этот период вы будете мне платить столько, сколько потребуется, пусть даже я заберу вашу последнюю одежду. Пока наше княжество нищало и приходило в упадок, вы богатели пользуясь безвластием. За все нужно платить, в том числе за хорошую жизнь и покровительство, — сказал Всеслав, обращаясь к купцам, никто из купцов не посмел что-либо возразить.

Всеслав лишь начал тренировать и восстанавливать войско, когда до него дошли вести от новгородского князя Глеба Святославовича. Новгородский князь предупреждал Всеслава, о том, что вскоре в Полоцкое княжество вторгнется сын киевского князя — Ярополк Изяславич. Глеб Святославович также сообщал, что не придет на помощь князю Ярополку, хотя такая договоренность существует.

Ратимир посоветовал Всеславу переждать в Полоцке, но Всеслав решил по-другому:

— Нужно собрать верные мне войска со всех уголков Полоцкого княжества! А пока ты будешь собирать войска, я отправлюсь навстречу Ярополку с отборным отрядом из полоцких воинов. Нужно продемонстрировать, что мы еще сильны!

План обороны полотчины Всеслав обсудил с Вадимом.

В тот год выпало очень много снега, укывшего полоцкие земли и Вадим обратил внимание князя Всеслава на то, что войска князя Ярополка смогут продвигаться к Полоцку только по замерзшему Днепру. По совету Вадима было организовано несколько мобильных отрядов лучников, которые со специально заготовленных площадок и проходов должны были истреблять воинов Ярополка в лесу.

Вадим продумал и то, как задержать князя Ярополка. Поперек Днепра, недалеко от крепости Орша, была построена высокая стена из снега. Сторона стены, обращенная к войску киевлян, располагалась под большим наклоном и была залита водой, образуя крутую ледяную гору, а со стороны полочан были сделаны ступеньки и проходы. Для обороны этой стены князь Всеслав отобрал лучших полоцких воинов.

Через несколько дней войска Ярополка и Всеслава встретились под Галотическом. Стояла морозная погода и, когда князь Ярополк, едущий во главе своего войска по Днепру, увидел впереди огромный ледяной вал, то был сильно удивлен:

— Что эти чудаковатые полочане еще придумали? С горки в детстве не накатались, или князь Всеслав сошел с ума, находясь в порубе?

Всеслав построил свое небольшое, но отборное войско в боевой порядок у подножия стены и гулко обратился к воинам:

— Полочане, наша земля слишком долго находилась под властью иноземных захватчиков, которые стали считать вас и вашу Родину своей собственностью. Сегодня враг снова вторгся на нашу землю, чтобы захватить город Полоцк, а вас сделать своими слугами. Но время правды пришло, полочане, вы слышите завывание северных ветров? Это наша Родина требует отмщения и справедливости. Так вспомните сегодня, что вы честные и свободные люди, вспомните о славе и доблести наших предков, о том, что вы отважные воины, о наших великих победах над балтами, торками и новгородцами. Вспомните и напомните врагам, отчего они прежде так боялись полочан в бою. Я знаю, что войско врага больше нашего, но мы на своей земле, на земле пропитанной кровью наших отцов, и мы боремся за правое дело, а значит Бог на нашей стороне. Сделайте все, что сможете, я знаю, вы меня не подведете и восстановите честь и славу Полоцка!

От слов князя войско пришло в ликование.

Князь Ярополк дал указание двум отрядам, попытаться обойти ледяную стену по берегу. Но как только воины Ярополка стали пробираться через лес, где снежные сугробы были по плечо высотой, киевлян тут же обстреляли полоцкие лучники с подготовленных снежных площадок. Завязшие в снегу киевляне стали легкой добычей, лишь немногим из них удалось сбежать.

— Ничего, подождем наступления темноты и тогда проберемся через лес! — сказал

князь Ярополк, осматривая внушительную ледяную стену.

Но наступление ночи не помогло киевлянам, полоцкие лучники, надев лыжи, расставили в снегу факелы так, чтобы контролировать перемещение киевлян.

В войске князя Ярополка также нашлось пару сотен пар лыж, и князь Ярополк поставил своим дружинникам задачу подобраться к горящим факелам полочан и потушить их.

Киевские дружинники ступили на снег, под градом полоцких стрел они стали прорываться к факелам, освещавшим лес, но в этот момент мобильные отряды полочан, ожидавшие такое развитие событий, вышли им навстречу.

Завязалась рубка. И киевляне, и полочане бились отчаянно, но полочан поддерживали лучники, находящиеся на возвышенностях, и на лыжах полочане перемещались намного увереннее киевских дружинников. С большим трудом полочанам удалось потеснить киевлян.

На утро Ярополк решил начать штурм ледяной стены, все, что, по его мнению, было нужно, так это порубить лед на внешней стороне, чтобы его войско смогло подняться наверх.

Киевское войско с яростным криком бросилось осаждать стену, в ответ в киевлян полетели стрелы, камни и копья, вдобавок полочане обливали киевлян кипятком. Киевские лучники отвечали по возможности, но потери были не в пользу Ярополка. Уже под вечер киевлянам все же удалось сделать во внешней ледяной корке проход наверх. Но, поднявшись на вершину стены, киевляне встретили отлично подготовленных отважных убийц.

Полочане привыкли сражаться на льду в сильные морозы, но для киевлян подобные сражения были редкостью, и они держались на льду очень неустойчиво, то и дело падая пешими и с лошадьми. Сильные морозы сковывали движения киевлян, а северный ветер пробирал их до костей. Глядя на неуклюжие падения киевлян в столкновении с полочанами, князь Всеслав засмеялся:

— Видно не по нраву южным гостям наша промерзшая земля, но ничего, сегодня они отогреют ее своими телами!

Князь Ярополк постарался использовать свое численное преимущество и дал указание усилить натиск, но это ничего не дало. Ярополк был в ярости, его огромное войско не могло разгромить кучку полочан.

Уже ночью войско князя Ярополка было разделено на две части, большая половина была брошена на штурм стены, оставшиеся воины были отправлены в обход снежного сооружения навстречу полоцким лучникам.

Вновь мобильные отряды полочан защищали факелы, князь Всеслав командовал обороной стены.

Битва длилась несколько часов, затем киевляне усилили натиск на измотанных полочан и потеснили их. Меткие киевские лучники стрелами сбили факелы в снег и потушили их. Теперь киевляне могли обойти стену, будучи в темноте недосыгаемыми для полоцких лучников. Какое-то время полоцкие лучники стреляли на слух, но затем доложили полоцкому князю о невозможности сдерживать врага. И перед угрозой окружения князь Всеслав дал сигнал к отступлению.

Мобильное полоцкое войско, полностью обеспеченное лошадьми, тут же покинуло поле битвы.

Ярополк был разочарован сражением, он понес слишком большие потери для разгрома такого небольшого отряда, киевское войско было остановлено и деморализовано. Еще три морозных дня во главе своего потрепанного войска по льду, сквозь яростное завывание ветров князь Ярополк продвигался к Полоцку. Ярополк ожидал вестей от князя Глеба

Святославовича, но гонцов не было, новгородский князь так и не пришел на помощь.

Вскоре дружинники Ярополка, осуществляющие разъезды, приехали с сообщением, что к позициям киевлян приближается Всеслав с большим войском.

— Всеслав обманул нас, будь проклят этот князь-оборотень и его промерзшие земли! — озлобленно закричал Ярополк, киевлянам ничего не оставалось, как вернуться домой.

2

Поражение полочан под Галотическом обернулось моральной победой для Всеслава. После этого поражения в Полоцком княжестве несколько лет царил мир и спокойствие. Вскоре Всеслав восстановил боеспособность полоцкого войска и стал возвращать престиж Полоцка в Прибалтике и на русских землях.

Полоцкий князь нашел дочь старухи, которая обращалась к нему в Новгороде. Оказалось, что девушка из Новгорода живет в счастливом браке с полочанином. Новгородцы, которых насильно удерживали в Полоцке и к кому плохо относились, имели возможность вернуться в Новгород еще в правление в Полоцке князя Мстислава. Те же, кого устраивало их положение, остались жить в Полоцке. Всеслав предложил желающим новгородцам, жившим в Полоцке, съездить с полоцкими купцами домой, в Новгород, и успокоить своих родных. В случае же дочери старухи, обратившейся к Всеславу в Новгороде, полоцкий князь настоял на такой поездке.

Всеслав отчасти видел свою вину в том, что произошло с моими родителями, поэтому взял на себя содержание и опеку надо мной. Меня поселили возле княжеской резиденции, Ратимир стал учить меня сражаться, а полоцкие монахи, по настоянию князя, начали обучать меня грамоте.

Все шло своим чередом, город Полоцк рос и приобретал все большее влияние. Полочане богатели и вновь приобретали уверенность в завтрашнем дне.

Уже через пару лет после изгнания Святополка из Полоцка, киевский князь Изяслав через своих купцов предложил Всеславу военный союз против своих братьев, Святослава и Всеволода Ярославичей. Князь Всеслав, помня об услуге, оказанной ему черниговским князем Святославом, сообщил о переговорах новгородскому князю Глебу Святославовичу. Тогда князья братья Святослав и Всеволод объединились и выгнали Изяслава из Киева, после чего киевским князем стал Святослав Ярославич.

Когда киевским князем стал союзник Всеслава, полоцкий князь и вовсе почувствовал себя уверенно. Казалось, между Полоцком и Киевом начался новый этап взаимоотношений — этап сотрудничества.

Изгнанный из Киева князь Изяслав отправился в Западную Европу и попросил помощи у императора Священной Римской империи Генриха IV. Однако император разбирался с восстанием саксонцев, а потом и вовсе вступил в дипломатические отношения с киевским князем Святославом. Тогда Изяслав обратился к Папе Римскому, и католическая церковь обязала польского короля Болеслава Храброго помочь Изяславу вернуть киевский трон.

Но на момент обращения папы римского к польскому королю, Болеслав Храбрый уже заключил военный союз с киевским князем Святославом, и о возвращении князю Изяславу

Киева не могло быть и речи. Польский король лишь выделил охрану для сопровождения князя Изяслава и отправил его в Киев под опеку князя Святослава Ярославича.

Это был дипломатический триумф Святослава, он нашел общий язык с европейскими монархами и нейтрализовал деятельность Изяслава.

В этот период князь Святослав и его брат Всеволод отправили своих сыновей с войском в помощь польскому королю для борьбы с Богемией. Молодые князья Олег Святославович и Владимир Всеволодович, прозванный из-за своей византийской матери Мономахом, проявили себя в Богемии как талантливые полководцы и взяли с богемцев откуп в тысячу гривен. Тогда эти молодые князья, которые стали друзьями, еще не догадывались, что вскоре судьба столкнет их друг с другом.

Вероятно, на Руси еще долго сохранился бы мир и порядок, Святослав проявил себя как хороший правитель и блестящий дипломат, но в этот момент, киевскому князю Святославу Ярославичу пришлось сделать операцию на горле, в результате которой князь Святослав умер. Тут все и началось. Наступил новый, кровавый передел власти на Руси.

Вскоре Всеслав узнал, что киевский престол вновь достался его недругу, князю Изяславу. По договоренности между собой, братья Ярославичи Изяслав и Всеволод начали захват власти на Руси. Сыновья Святослава были могущественны и удерживали важные территории, возможно, ситуация не была бы катастрофической, но в жизнь Руси вмешалась природа, в Новгороде наступил неурожай.

Союзник Всеслава, князь Глеб Святославович, оказался в сложном положении. Из-за неурожая новгородцы начали голодать, князь Изяслав как мог мешал закупке зерна Глебом, не давая ему исправить положение, напряжение между народом и властью все возрастало. Тогда-то в Новгороде и появился волхв, утверждавший, что может предсказывать будущее и во всех бедах народа виновата церковь. Времена были темные, и языческие культы в народе были еще очень сильны. Волхв призывал народ отречься от христианства и начать человеческие жертвоприношения, чтобы древние боги смилостивились. Как ни странно, в Новгороде у волхва нашлось немало сторонников.

Обезумевшие толпы народа явились к епископу Новгорода для расправы, дружинники советовали князю Глебу не вмешиваться, но Глеб Святославович не смог остаться в стороне.

— Принести жертвоприношения и убить епископа хочет народ, а дело власти лишь исполнять волю народа, — сказал Глебу один из дружинников.

— Если вы выбираете правителя, то ожидаете, что он будет вам помогать. Поэтому вы терпите роскошь, в которой правитель живет и его власть над вами. А для слепого выполнения ваших прихотей есть слуги, которых можно держать в нужде, правители для этого не нужны. Обеспечивать процветание народа и помогать ему — мой долг. А сейчас новгородцы запутались и нуждаются в помощи, — сказал Глеб.

Глеб Святославович призвал дружинников к верности и пришел на помощь епископу, но противостоять всем жителям Новгорода князь, конечно, не мог. Дружинников прошиб пот, недовольные новгородцы осыпали Глеба проклятиями, и кричали, что принесут в жертву и князя с дружиной, если они будут мешать. Но князь Глеб был невозмутим.

— Кто из вас кудесник и посланник старых богов? — обратился Глеб к новгородцам, скрывая под плащом топор.

— Я посланник древних богов! — сказал волхв, одетый в льняные одежды, и выступил из толпы навстречу князю.

— Если ты и в правду посланник богов, то знаешь, что с тобой будет сегодня? — сказал

князь Глеб, заглушая шум толпы.

— Сегодня я сотворю великие чудеса! — уверенно ответил волхв. Тогда князь Глеб резко достал из-под плаща топор и зарубил волхва на глазах у оторопевших новгородцев.

— Этот человек не знал даже своего будущего, а брался решать будущее ваше и нашего города, он обманул вас! — закричал Глеб, но приходящий в себя народ начал высказывать сильное недовольство. Однако и недолгого замешательства оказалось достаточно, дружинники успели подвести лошадей к епископу и князю.

— Бей князя и епископа! — послышались остервенелые крики новгородцев. Народ бросился к князю, но Глеб Святославович уже находился во главе конницы на пути к воротам и без труда пробился через нападавших.

К сожалению, бегство из Новгорода не гарантировало безопасности Глебу, и вскоре его убили войны племени чудь в Заволочье, отомстив князю за поборы, взимаемые на восстановление Новгорода. Потеряв поддержку князя Глеба и населения Новгорода, сыновья Святослава Давыд и Олег были лишены Изяславом всех своих владений. Давыд был жалким и безвольным человеком, а вот волевого полководца Олега князь Изяслав опасался и собирался его убить. Лишь заступничество Владимира Мономаха спасло Олега от гибели, но его посадили под стражу. Из всех сыновей князя Святослава только князь Роман сохранял власть в далекой Тмутаракани.

Всеслав воспринял гибель Глеба как личную трагедию. В память об этом князе, который помог ему вернуть Полоцк, Всеслав назвал своего недавно родившегося сына Глебом. Полоцких купцов вскоре снова начали притеснять в городах, подчиненных Изяславу и Всеволоду.

Но до Всеслава дошли новости о бегстве князя Олега в Тмутаракань к своему брату Роману, ожидалась новая война.

Князь Всеслав после возвращения не терял времени даром, он построил в полоцком княжестве новые крепости: Друцк, Логойск и Лукомль и улучшил укрепления старых городов. Полоцкое войско также готовилось к войне.

В ответ на новые притеснения полоцких купцов гарнизоны Всеслава, находящиеся в восстановленном Менске, приступили к захвату портовых пунктов на Днепре по пути "из варяг в греки", были захвачены крепости Копысь и Орша. Эти портовые пункты принадлежали городу Смоленску, правителем которого был князь Владимир Мономах.

К моменту описываемых событий мне уже было семнадцать лет, и я, как отмечал Ратимир, имел большие успехи в ратном деле, монахи, обучившие меня грамоте, также были мною довольны. К моим семнадцати годам князь Всеслав уже несколько раз отправлял меня с дипломатическими поручениями в Прибалтику. Всеслав готовил из меня достойного помощника для себя и своих сыновей.

Я в тайне ото всех начал встречаться с девушкой по имени Татьяна. Очаровательная симпатичная девушка, со светлыми волосами и выразительными синими глазами, чей звонкий смех и широкая улыбка притягивали к себе внимание всех окружающих полоцких парней. Татьяна была из тех девушек, которыми можно было любоваться днями напролет. В Полоцке хватало красавиц, но большинство из них были холодны и неприветливы. Зная о своей восхищающей окружающих красоте, знатные красивые девушки вели себя зачастую очень заносчиво. В манере общения Татьяны, напротив, присутствовала какая-то мягкость и подкупающая скромность. Отец Татьяны был купцом и Татьяна помогала ему продавать привезенные из зарубежья ткани.

Я долго не решался завести с Татьяной разговор, и начал приходить к ней каждый день за покупками. Ткани в то время стоили дорого, и, наверное, я вскоре превратился бы в нищего, но я понравился Татьяне, она первая завела со мной разговор и вскоре мы начали встречаться.

В то время девушек постоянно контролировали родители, поэтому наши свидания проходили обычно поздними вечерами, когда ей удавалось незаметно сбежать из дома. Страх быть пойманными и тайные встречи на берегу реки Двины в звездные ночи, когда волны реки обнимают берег, а яркая луна в мерцании звезд рисует на волнах золотую дорогу к горизонту, лишь добавляли остроты нашим чувствам.

Если отец Татьяны был в отъезде, я и Татьяна отправлялись на берег озера, где мы катались на сооруженной мною лодке, либо купались и шутили в прохладной озерной воде. Ее счастливый смех, развивающиеся на ветру волосы и сияющие огромные глаза под стать сверкающей на солнце озерной воде, окружающей нас — мои самые яркие воспоминания тех счастливых дней. Безумно красивая, ласковая и нежная, я не мог насытиться ее жаркими объятиями и поцелуями.

После прогулки на лодке, обнимаясь на покрывале из трав и цветов, нам, казалось, что мир вокруг растворялся в ароматах луга и шепоте ветра, и мы мечтали, что однажды сбежим из Полоцка и отправимся вместе в далекие загадочные страны. В те страны, истории о которых мне столько рассказывали полоцкие купцы и монахи. Эти истории я с радостью пересказывал слушающей меня с жадным интересом Татьяне. Мы были молоды и счастливы, и для нас был открыт весь мир.

Я научился превращаться в волка и иногда выбирался в лес, чтобы почувствовать свободу и пробежаться по лугам к лесным ручьям в свете задумчивой луны.

В один из пасмурных летних дней князь Всеслав взял меня с собой на соколиную охоту. Отряд из нескольких дружинников, я, Ратимир и Вадим сопровождали князя. В этой поездке Всеслав, одетый очень нарядно, словно на приеме послов, был захвачен охотой настолько, что объезжая окрестности в поисках подходящей добычи, не обращал на окружающих никакого внимания. Наконец возле небольшой заболоченной заводи князь остановился.

Среди рогозовых зарослей, создающих своей острой длинной листвой изумрудный переливающийся фон, а коричневые вытянутые цветки напоминают пушистые собольи меха, бродила длинная серая цапля.

Ее несколько неуклюжие движения при ходьбе по водной глади оттенялись утонченным внешним видом, длинной грациозной шеей и продолговатым золотистым клювом. На светлой голове цапли сверкала полоса из черных перьев, словно завязанная черная шелковая повязка, края которой слегка выступали за пределы головы. Подобно воротнику, тонкие черные линии спускались по шее цапли, а переливающиеся от белого к серому крылья заканчивались длинными черными перьями, похожими на черные щегольские перчатки.

— Удача! Выпускайте соколов, — прошептал князь, обращаясь к дружинникам.

Люди Всеслава открыли резные клетки и достали из них двух больших соколов-кречетов, на которых были надеты клобучки и наплечники, расшитые золотом и украшенные драгоценными камнями. На ноги птиц были надеты опутенки и золотые бубенцы, чтобы следить за их перемещением.

Эти мощные соколы, чья бурая окраска спины и крыльев была рассечена волнистыми, белыми линиями, напоминающими узоры кольчуги, вызвали у меня неприятные ощущения. Они были красивыми хищниками, но их функция была в убийстве цапли, столь беззаботно

бродившей по водной глади, в окружении шепота рогоза.

Когда с соколов сняли клобучки и наплечники, цапля обратила на нас внимание. Почувствовав опасность, цапля расправила огромные крылья и поднялась в воздух. Князь Всеслав надел специальную перчатку и взял себе на руку одного из соколов, второго посадили на руку Вадиму.

— Взять! — скомандовали одновременно князь Всеслав и Вадим, увидев, что серая цапля начала взлетать, и оба сокола, чуть оттолкнувшись, бросились в погоню за цаплей.

Я затаил дыхание, переживая за цаплю, кречеты быстро догнали хозяйку озер и начали ее непрерывно атаковать по очереди. Но цапля держалась очень достойно, одного из кречетов она ударила сильными ногами, несколько сбив его с толку. Второй сокол изрядно потрепал цапле крыло, но промахнулся при очередной атаке и тут же получил сильный удар клювом цапли. Воспользовавшись замешательством двух пострадавших соколов, птица начала набирать высоту, уходя от погони. Но от соколов ей было не скрыться, они быстро пришли в себя и, словно подзуживая друг друга, молниеносно напали на цаплю. Над лесом, словно боевой клич, послышался голос соколов: "Ксеек-ксеек-ксеек". Их мощные когтистые лапы впились в крылья и тело цапли, пробив ее роскошные одеяния из сверкающих перьев. Раздался пронзительный крик цапли, после чего она сложила одно из крыльев и вместе с соколами рухнула на землю.

Увидев падение цапли, мы помчались к ней, ориентируясь в луговой траве по звону золотых бубенцов соколов.

Люди Всеслава осмотрели соколов, снова надели на них клобучки и нагрудники, а после аккуратно посадили соколов в клетки.

Я подошел к цапле, которая еще недавно выглядела столь прекрасной и утонченной. Она была еще жива и издавала хриплые тихие звуки, силы ее покидали. На крыле цапли сидела красивая оранжевая бабочка, и в момент, когда цапля стихла, бабочка поднялась с ее крыла и полетела, купаясь в солнечных лучах и ароматах цветущего луга. Отец когда-то говорил, что бабочки — это души умерших. И я надеялся, что душа цапли превратилась в эту прекрасную яркую бабочку и продолжила свой чарующий полет над цветущим лугом, прерванный соколами.

— Все мы раньше или позже умрем. Жизнь коротка, страдания временны, но слава достойного вечна. И ощутить перед смертью полет — не самая плохая перспектива. Не вини соколов, Светозар, они всего лишь исполнители, это мы устраиваем здесь охоту, играя на их инстинктах и пользуясь нашей властью, — сказал Ратимир, видя, что смерть цапли испортила мне настроение.

— Ее оперением можно что-нибудь украсить. А сейчас нужно испытать молодого беркута, может, поймем сегодня пару лисиц. Собирается дождь, а охота как-то не ладится, — задумчиво сказал Всеслав.

Мы выехали на луг, просматривая и открытое пространство и границу с лесом. Внезапно на ветке сосны мы увидели большого черного ворона.

— Светлейший князь, давайте испытаем беркута на вороне! — сказал один из дружинников Всеслава.

— Нет, это плохая добыча, к тому же ворон — это птица Святого Тимофея, не будем осквернять его память, — мрачно ответил князь Всеслав.

— Ваша светлость, я вижу зайца! — с азартом закричал Вадим, мы обернулись в направлении, указанном Вадимом и действительно увидели большого, крепкого серого

зайца, бегущего по траве.

— Это то, что нужно, быстрее доставайте беркута! — оживленно сказал князь Всеслав.

Слуги достали из клетки беркута, и я воскликнул от удивления. Темно-коричневая птица с белыми прожилками на крыльях и серыми переливами на ногах была в два раза больше пускаемых до этого кречетов. А ведь и кречеты птицы большие.

— Он еще не набрал максимального веса, хотя, конечно, уже крепок. А так эта птица может убить и молодую косулю, — с усмешкой сказал Ратимир.

Беркута пустили вслед за зайцем. Поднявшись в воздух в предвкушении добычи беркут стал издавать звуки, напоминающие лай собаки: "Як-як-як". Испуганный заяц пытался петлять по лугу, но крылатый монстр легко его настиг.

— Давай же, хоть зайчатины сегодня добуду! — нетерпеливо и с волнением пробормотал князь Всеслав.

Заяц был тоже большой и, перемещаясь скачками по цветущему, залитому солнцем лугу, разгоняя встречную мошкарку и стрекозу, был в своей стихии. В тот момент, когда беркут разогнавшись спикировал на зайца, пытаясь ухватить зайца лапами за голову и спину, крупный заяц неожиданно перевернулся на спину и со всей силы ударил беркута задними ногами. Беркут отскочил, рухнул на землю и начал дергаться в судорогах. А заяц спокойно перевернулся на ноги и бросился бежать дальше.

— Мой беркут! — с ужасом воскликнул Всеслав и помчался к птице. Но беркут уже затих, удар сильных ног зайца оказался смертельным.

Тут Вадим залился смехом:

— Полоцкий заяц убил беркута. Может, нам теперь пушистых зайцев брать для охоты на коршунов и беркутов!

— Беркут просто был неопытный, ваша светлость, вот и не смог уклониться от удара! Когда птица опытная, заяц в худшем случае ее оглушит, — добавил Ратимир.

— Заткнитесь, немедленно спустите собак за зайцем, этот зверь слишком дорого мне обошелся и не должен уйти! — обозлено закричал Всеслав.

Собак спустили, но заяц поменял направление бега, неожиданно бросился в Двину и ушел от преследования.

— В Полоцке даже зайцы просто так не сдаются! — с усмешкой сказал Вадим князю Всеславу, который все еще держал мертвого беркута в руках.

— Видишь, Светозар, и заяц может победить беркута, если использует свои преимущества, — рассудительно сказал Ратимир.

Князь Всеслав отдал кречетов слугам и они повезли птиц в Полоцк, а мы отправились дальше.

— Если нельзя доверять птицам, придется все сделать самим. Эх, остаться бы в этих лесах на пару недель, как в былые времена, — мечтательно сказал Всеслав, обращаясь к Ратимиру и Вадиму.

Вдруг на опушке леса мы увидели какого-то внушительного зверя. Это был тур — дикий бык, высотой почти в рост князя и длиной более трех метров. мех этого гиганта имел черный окрас, а вдоль спины шла широкая белая полоса.

Мы выстроились в линию на лошадях и начали осторожно подъезжать ктуру.

Увидев наше приближение, тур вначале встревожился и попятился назад. Но затем гневно раздул ноздри и бросился на нас, набирая разгон.

Князь Всеслав подал нам знак остановиться. И придержав коней, все в свите князя,

включая меня, взяли за копыта либо потянулись к колчанам за стрелами. Зрелище несущегося на нас свирепого тура ужасало, мне казалось, что этого могучего зверя ничто не может остановить. Что такой громадине наши копыта и стрелы? Для него это только занозы, он разметаёт нас, как ветер солому.

Словно придя из далеких времен, когда водились гигантские звери и человек жил в постоянном страхе перед природой, тур рвался утихомирить зазнавшихся незваных гостей. Но полоцкий князь и его свита проявляли удивительное спокойствие, будто к ним приближался не тур, а дворовый кот. Глаза Вадима и Ратимира засветились в предвкушении схватки, а на лице князя Всеслава появилась ухмылка.

На полном ходу тур попытался ударить в свиту князя, но, умело маневрируя, полочане быстро расступились перед туром и осыпали зверя стрелами и сулицами. Часть стрел осталась в шкуре зверя, на его теле зазияли раны, но это лишь раззадорило тура. Резко развернувшись, он врезался своими мощными рогами в лошадь Вадима, свалил ее набок и начал ее топтать и бить рогами. Даже со стороны вид тура устрашал: из ноздрей черного лесного гиганта шел пар, тур яростно хрипел, разрывая рогами плоть лошади и пытаясь затоптать ее и всадника своими огромными копытами.

Но, к моему удивлению, Вадим не растерялся, он прямо из седла сумел подкатиться под тура и распороть ему брюхо кинжалом. Тур издал болезненный рев и, обезумев от ярости, развернулся, чтобы напасть на верткого обидчика. Вадим откатился в сторону, но свирепое гигантское чудовище рвалось к Вадиму, желая его убить. И в этот момент сверкнули шлемы, спасая Вадима, князь и Ратимир одновременно на полном скаку ударили в тура копытами. Молниеносная невыносимая боль заставила тура отвлечься от Вадима, зверь быстро осознал, что в этой схватке ему не выиграть и бросился бежать.

— Не упустите тура! Я сделаю из его рога кубок, окую его серебром и буду пить из него вино! — кричал князь Всеслав.

По неведомым забытым тропам мимо древних капищ и идолов мы преследовали тура весь день. Истекая кровью и издавая жуткий рев от периодически попадающих в него стрел тур бежал, не собираясь сдаваться. Начался сильный дождь и, промокнув до нитки, мы еще сильнее почувствовали себя частью природы. Преследуя гиганта из далеких времен в непогоду, нам казалось, что настоящее и прошлое смешались, вопреки непогоде мы горели азартом, разбуженным в нас древним инстинктом охоты. Непогода все усиливалась, сильный ливень дополнил ураганный ветер с громом и молнией. Ратимир предложил князю закончить охоту из соображений безопасности, но Всеслав и слышать об этом не хотел. И вот к окончанию дня ослабевший тур рухнул. Его грозное тело омывалось дождем, сильнейший ветер поднимал его шерсть, лесной гигант смотрел на нас с ненавистью. Молния ударила в дерево возле нас, накрыв искрами округу и подняв над деревом ленту пламени. Дружинники с трудом удержали взбесившихся коней. Сама природа сопротивлялась нашей охоте, но Всеслава не волновали ни лесной пожар, ни ливень, ни ураган. Князь спокойно и невозмутимо спустился с коня и подошел ктуру.

— Всем стоять, теперь это мое дело! Прости брат, но в этих землях хозяин я, а не ты! — сказал Всеслав и, успокаивающе похлопав тура по шее, перерезал ему горло, прекратив мучения зверя.

Когда мы вернулись с охоты в Полоцк, князю Всеславу передали, что прибыли гонцы с вестью о приближении большого войска во главе с князьями Всеволодом Ярославичем и его сыном Владимиром Мономахом. Князь Всеслав тут же отправил своих людей в окрестности Полоцка предупредить жителей об опасности и собрать как можно больше припасов. Через два дня огромное иноземное войско появилось под стенами Полоцка. Полочане бросились к стенам и с любопытством стали рассматривать врагов. Я и сам поднялся на городские стены и вдалеке увидел двух людей в княжеских доспехах, которые что-то активно обсуждали.

Осмотрев укрепления Полоцка со всех сторон, князья видимо пришли к выводу, что Полоцк непреступен и решали, что им делать дальше. В итоге смоленский и черниговский князья разбили лагерь у стен Полоцка, после чего сожгли окрестности города.

Но это мало волновало Всеслава, главным было, чтобы враги не взяли Полоцк, а этого Владимир Мономах сделать не мог, пока город имел отличные укрепления и большое боеспособное войско.

— Окрестности мы отстроим, это не беда, и Мономах рано или поздно уйдет, зато захваченные нами портовые пункты уже сейчас приносят Полоцку большую прибыль! — сказал Всеслав, глядя на вражеский лагерь у полоцких ворот.

С наступлением ночи я услышал громкие крики у стен Полоцка: смоленское войско строилось в боевой порядок. Ночь была очень темной, но было отчетливо слышно, как смоленские воины что-то перетаскивают к основанию полоцкой надвратной башни. Отряды смоленского и черниговского князей, координировали свои действия в ночи закодированными сообщениями, с помощью сигналов горящих факелов. Масштабы войска Мономаха и слаженность действий его полков произвели на полочан сильное впечатление.

Всеслав поднялся с дружинниками на стены и стал напряженно всматриваться в темноту. Вдруг воин из смоленского лагеря начал разжигать пламя у основания городской башни.

— Убейте поджигателя! — взволнованно закричал Всеслав. Один из полоцких дружинников прицелился в смоленского воина и выстрелил ему в лицо. Воин Владимира Мономаха грузно упал, растянувшись на животе, но небольшое пламя осветило основание башни.

— У башни хворост и солома, срочно несите воду! — закричал полоцкий князь, но в этот момент смоляне и черниговцы поднесли к башне факелы и навес из балок обтянутый шкурами.

Полочане вылили на них воду, но башня располагалась на возвышенности, и вода лишь стекла по шкурам навеса.

Основание башни разгоралось, вдобавок группа из смоленских и черниговских воинов подкатила огромный таран к полоцким воротам и начала их штурм. В ответ с полоцких стен на захватчиков полетели большие камни и стрелы полоцких лучников. Это было очень эффективно, камни сломали навес из балок и огонь удалось потушить. Но воинов, штурмовавших ворота, камни не остановили. Вновь и вновь град из камней и стрел обрушивался на головы штурмующих полоцкие ворота, но Владимир Мономах присылал на место павших новое подкрепление и штурм возобновлялся. Только под утро натиск смолян и черниговцев начал ослабевать, когда у ворот уже скопилась огромная гора тел раненых и мертвых воинов. Тут полочане вкатили на стены чан с кипящей водой и вылили его на

штурмующих ворота смолян и черниговцев. Из-под ворот послышалась ругань и жуткие крики обваренных людей.

— Поели наших камней, теперь запейте водой, чтоб не в сухомятку есть, гости дорогие! — закричал Всеслав с полоцких стен воинам Мономаха.

Видя жуткое зрелище обваренных смоленских и черниговских воинов, Владимир Мономах дал сигнал к отступлению. Лишь, под утро, когда на полоцких стенах стояли только дозорные, смоляне и черниговцы снова бросились к воротам. На этот раз вместе с тараном к воротам приблизились смоленские воины с топорами. Но днем полочане отлично видели осаждавших и стали метать камни и стрелять из луков уже прицельно. Снова послышались крики и звон кольчуг падающих тел. Через пару часов безуспешного штурма смоляне и черниговцы отступили.

Как мы узнали в последствие, еще в пути на Полоцк до князя Всеволода дошли вести о дерзком нападении половцев на Чернигов, долго князья оставаться на полотчине не могли. После неудачной осады по решению Владимира Мономаха его войска свернули свой лагерь и начали уходить из окрестностей Полоцка.

— Заходите еще, камней вас накормить всегда хватит! — кричал с усмешкой князь Всеслав вслед уходящим захватчикам.

4

После осады Полоцка Владимиром Мономахом и князем Всеволодом Всеслав решил, что нужно связаться с князьями Олегом и Романом Святославовичами в далекой Тмутаракани, предложить им союз и узнать их планы.

В Тмутаракань Всеслав решил отправить меня и Ратимира. Я собрал свои вещи, попрощался с Татьяной. Перед отправлением, я долго целовался с Татьяной на берегу бурной Двины, объятия и нежные поцелуи Татьяны были напутствием в дорогу, теперь я знал, за что буду сражаться в этой войне. В дорогу Татьяна дала мне свой медный крестик и сказала, что будет молиться за меня.

Наша с Ратимиром дорога была очень долгой, зато я увидел много новых земель и городов. Ночами я подолгу беседовал у костра с Ратимиром, он мне рассказал множество захватывающих историй из своей жизни, о своих приключениях и забытых битвах в дремучих прибалтийских лесах и далекой степи. Оказалось, что Ратимира, как друга князя Всеслава, взял обучаться военному делу еще полоцкий князь Брячислав, желавший, чтобы в дружине его сына были верные Всеславу люди.

— Князь Брячислав был великий человек, его речи, взгляд, походка — от всего веяло благородством и достоинством! — как-то с восхищением сказал Ратимир.

В один из дней похода, сидя у костра, искры которого, казалось, поднимались в небо и превращались в звезды, Ратимир рассказал мне, как когда-то при князе Брячиславе в Полоцке появились волхвы и подобно недавним событиям в Новгороде стали призывать полочан вернуться к языческой вере.

— На северо-востоке города Полоцка есть большое озеро, полочане называют его Воловье, не так давно там находилось капище бога Велеса. У полочан есть легенда, что

когда-то бог Велес в обличье огромного медведя украл стадо волов у бога Перуна, узнав о пропаже, Перун бросился догонять Велеса и настиг его как раз у озера. Чтобы спасти свою жизнь, Велес превратился в змея и спрятался в озере. С тех пор озеро называется Воловье, из-за волов Перуна, которые остановились попить воды, чем задержали бога Велеса. С того времени Перун ждет, когда Велес выберется из воды, чтобы убить его молнией, и по легенде, Велес выходит из озера, но держится неподалеку от берега, чтобы всегда успеть спрятаться. Некоторые полочане утверждают, что видели в озере огромного жуткого змея. И по той же легенде, когда-нибудь Перун поймает и убьет Велеса. Бог Велес умел превращаться в медведя, а ты и наш князь умеете превращаться в волков, возможно, эта легенда про обычного оборотня, — с усмешкой сказал Ратимир.

— Интересная легенда. Но ты говоришь, что в районе озера в Полоцке было капище, а что с ним стало сейчас? — спросил я.

— Когда волхвы стали проповедовать в Полоцке, это привело князя Брячислава в ярость, ведь полочане давно уже были христианским верующим народом, а волхвы жили в изоляции на окраине города. Но когда дружинник сообщил князю, что после прихода волхвов в город пропал его маленький сын и он подозревает жрецов — это стало последней каплей. Князь Брячислав срочно собрал свою дружину и поехал к озеру. Худшие опасения князя и дружинников оправдались, недалеко от капища Велеса, они увидели связанного маленького мальчика, а над ним огромного медведя. Это был священный для волхвов медведь, который олицетворял бога Велеса. Медведь уже схватил ребенка зубами за одежду. Но Брячислав спас ребенка: на полном скаку князь вонзил в медведя копье, а затем спустился с коня и зарубил медведя мечом.

В тот день князь Брячислав перебил всех волхвов, которых смог найти, и разрушил капище Велеса. Тем мальчиком, выкраденным волхвами, был я, тогда мне было всего пять лет. Когда меня освободили, я схватил топор и, оскалившись, с криком бросил топор в волхва. Увидев, как я озлобленно бросаю топор, наш князь Брячислав засмеялся и сказал, что из меня выйдет отличный дружинник! — задумчиво сказал Ратимир.

— Как, тебя в детстве хотели принести в жертву? — с удивлением воскликнул я.

— Тогда полоцкий князь-христианин победил языческого бога и навсегда уничтожил его культ в Полоцке. Хотя князь Брячислав не был богом грома и молнии, в представлении язычников князь всегда был связан с Перуном, кроме того сбруя коня Брячислава была украшена молниями. И я считаю, что в какой-то степени предсказание об убийстве бога Велеса сбылось. Волхвов в окрестностях Полоцка больше никто не встречал. Последнего волхва, которого я видел в своей жизни, звали Мантий и его приказал убить князь Всеслав, когда жрец по глупости пришел в Полоцк. Но этот жрец был уже из далеких от Полоцка земель. Кстати, после убийства волхвов и ведьма, которая хотела тебя убить, перебралась подальше в лесную чащу, а до того она жила практически в городе, возле озера.

— После того случая? Сколько же тогда ей лет? — спросил я озадаченно.

— Светозар, я не знаю, сколько ей лет, и вообще, человек ли она. Но я бы не советовал тебе с ней связываться. После убийства волхвов князь Брячислав собирался убить и ее, но ведьма вымолила у него себе жизнь. До случаев с твоим отцом и тобой на моей памяти ведьма ни на кого не нападала.

Она очень сильна, и, говорят, были времена, когда ведьма была молодая и очень красивая. Полочане приносили ей жертвы, как какому-нибудь божеству, а она помогала им бороться с болезнями и неурожаем. Но после введения христианства в Полоцке, про ведьму

стали забывать. Больше не было прежнего внимания и уважения, более того, под влиянием церкви многие осуждали и оскорбляли ее. Без внимания и почитания ведьма теряла силы и постепенно стала уродливой старой затворницей, — сказал Ратимир, и при последних его словах что-то зашевелилось в соседних кустах, Ратимир и я замолчали и потянулись к оружию. Внезапно шум в кустах усилился, и мы услышали фыркание и стук удаляющихся копыт.

— Успокойся, это всего лишь тарпан вышел к нам на свет костра, — сказал с улыбкой Ратимир. Наш путь продолжался еще несколько дней, когда в районе города Чернигова нас остановили десять вооруженных всадников. Возле торговых путей всегда скапливался разный преступный сброд в надежде поживиться разбоем.

— Кто вы такие и зачем в этих краях? — спросил предводитель группы остановивших нас воинов.

— А вы кто такие, чтобы спрашивать? — спокойно ответил Ратимир.

— Ты посмотри, какой умник, мы задаем тебе вопросы по праву сильного. И лучше тебе ответить, а заодно отдать нам деньги и все ценное, что вы везете, и тогда мы, возможно, простим твою наглость и отпустим тебя живым! — сказал с усмешкой предводитель разбойников.

После слов всадника, Ратимир затрясся от гнева, он молниеносно вынул из ножен меч и нанес говорившему удар в шею. Самоуверенный предводитель, упал с коня замертво с перерубленным наполовину горлом. Затем пришла очередь зазевавшегося всадника, стоящего рядом с предводителем, ему Ратимир нанес смертельный удар в висок.

Я также не растерялся, достал меч и отрубил голову наклонившемуся возле меня воину. А после зарубил его товарища, отважно бросившегося на меня.

Шестеро оставшихся воинов, испуганно переглянулись между собой, развернули лошадей и умчались во весь опор. Я и Ратимир громко засмеялись при виде этого зрелища.

— Куда же вы? А как же ваше право сильного? — кричал грабителям вдогонку задыхающийся от смеха Ратимир.

И вновь в дороге дни и ночи, сменяющие друг друга звездное небо и ослепительное солнце, неизведанные земли и новые для меня пейзажи. Но в далеких краях я грезил лишь о Татьяне и возвращении домой.

Через пару недель пути, после столкновения мы, наконец, добрались до Тмутаракани.

Этот большой город находился на полуострове и связывал между собой Черное и Азовское моря. Климат здесь был очень теплый, и в этом солнечном краю местные жители повсюду выращивали виноград. Ратимир рассказал мне, что город Тмутаракань построили еще древние греки, и он имеет очень долгую и запутанную историю. В состав Руси этот город включил воинственный князь Святослав Игоревич, отнявший город у Хазарского каганата. Население города было совсем не похоже на полоцкое. Грозного вида кочевники, названные Ратимиром ясами и касогами, сочетались в этом городе с носившими золотой обруч на длинных волосах хазарами и богато одетыми, утонченными византийцами. Море я также увидел впервые, а в этом городе я мог любоваться двумя морями, и местная портовая гавань по размерам намного превосходила полоцкие.

Узнав о нашем приезде, правитель города князь Роман Святославович радушно нас встретил. Меня и Ратимира поселили в большом каменном двухэтажном доме, а после Роман Святославович пригласил нас к себе на застолье, где подавались отменные вина и разные экзотические блюда, а в конце трапезы нам принесли незнакомые для меня фрукты и

разнообразные сладости. Во время застолья под игру музыкантов красивые ярко одетые девушки развлекали нас танцем. Как интересно должно было жить в этом городе, вечно залитым солнцем и лежавшим в объятиях двух морей, но, к сожалению, мы прибыли туда по делам.

Князь Роман Святославович объяснил, что у него нашел прибежище его брат, князь Олег Святославович, и бывший смоленский князь по имени Борис Вячеславович.

О князе Борисе Вячеславовиче я уже слышал раньше. Этот князь был сыном смоленского князя Вячеслава и красивой немецкой графини Оды Штаденской. Отец Бориса Вячеславовича умер, когда Борис был еще совсем ребенком. Братья Вячеслава отняли у малолетнего Бориса Смоленск, сделав его князем-изгоем, и Ода Штаденская, спрятав большую часть сокровищ своего мужа, была вынуждена уехать с сыном в Саксонию. Но жизнь знатного подданного при саксонском дворе не устраивала князя Бориса, и он вернулся на Русь с верным ему войском. Отыскав сокровища отца, он смог дополнительно нанять большую армию и на какое-то время вернул себе власть в Смоленске, однако вскоре был изгнан оттуда Ярославичами. После потери Смоленска князь Борис только и думал, как бы отомстить Ярославичам.

Роман Святославович во время застолья рассказал нам, что пока князь Всеволод Ярославич с Владимиром Мономахом участвовали в походе на Полоцк, князь Борис Вячеславович захватил власть в Чернигове и удерживал город восемь дней, после чего был вынужден уехать в Тмутаракань.

— Мой брат Олег Святославович и князь Борис Вячеславович собираются в поход на Чернигов, чтобы освободить город от князя Всеволода. Жители Чернигова на их стороне. Я пока буду собирать войска своего княжества, но вы если хотите, можете сопровождать князей Олега и Бориса в этом походе, а потом расскажите полоцкому князю Всеславу все, что увидели, — сказал князь Роман Святославович, обращаясь к нам.

Я переглянулся с Ратимиром, а затем посмотрел на предводителей намечавшегося похода.

У князя Олега Святославовича, как и у его брата князя Романа, были очень светлые волосы, но в отличие от Романа, Олег имел более широкий формат лица. Если Роман Святославович на застолье держался с достоинством, но был весел и приветлив, то Олег сидел очень угрюмый и задумчивый, уставившись в кубок с вином.

Второй предводитель похода, князь Борис Вячеславович, в отличие от Романа и Олега, был очень широк в плечах и имел коричневые волосы. На застолье по раскованности поведения выделялись два человека: первым был князь Роман, а вторым был князь Борис Вячеславович, причем Борис вел себя активнее правителя Тмутаракани.

Борис Вячеславович был харизматичной личностью, открытым и общительным человеком, в любой компании Борис чувствовал себя как дома. Кроме того князь Борис Вячеславович был очень умен и опытен, вследствие чего мог поддержать разговор на любую тему. И в тоже время его поведение, умение держаться и выступать, выдавали в нем прирожденного лидера. К заметному неудовольствию князя Романа все девушки, присутствовавшие на застолье, не сводили глаз с князя Бориса, почти не замечая своего правителя.

Все на застолье внимательно слушали захватывающий рассказ князя Бориса о его приключениях в Саксонии, и после очередной удачной шутки Бориса зал наполнялся громким смехом.

— А этот князь Борис пользуется популярностью здесь, такой князь может увлечь людей за собой, — прошептал я, обращаясь к Ратимиру.

— И еще бы, неизвестно кто не покинет далекую комфортную Саксонию и яркую придворную жизнь для борьбы за власть во враждебной и бескрайней Руси. Это мог сделать только человек волевой, человек принципа, который был уверен, что люди за ним пойдут, — ответил мне Ратимир.

На застолье у князя Романа, я почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд, и, осмотревшись, увидел нечто необычное по полоцким меркам. За одним столом с князьями сидела молодая девушка, вооруженная и одетая в кольчугу и с интересом рассматривала меня с Ратимиром.

— Вижу ваше удивление! Эту девушку зовут Милена, она не только украшает наше застолье, но является также отличным воином. В прежние языческие времена девушки воины не были редкостью. Предки Милены пришли в этот город с войсками князя Святослава во время его похода на Хазарский каганат, и ее род славится именно женщинами-воинами, — сказал князь Роман, заметив мою с Ратимиром озадаченность.

Милена была красивой стройной девушкой, ее волосы были коричневого цвета и слегка вились, глаза девушки имели зеленый завораживающий отблеск, а кожа была не свойственного полоцким девушкам бронзового оттенка, придававшего Милене несколько восточный вид.

Доспехи Милены были сделаны по ее фигуре, и как мне показалось легче и утонченней мужских. Девушка все время смеялась на застолье, но впоследствии я осознал насколько обманчивой была ее хрупкая внешность. Милена была отлично подготовленным закаленным воином.

Уже на следующий день я и Ратимир были в походе на Чернигов. За время похода я мог познакомиться с князьями Олегом Святославовичем и Борисом Вячеславовичем получше. Ночью, сидя у костра, князья расспрашивали меня про Полоцк и князя Всеслава.

Однажды князь Олег Святославович спросил меня:

— Правда ли, что полоцкий Софийский собор построен на берегу реки Двины на возвышенности так, чтобы вид на него со стороны реки напоминал вид на византийский Софийский собор со стороны морской бухты Золотой Рог?

Я ответил князю Олегу, что мне об этом ничего не известно, но это вполне возможно. Князь Борис Вячеславович спрашивал меня о способности князя Всеслава превращаться в волка, на что я ответил, что это все только слухи.

Сами князья в этом походе описывали мне далекие загадочные страны, Олег Святославович описывал свои странствия по Польше и Богемии, а Борис Вячеславович рассказывал про немецкие земли и свои любовные похождения в Саксонии.

В том же походе я сошелся с Миленой, в один из дней похода она заглянула ко мне в шатер и пригласила прокатиться на лошадях по округе. Я согласился, и мы отправились к морскому побережью.

Милена оказалась очень любопытной девушкой, по дороге мы долго разговаривали. Она спрашивала меня про Полоцк и князя Всеслава, о моем отношении к христианству и половцам, казалось, эту девушку интересовало исключительно все и в деталях. Милена была очень общительной и откровенной, видимо, я ей понравился и девушка открылась мне, рассказав о своем прошлом. Оказалось, что Милену с детства учили сражаться мать, которая также была воином, и отец-дружижник, и ей очень не легко служить бок о бок с мужчинами,

которые постоянно проявляют к ней интерес. Она рассказала мне множество забавных историй, как к ней приставали византийцы и хазары, и даже сам князь Роман, и как этой милой девушке приходилось выпутываться, чтобы сохранить уважение к себе и никого не обидеть.

Слушая мои истории Милена много смеялась, ее звонкий смех окрылял меня, и рядом с ней я позабыл, что нахожусь в военном походе. Ночью мы развели костер на побережье и сидя на камнях любовались сиянием морских волн в лунном свете и высоким загадочным ночным небом. Звездное небо в Хазарии было совсем другое, не похожее на полоцкое, и звезды мерцавшие здесь были совсем другими. По небу начала перемещаться какая-то фигура из звезд, похожая на треугольник. Мы с Миленой не сводили с нее глаз, наблюдая за небом с восхищением. Под музыку волн и шепот морского ветра, я набрался смелости и обнял Милену, а она положила голову мне на плечо. Я нежно поправил ее челку и наши взгляды встретились, в ее глазах сияли тысячи созвездий. Затем мы поцеловались и я ощутил в своих объятиях ее очень гибкое горячее тело. Нежные поцелуи и объятия напомнили мне о Татьяне и я отстранился от Милены. Но девушка-воин не обиделась, она продемонстрировала невероятное понимание, мы разговаривали о Полоцке и Татьяне весь остаток ночи. Милена постоянно шутила и заигрывала со мной, в лунном свете от ее загорелого тела словно исходило какое-то свечение. Милена очень понравилась мне и под утро, прежде чем мы отправились в лагерь, я вновь растворился в ее ласках и поцелуях.

С того момента в походе, мы с Миленой старались проводить все время вместе. Князь Борис Вячеславович обучил меня и Милену танцу популярному при саксонском дворе. Так же при князе Борисе были немецкие рыцари и музыканты, развлекавшие участников похода любовной лирикой.

Я и Милена танцевали изысканный саксонский танец в степи под высоким степным звездным небом в окружении морских волн и гор, пили вино, бесконечно разговаривали и целовались.

— Ты счастливчик, Светозар, наслаждайся этим временем, ведь оно никогда не вернется! — сказал с улыбкой князь Борис Вячеславович, глядя на меня с Миленой.

Степняки половцы, иудеи хазары и поэты рыцари, византийские яства и немецкая музыка, степи, моря и горы, все смешалось и перевернулось, в этом далеком загадочном краю. Частью далекого прошлого была и Милена, прошлого, которому вскоре предстояло исчезнуть навсегда.

Когда войско князей уже приближалось к Чернигову, на реке Сожици их встретил князь Всеволод Ярославич.

Войска построились в боевой порядок и началась битва. Силы противников были примерно равны. Войско молодых князей состояло из нанятых половцев, касогов, немцев и собственных дружин. В завязавшейся схватке половцы накрыли воинов князя Всеволода тучей стрел, нарушив их боевой строй. В этот момент князь Борис Вячеславович лично повел в бой свое войско из немецких наемников и ударил во фланг расстроенному войску князя Всеволода. Воины Всеволода не смогли сдержать немецкий натиск и Борис Вячеславович прорвался к князю Всеволоду.

— За всю свою долгую боевую историю такого я еще не видел! — удивленно сказал Ратимир.

Князь Всеволод оказался лицом к лицу с немецкими наемниками и бросился бежать. Дружинники Всеволода задержали Бориса Вячеславовича и немцев, но, видя бегство своего

князя, пришли в замешательство. Началась неразбериха, окончательно разрушившая строй войск Ярославича. Убегающих преследовали безжалостные касоги, тех же, кто продолжал сопротивление, начали вырезать немцы и дружинники князя Олега Святославовича, а половцы продолжали беспрерывно стрелять из луков в растерявшегося врага. В итоге войско князя Всеволода было полностью разгромлено.

Князья Олег и Борис направились к Чернигову, ликующие горожане с цветами открыли молодым князьям ворота, это был настоящий триумф, основная роль в котором принадлежала отважному князю Борису Вячеславовичу. Несколько дней в Чернигове длились гуляния, князь Олег постоянно произносил тосты за своего боевого товарища, князя Бориса.

Борис, как всегда, блистал речами и веселился, притягивая к себе внимание, но к похвалам князь Борис относился прохладно.

— Всеволод этого так не оставит, он вернется с новым войском! Нужно ехать в Тмутаракань за подкреплением, — на очередной пирушке сказал Борис Олегу.

— Я знаю, этим все не закончится, они так просто не отдадут мне мой город. Но все равно с каким же удовольствием я наблюдал бегство испуганного Всеволода. Ты знаешь, Борис, ведь я почти год служил Всеволоду при его дворе и умолял вернуть мне земли отца. Но Всеволод всегда был очень высокомерен, он не мог простить моему отцу, князю Святославу, что тот отстранил его от правления на Руси, считая своего младшего брата недалеким человеком. Правда, князь Изяслав отнесся ко мне еще хуже, собираясь меня убить. Но ты, Борис, поставил всех их на место, без тебя я, наверное, проиграл бы и умер в ничтожестве, в Тмутаракани или в плену. Ты же дал мне возможность вновь почувствовать себя победителем, — несколько сбивчиво сказал пьяный князь Олег. В тот день князья решили поехать к князю Роману.

Оставив в Чернигове свой гарнизон, молодые князья отправились в Тмутаракань. Предполагалось, что князья Олег и Борис успеют вернуться до того, как князь Всеволод успеет что-либо предпринять, поэтому я и Ратимир решили остаться в Чернигове. Милена отправилась вместе с князьями.

Чернигов был большим и богатым городом, центром политической и религиозной жизни города был хорошо укрепленный детинец, на котором располагался блистательный Спасский собор и каменный княжеский терем. Спасский собор, в котором отразились византийские традиции и влияние далекой загадочной Индии, был словно напоминанием о недостижимом величии прошлого Чернигова. Построен этот собор был задолго до всех Софийских соборов на Руси, во времена правления в Чернигове тмутараканьского князя Мстислава Владимировича, когда Чернигов около двенадцати лет был столицей Руси. И сейчас огромный город Чернигов, с его суровыми жителями, претендовал на звание одного из могущественнейших русских городов.

Осматривая Чернигов, я наткнулся на высокий курган, к которому местные жители относились с большим почтением. От черниговцев я узнал, что в кургане похоронен некий князь Черный, который еще с киевским князем Святославом Игоревичем участвовал в походах на Хазарский каганат, Болгарию и Византию.

Город Чернигов стоял на нескольких реках, одна из которых, Десна, по преданию, не замерзала и не вскрывалась, пока не получит утопленника.

Из того, что меня удивило в Чернигове, следует отметить вооружение местных воинов, размеры некоторых мечей и кольчуг черниговских дружинников были просто огромны в

сравнении с полоцкими.

Я и Ратимир прожили в Чернигове несколько недель, когда прибыли гонцы с вестью о приближении к Чернигову огромного войска во главе с князьями — Изяславом, Всеволодом и Владимиром Мономахом. Это была настоящая армада, состоящая из войск почти всей Руси, куда теперь входили и профессиональные, отлично подготовленные полки Владимира Мономаха.

У города Чернигова практически не было шансов выстоять, но черниговцы решили сражаться. Со стен черниговского детинца я наблюдал союзное вражеское войско, расположившееся вокруг города. Я снова встречал Владимира Мономаха и Всеволода Ярославича на стенах осажденного города, только теперь на другой окраине Руси.

К стенам Чернигова приблизился посол от союзного войска:

— Жители славного Чернигова, откройте ворота и примите своим правителем князя Всеволода Ярославича, и тогда князья пощадят вас и ваш город! — обратился посол к черниговцам.

— Передай Всеволоду Ярославичу, что наш правитель и законный князь — Олег Святославович, и других правителей в Чернигове мы видеть не желаем! — ответил с городских стен черниговский купец.

— Что ж, тогда ваш город будет уничтожен! — невозмутимо сказал посол и отправился к князьям союзникам.

В тот день все черниговцы собрались помолиться возле Спасского собора. Гарнизон князя Олега Святославовича готовился погибнуть в схватке с врагом. Я и Ратимир также настраивались на сражение и вероятную гибель.

Воины князей Всеволода, Изяслава и Владимира Мономаха провели день в установке лагеря, подготовке штурмовых приспособлений и сборе провизии в окрестностях. Ночью во вражеском лагере горели огни, но штурма города не последовало, а утром, к удивлению черниговцев, Всеволод, Изяслав и Владимир Мономах собрали свои войска и ушли.

Лишь несколько часов спустя к городу прибыли гонцы от князя Олега Святославовича. Молодые князья уже приближались к Чернигову с подкреплением, поэтому Изяслав, Всеволод и Владимир Мономах сняли осаду и двинули свое огромное войско на встречу Олегу. Черниговцы вздохнули с облегчением, хотя многие из них понимали, что у молодых князей в этом противостоянии мало шансов.

Я с Ратимиром покинул город и двинулся в лагерь князя Олега Святославовича. Князья из Тмутаракани и Милена были рады увидеть нас снова, но в глазах радушных и приветливых князей читалась сложность сложившейся ситуации.

Войска киевского князя с союзниками и войска князей Олега и Бориса расположились друг напротив друга около села Нежатина Нива. Судьба свела в этом столкновении двух друзей и недавних союзников в походе на Богемию: князей Олега Святославовича и Владимира Мономаха.

Киевский князь Изяслав и его союзники были очень самоуверенны, их войско в два раза превосходило по численности силы князей Олега и Бориса. Впоследствии мне рассказывали, что самодовольные князья Изяслав и Всеволод ожидали, что Борис и Олег сами пойдут на переговоры и будут молить о прощении. И в этом случае князь Изяслав собирался потребовать, чтобы молодые князья пошли с ним на Тмутаракань. Он давно мечтал окончательно разобраться с сыновьями князя Святослава Ярославича и таким образом отомстить за свое изгнание.

Но все обернулось иначе, в лагере молодых князей не утихали жаркие споры. Я, Ратимир и Милена находились в шатре, где князья Олег и Борис спорили о том, что делать дальше. Князь Олег Святославович, видя неизбежность поражения, настаивал на проведении переговоров с Изяславом. Совсем по-другому видел ситуацию Борис, потратив последние средства на то, чтобы нанять половцев и немцев для этого похода, Борис не собирался так просто отступить.

— Не для того я покинул Саксонию, чтобы теперь прислуживать своим врагам. Ты, Олег, мне рассказывал про унижения, которые терпел при дворе князя Всеволода. Неужели ты хочешь к этому вернуться? Они ждут, что мы станем перед ними на колени, но этого не будет! — сказал Борис Олегу. При этом глаза князя Бориса горели ненавистью, а тон сказанного передавал уверенность в своей правоте и непоколебимую волю.

— Опомнись, Борис, сейчас мы не можем победить, придется уступить Изяславу. Если мы останемся в живых, у нас еще будет шанс воздать Изяславу и Всеволоду по заслугам, но если мы сегодня погибнем, все будет кончено! — сказал Олег, пытаясь уговорить Бориса на переговоры.

На мгновение в шатре установилась тишина, князь Борис посмотрел на находящуюся в шатре озадаченную Милену и задумался. И вдруг обычно веселый Борис пришел в ярость:

— Если желаешь, Олег, смотри, как я буду сражаться со стороны! Разговор окончен!

Князь Олег был в растерянности, наблюдая, как князь Борис готовит своих воинов к сражению. Поднявшись на возвышенность и увидев смеющихся князей Изяслава, Всеволода и Владимира Мономаха, Олег отдал своему войску приказ готовиться к битве.

Боевое построение и нападение войска молодых князей было полной неожиданностью для князя Изяслава. Тмутараканьские войска и половцы вначале потеснили передние ряды войск Изяслава, но затем были остановлены и отброшены профессиональными войсками Мономаха и превосходящими силами Ярославичей. Князь Олег с волнением наблюдал за битвой и укорял себя за то, что поддался на уговоры Бориса.

— Ну что, видишь, еще чуть-чуть и наши войска будут разгромлены, этого ты добивался? Посмотри на улыбающихся князей Изяслава и Всеволода, они смеются над нашей глупостью. Говорил я тебе, нужно начать переговоры, теперь мы точно погибнем или закончим свои дни в заточении, — сказал надрывно Олег.

— Не переживай, сейчас я сотру улыбки с их лиц! — сухо сказал князь Борис и коснулся рукой вьющихся волос Милены, затем повернулся ко мне и добавил:

— Передайте князю Всеславу, чтобы он благосклонно отнесся к Смоленску и его жителям, ведь все мы братья кривичи.

После Борис дал команду верным ему немецким наемникам и ринулся в бой. И вновь произошло подобие чуда. Намеренно обойдя закаленные полки Мономаха, князь Борис Вячеславович с невероятным напором ударил с немцами по войскам князя Изяслава, и, в завязавшейся рубке, прорубил себе коридор к Изяславу, Всеволоду и Владимиру Мономаху.

Князья Ярославичи пришли в ужас, и даже я с Ратимиром и князь Олег не могли поверить в происходящее. Дружинники Изяслава, Всеволода и Мономаха бросились на помощь своим князьям, но было слишком поздно. Один из немцев, ехавших рядом с князем Борисом, на полном скаку ударил копьём в плечо великому князю Изяславу, нанеся ему глубокую рану. Князь Борис стал рубиться с князем Всеволодом, выбил из руки Всеволода меч и нанес ему удар в шею. Но в последний момент послышался звон стали — это князь Владимир Мономах отразил удар Бориса, спасая своего отца. Взгляды князей Бориса и

Мономах встретились, и, говорят, от сурового взгляда Бориса даже бывалого Мономаха передернуло.

Тут подоспели профессиональные полки князя Мономаха и оттеснили Бориса и немцев. В этой схватке Борис и его воины бились отчаянно, пытаясь вновь пробиться к испуганным Изяславу, Всеволоду и Мономаху, но все было бесполезно, момент был упущен. Сражаясь с Борисом и его воинами, погибло много дружинников, но и немцы падали за мертвым один за другим. Борис искал славы победителя или смерти и не собирался отступать. Неожиданно один из дружинников Мономаха, ударом копья сбил князя Бориса с коня, и ополченцы изрубили Бориса на земле.

Милена сделала резкий испуганный вдох, а Ратимир замерли в оцепенении.

— Борис! Что же ты наделал! — надрывно закричал князь Олег, видя смерть своего товарища.

Князь Изяслав валялся на земле в крови, и командование войсками принял на себя князь Всеволод. Ополченцы и дружинники Всеволода и Мономаха ударили по разрозненным половцам и тмутараканским войскам, окончательно их разгромив. Все было кончено, тех, кто не смог бежать, окружали и вырезали киевляне и смоляне. Войска Всеволода и Владимира Мономаха подступали все ближе.

— Ваша светлость, нужно бежать! — сказал Ратимир, обращаясь к Олегу.

— Куда мне теперь бежать? Это конец! — равнодушно и задумчиво ответил князь Олег.

— Вы еще сможете продолжить борьбу, если будете живы! — сказала Милена.

— Да, я продолжу борьбу в память о Борисе и моем брате Глебе! — сказал князь Олег, и его глаза от сказанного будто загорелись каким-то светом.

Князь Олег собрал свою дружину и спешно покинул поле битвы, Всеволод не стал преследовать Олега.

Путь был долог, и князь Олег Святославович вел себя не так, как прежде, он молчал почти всю дорогу назад и предпочитал ехать поодаль от своего сопровождения. Жители Тмутаракани встретили нас осуждающим молчанием. Говорят, ночью после поражения по Тмутаракани бродил призрак плачущей старухи, одетой в скифскую одежду. После нашего возвращения в город князь Роман Святославович внимательно выслушал рассказ князя Олега. Роман помянул отважного князя Бориса и вместе с Олегом стал решать, что делать дальше. После понесенных людских потерь местных воинов выход был только один: нанять как можно больше половцев, чтобы компенсировать потери. Вскоре гонцы принесли новости: от тяжелой раны, полученной на поле битвы, князь Изяслав Ярославич скончался. Новым великим князем стал Всеволод Ярославович.

— Ты, Олег, и Борис спасли город Чернигов от разграбления, столкнувшись с Изяславом. И князь Борис добился того, чего хотел, убил своего главного врага, жаль, что он не смог отправить на тот свет и Всеволода с Мономахом. Пока Всеволод и Мономах будут делить власть с сыновьями князя Изяслава, у нас есть шанс вернуть Чернигов, — сказал Роман.

Было решено собрать оставшиеся войска Тмутаракани, нанять половцев и двигаться как можно быстрее к Чернигову.

Во время битвы у Нежатиной Нивы, лицо дружинника, скинувшего копьем князя Бориса с коня, мне показалось знакомым. Лишь через несколько дней после битвы я вспомнил, откуда знаю дружинника князя Мономаха. Когда воспоминания вернулись, я подскочил словно меня облили ошпарили кипятком, в смерти князя Бориса был повинен убийца моего

отца и матери, бывший дружинник князя Мстислава.

Я и Ратимир решили сопровождать Романа и Олега и в этой компании, я должен был отомстить убийце родителей во чтобы то ни стало. После битвы несколько ночей подряд мне снился один и тот же кошмар: будто я в обличье волка наблюдаю, как в шатер к князю Роману заходят три черных пса. Князь Роман крепко спит, псы набрасываются на него и разрывают князя Романа на куски. Я бегу на помощь Роману и в этот момент просыпаюсь в холодном поту.

У князя Романа также было плохое предчувствие по поводу похода и он взял слово с князя Олега, что Олег сбежит в случае его гибели. В походе князь Роман часто вспоминал о своем великодушном и мудром отце и о том, как дождливым днем ему сообщили о прибытии князя Бориса, гостя, который в первый же день пребывания в Тмутаракани просто очаровал его жителей.

Уже на полпути до Чернигова половцы покинули нас. Вождей половцев подкупил князь Всеволод.

С оставшимся у Романа войском было бессмысленно начинать войну с Всеволодом, поэтому Роман и Олег решили вернуться назад в Тмутаракань.

Лазутчики донесли князю Роману, что лагерь князей Всеволода и Мономаха находится недалеко от нас и я решил, что это мой шанс. Ночью я оседлал коня и помчался к лагерю князя Всеволода, я проехал несколько километров, когда заметил что меня кто-то преследует. Остановив коня, я вынул из ножен меч, всадник выехал за мной на освещенную луной поляну, это была Милена.

— Что ты здесь делаешь, немедленно отправляйся назад в лагерь! — закричал я.

— Нет. Я поеду с тобой, Светозар! — спокойно ответила Милена.

— Это мое личное дело, я даже Ратимира не взял с собой, я один должен рискнуть и отомстить убийце отца и матери. Женщинам здесь не место! — ответил я.

— Да, женщинам здесь не место, но на этой войне я не женщина, а воин! Одного тебя убьют, что хочешь делай, но я останусь с тобой! — серьезным тоном сказала Милена.

Я махнул рукой и отправился дальше в путь. Когда мы подъехали к лагерю князя Всеволода, Милена предложила мне свой план действий, с которым пришлось согласиться.

Даже со своими способностями волколака я не мог быстро найти дружинника, а обойти и осмотреть хорошо охраняемый лагерь, так же было невозможно. И Милена предложила устроить переполох, чтобы все покинули шатры и зажгли факелы.

Сняв доспехи, Милена осталась в своей полупрозрачной узорчатой легкой одежде, и это было потрясающее зрелище. В таком виде она направилась прямо к воину, несшему вахту.

От вида завораживающе красивой девушки дружинник князя Всеволода растерялся. Милена широко улыбалась, но как только она подошла ближе, Милена сделала резкий выпад и отточенным ударом кинжала в шею, оборвала жизнь бедолаги.

Затем я принес ей доспехи, и мы подожгли неохраемые шатры.

Огонь быстро распространился по лагерю, послышался тревожный гул рожка и воины начали метаться между шатров, пытаясь потушить пламя. Я осматривал встревоженных метавшихся воинов и внезапно увидел убийцу из прошлого, он стоял рядом с князем Владимиром Мономахом в окружении большого количества своих боевых товарищей.

Однако меня уже не волновали последствия, ярость затмила мой разум и я бросился к Владимиру Мономаху. В сложившейся неразберихе на меня обратили внимание не сразу, а затем профессиональные воины Мономаха попытались меня остановить. Все решили, что

моей целью является сам Владимир Мономах, ведь убийца моих родителей стоял рядом с князем.

Я опасался дружинников Владимира Мономаха, в бою они действовали невероятно слаженно, но их тактика со сложными сигналами и построениями оказалась непригодной для отражения внезапного нападения одиночки. Выяснилось, что к схватке один на один я был подготовлен намного лучше.

Со шквалом ударов я врезался в охрану князя, трое дружинников, ставших на моем пути, молниеносно пали замертво, а я все продолжал прорываться к князю, оставляя за собой дорогу из трупов. Я был отлично подготовлен Ратимиром и как волколак обладал лучшей реакцией, чем обычные люди. Я убил многих, но идея прорыва к князю была слишком самонадеянной, вскоре сказался профессионализм и слаженность войск Мономаха, дружинники окружили меня плотным кольцом, собираясь меня изрубить. Я взял в руку крестик, подаренный мне Татьяной и приготовился к смерти, но в последний момент за спиной я услышал звон стали. Отважная Милена спасая меня, напала на дружину Мономаха. Я на мгновение обернулся и увидел невероятное зрелище: Милена орудовала саблей и кинжалом нанося смертельные удары во всех направлениях вокруг себя. Воины были ошарашены видом неистово сражающейся женщины и, должен признаться, у нее был талант. Удары Милены в шею, лицо и под ребра сметали окружающих воинов, как подкошенную траву. Огромный варяг кинулся на нее с топором, но пластичная Милена легко уклонилась от удара топора, после чего ударом ноги по сапогам варяга сбила его с ног и молниеносно зарубила. Разящей смертью Милена разомкнула кольцо дружинников вокруг меня, после чего оседлала лошадь князя Мономаха и немного отъехала от лагеря.

Я усилил натиск, прорубился к старому дружиннику, стоящему рядом с князем, и разрубил ему горло, для этого мне пришлось зарубить еще пять дружинников и отбить два боковых удара меча князя Мономаха. Кровь убийцы моих родителей, хлынула фонтаном, попав на доспехи ошарашенного Владимира Мономаха, после чего я улыбнулся грозным оскалом.

— Это тебе, ублюдок, за Снежану и Горислава, убитых тобою в Полоцке! — закричал я корчащемся в конвульсиях дружиннику и бросился бежать.

Воины князей Мономаха и Всеволода устремились в погоню за мной и Миленой, тогда Милена немного оторвалась от преследователей на лошади Мономаха, и, развернув лошадь, начала стрелять из лука по преследователям. Это была безжалостная по точности стрельба, на каждую выпущенную стрелу приходился убитый, в Полоцке так стрелять умел только Вадим.

После десяти павших от стрел, ошарашенные воины бросились бежать, тогда Милена с усмешкой начала их догонять и рубить с коня саблей, после чего обрушила град стрел уже на моих преследователей. Я добежал до своего коня, и мы с Миленой помчались прочь.

Двое варягов, оседлав коней, попытались нас преследовать, но Милена повернулась на полном скаку с луком в руках, и двумя выпущенными стрелами умервила обоих. Мы с Миленой вошли в раж и громко смеялись, уезжая из горящего вражеского лагеря. За нами оставались пылающие шатры, гора трупов и ошарашенный князь Владимир Мономах, провожающий нас проклятиями. Преследовать нас больше никто не решился.

Князь Всеслав мне когда-то говорил, что, обученные воевать в слаженной единой системе, войска Владимира Мономаха — это войска будущего Руси. Мчась на полном скаку из лагеря князей Мономаха и Всеволода, я вспомнил слова полоцкого князя и подумал, что,

возможно, это действительно так, но в ту ночь я с Миленой передал этим войскам приветствие из славного прошлого.

— Я никогда не видел, чтобы так стреляли с лошади, да и в пешем бою ты сражаешься превосходно! — с восхищением сказал я, когда мы снизили темп скачки.

— А ты думал князь Роман держит меня при себя за красивое лицо? К слову ты тоже сражаешься неплохо! — сказала с улыбкой Милена.

Еще находясь в возбуждении от схватки в эйфории от мести, я остановился, чтобы смыть кровь у реки. Я сам не знаю, что на меня нашло, ведь оставалась опасность погони, но я подошел к Милене и наши взгляды встретились.

— Что? — смутившись, с улыбкой спросила Милена. Я аккуратно стянул ее с лошади и положил на ковер степных цветов. Мы слились в жарких поцелуях, Милена тоже еще не отошла от схватки. Я начал ласкать ее бедра и расстегнул ремешки на ее кольчуге. Холод звеньев кольчуги Милены, смешался с жаром ее нежного тела. Еще недавно столь грозная в бою, Милена стала страстной и ласковой.

С рассветом мы вернулись в свой лагерь.

Стражи у шатра Романа не было, что нас очень насторожило. Я и Милена тут же достали оружие и бросились ко входу в шатер. Из шатра Романа выбежало три воина, и завязалась схватка. Звон стали нарушил степную тишину, против меня и Милены у незнакомцев не было никаких шансов и вскоре двое из них лежали мертвыми на земле, последнего воина мы взяли живым. В шатер к Роману с горящим факелом вошел Олег и мы увидели лежащим в шатре убитого князя Романа, на животе которого виднелись две окровавленные раны. Зарубленные мной и Миленой убийцы оказались охранниками Романа.

— Кто вас нанял? Отвечай! — закричал князь Олег, прижигая факелом лицо плененному охраннику.

— Нас нанял Владимир Мономах! — испуганно и сбивчиво от боли произнес охранник. Тут я заметил силуэт черного пса, вышитый на его одежде. Олег перерезал охраннику горло и пригласил меня и Ратимира к себе в шатер.

— Эх, Владимир, хорош друг, как ублюдок подкупил охрану! Хотя вряд ли это его идея, во всем виноват Всеволод, это он боится воевать с нами на равных. Я отомщу, чего бы мне это не стоило! — сказал нам пьяный князь Олег, наливая себе в кубок вина.

Из Тмутаракани с подарками для князя Всеслава, переданными Олегом, я и Ратимир отправились в Полоцк. Милена решила остаться при князе Олеге.

— Это мой долг, Светозар, может быть когда-нибудь мы еще встретимся! — сказала она и страстно поцеловала меня на прощание.

В дороге домой я чувствовал свою вину, в Полоцке меня ждала Татьяна, но как я мог устоять перед Миленой, проявившей ко мне интерес?

Князь Всеслав с большим интересом выслушал мой с Ратимиром рассказ об отважном князе Борисе, предательстве половцев и убийстве князя Романа.

— Какие достойные люди эти Святославичи, сыновья по имени Борис и Глеб у меня уже есть, и если дальше у меня будут рождаться сыновья, то я назову их в честь князя Святослава и его убитого сына Романа. У меня тоже есть для вас новости. Пока вас не было, Владимир Мономах додумался отправить под стены Полоцка половцев. Одно дело, когда половцев нанимали князья Борис и Роман для сражений в степи, на половецкой территории, Тмутаракань вообще черт знает где от русских земель. Но, проведя половцев через всю Русь, Мономах предал русские интересы.

Искусные стрелки, половцы подавили наших лучников, и их хан стал самодовольно разъезжать у наших стен. Тогда на стены Полоцка поднялся Вадим со своим составным луком и одним прицельным выстрелом сбил с половецкого хана шлем. Это произвело на кочевников сильное впечатление, и они стали держаться от наших стен подальше.

И все же Мономах на этот раз умудрился поджечь нашу надвратную башню, правда, мы ее быстро потушили. Я ответил Владимиру Мономаху, совершив поход на Смоленск и спалил этот город дотла! Пусть учится Ярославово семя, как нужно города поджигать! — сказал с усмешкой Всеслав, обращаясь ко мне и Ратимиру.

— Как дотла? И Владимир Мономах не ответил? — удивленно спросил Ратимир.

— Ответил конечно, он атаковал наши крепости Лукомль, Лагойск и Друцк, но безуспешно. Хотел сжечь Полоцк, а в итоге остался без Смоленска, позорище! — с улыбкой ответил Всеслав.

— У вашей светлости какая-то страсть сжигать города, то Новгород, то Смоленск! — сказал Ратимир, и они с князем громко засмеялись.

За то время, что я провел в поездке в Тмутаракань, мою любимую девушку Татьяну выдали замуж за богатого купца из Чернигова по имени Игорь и она покинула Полоцк. Лишиться обеих девушек для меня было хуже смерти, и я готов был отправиться за Татьяной в Чернигов. Но Татьяна, зная мой горячий нрав, перед отъездом отправила мне послание через подругу, о том, что между нами все кончено. В ярости я выбросил ее крестик в Двину.

Жизнь в Полоцке постепенно возвращалась в спокойное русло. Владимир Мономах вернул Смоленску крепость Копысь, но Оршу князь Всеслав удержал и получал от нее приличный денежный доход. Окрестности города Полоцка были отстроены еще более масштабно, чем до сожжения Мономахом.

Уже находясь в Полоцке, я узнал о том, что князя Олега предали. По договоренности с князем Всеволодом, хазары и половцы схватили Олега и отправили его к византийскому императору в Константинополь.

Впоследствии я узнавал новости от купцов, и внимательно следил за судьбой этого князя. После бунта в Константинополе пьяных русских наемников князя Олега Святославовича перевезли на остров Родос. Однако через пару лет жизни на Родосе новый византийский император Алексей Комнин отпустил князя Олега в Тмутаракань, куда Олег прибыл со своей новой женой, знатной византийкой Феофанией Музалон. Я слышал, Олег великодушно отнесся к новым правителям Тмутаракани, отпустив их живыми, зато с теми, кто его предал, Олег Святославович жестоко расправился. Следы Милены, были мною утеряны.

Прошло около восьми лет с момента установления перемирия князя Всеслава с Владимиром Мономахом. Полоцкий епископ Никифор стал киевским митрополитом. Полочане привыкли к спокойной мирной жизни, когда угроза для Полоцка появилась из его

окрестностей.

В один из дней, когда в Полоцке гостили послы из города Владимира-Волынского, в Полоцк пришла уже знакомая мне с детства ведьма и потребовала встречи с князем Всеславом.

Полоцкий князь принял ведьму в тереме в окружении своей дружины, Вадима и Ратимира, присутствовал там и я.

— Зачем ты хотела меня видеть? — спросил Всеслав, обращаясь к ведьме.

— Я не стала бы беспокоить столь великого правителя как вы, но у меня есть к вам дело, светлейший князь. Надеюсь, ваша светлость еще помнит, что я когда-то спасла вашу семью, — заискивая, обратилась к Всеславу ведьма.

— Что ж, я все помню, но что за дело привело тебя ко мне? — ответил Всеслав, которого явно насторожили рассуждения ведьмы.

— Я знаю многое не доступное простым смертным и впредь готова помогать вам и вашим потомкам. А дело такое: за последние десятилетия у меня скопилось изрядное количество серебра, и мне хотелось бы вложить его в торговлю. Я нижайше прошу вашу светлость, как правителя такого огромного и богатого княжества как наше, дать мне в удержание какой-нибудь незначительный портовый городок, с выплатой мной оговоренной дани, конечно, — сказала ведьма, перестала кланяться и смело посмотрела в лицо полоцкому князю.

— И откуда у меня только берутся такие наглые подданные? Ты, старая карга, должна быть благодарна, что ни я, ни мой отец с тобой не расправились и позволили тебе жить возле Полоцка, несмотря на твои темные дела. Более того, за твои услуги я тебе щедро заплатил. Но тебе мало спокойной жизни и денег, теперь тебе подавай город. Никогда в христианской полоцкой земле, где покоится еще креститель Исландии — святой Тимофей, не будет распоряжаться ведьма. Убирайся прочь, старуха, пока я не приказал тебя казнить! — обозлено, переходя на крик, ответил Всеслав и дал сигнал своим дружинникам увести ведьму.

Тут разозлилась уже ведьма, ее без того жуткое морщинистое лицо перекосилось в оскалившейся гримасе, один ее глаз закрывало бельмо, но второй горел гневом. Двое дружинников взяли ведьму под руки, но она отшвырнула их с невероятной легкостью. Всеслав, я и дружинники, находящиеся в тереме, схватились за оружие. Внимательно осмотрев окружающих, на время остановив свой взгляд на Вадиме, ведьма улыбнулась и снова обратилась к Всеславу, но уже совсем другим, более озлобленным тоном:

— Твой отец пощадил меня, князь, и это было его большой ошибкой. Последние десятилетия принесли полоцкой земле много страданий, смертей и разорений — всего того, что питает мои силы. И сегодня я намного сильнее, чем при твоём отце, ты еще пожалеешь, что отказал мне и сам будешь просить о пощаде, неблагодарный князь. Я найду на твой город навий, а христианская полоцкая земля сама даст мне войско, чтобы с тобой сражаться, Всеслав.

Внезапно в терем ворвался сильный порыв ветра, и ведьма молниеносно исчезла из терема. Князь Всеслав опешил от увиденного, а после серьезно забеспокоился, древнее зло вышло из-под контроля.

Оседлав огромного черного вепря, мерзкая ведьма стала летать над полотчиной и читать заклинания. Со стороны топких поганых болот ветры принесли в Полоцк удушливый туман. В тумане были слышны шепоты, а на земле после клубящегося тумана оставались

огромные следы, похожие на птичьи. Полочане, вдыхавшие отравленный воздух, покрывались язвами или падали обессиленными, после чего на них находил жар и они впадали в беспамятство.

— Люди говорят, что это навии, а не туман! — сказал Всеславу Вадим.

— Значит, худшее еще впереди, — задумчиво ответил Всеслав.

Вскоре действительно начало происходить что-то невероятное, нечто похожее на кошмар, только в реальности. От этих воспоминаний у меня до сих пор кровь стынет в жилах. Туман рассеялся, и мертвецы в Полоцке и его окрестностях начали оживать и подниматься из могил. Мертвецы нападали на всех встречных людей, пытаясь их загрызть, задушить, порвать на куски или забить насмерть. Ожившие мертвецы были на удивление проворны и сообразительны.

Знавший чего ожидать от навий Всеслав, организовал посты из дружины и ополченцев по всему городу. Но сражаться с мертвецами было непросто, выяснилось, что они не боятся огня и телесных ранений, останавливало их только обезглавливание.

Князь отдал приказ закрыть ворота и по всему городу началась кипучая схватка. Дружинники с большим трудом справлялись с мертвецами, но имевшие меньший опыт простые горожане погибали в большом количестве.

Двое мертвецов, бывшие разбойники, управляемые ведьмой, пришли в дом Вадима. Пройдя сквозь калитку дома они начали рыскать по двору и заглядывать в окна. Но Вадим подготовился, после появления ведьмы он залил свой двор водой и превратил его в вязкое месиво. Незадачливые мертвецы попросту увязли в размокшей глине, и в момент, когда они уже не могли сдвинуться с места, к ним из дома вышел Вадим. Без доспехов, с флягой с пивом в руках, Вадим лишь беспечно улыбнулся, увидев мертвецов попавших в ловушку.

— Чего пришли? Не помню, чтобы я вас к себе приглашал, отправляйтесь назад в ад и ждите там свою хозяйку-ведьму. Не сомневайтесь, она вас скоро догонит! — сказал Вадим, и обезглавил мечом обоих мертвецов.

Через какое-то время, понеся большие потери, полочане справились с нечистью в пределах города. Но оставалась более серьезная проблема, мертвецы со всех окрестностей Полоцка собирались у полоцких ворот. Ведьма на черном вепре пролетела над городом и уклонившись от стрел лучников, остановилась в воздухе над князем Всеславом.

— Видишь эту бесчисленную армию мертвецов, князь? Все они погибли в твоё правление. Я всего лишь жалкая старуха, живущая в лесу, ты, Всеслав, а не я, главный источник бедствий и разорения Полоцка, это ты создал бескрайнее зло, я лишь его разбудила. И сегодня тебе придется держать ответ перед жертвами твоего тщеславия, — сказала ведьма с усмешкой и улетела прочь.

Наступал вечер и князь Всеслав, не дожидаясь подхода всей армады покойников, отправил меня и Ратимира отыскать и убить ведьму. Полоцкий епископ благословил нас перед дорогой на богоугодное дело. Окропив святой водой наших лошадей, епископ сказал:

— Теперь ведьма не сможет сбить вас с пути!

Уже отъезжая от Полоцка я наблюдал, как мертвецы окружили город и стали штурмовать огромным бревном ворота. Полочане кидали в мертвецов камни и стреляли из луков, но ничего не помогало, нам нужно было спешить.

Я с Ратимиром направился к дому ведьмы, в небе сверкали молнии и гремел гром, но дождя и туч не было. Загадочный вечно зеленый лес, качаясь от ветра, поднимал свои ветви, словно уступая нам дорогу. Наконец в свете полной луны, озарявшей поляну, мы увидели

дом ведьмы.

Я удивился, увидев у дома цветущую яблоню, ведь была уже глубокая осень. Два воина в сверкающих доспехах и на вороных конях, мы готовы были сразиться с тысячами ведьм.

На порог нам навстречу вышла молодая красивая девушка с черными волосами и в кружевной белой одежде. Я не сразу узнал в ней ведьму, лишь ее походка и речь отдаленно напоминали прежнюю старуху.

— Ко мне никак гости приехали, и ты тут, Светозар, какой ты стал красный молодец! Может, зайдете ко мне в дом, все обсудим? Вы настроены враждебно, но я не хочу с вами сражаться. И более того, тебе, Ратимир, я могу вернуть молодость, а тебе, Светозар, я предлагаю остаться со мной жить и править. А что, чем я не жена или я тебе не нравлюсь? — сказала ведьма и громко засмеялась.

— Некогда нам с тобой разговаривать, мы приехали тебя убить, гнусная тварь! — думая о нашествии мертвецов, сказал я.

— Не хотите, значит, договориться? Что ж, такая глупая блохастая псина, пожалуй, мне в мужья не годится. Знаешь, Светозар, духи леса мне предсказали, что меня убьет чистокровный волколак, поэтому я опасалась твоего отца. Но после того, как его и твою мать убили, остался только ты. Когда-то я не смогла убить тебя из-за Ратимира и Вадима, но сейчас я это исправлю, — сказала обиженным тоном ведьма.

Произнося последние слова, ведьма оторвалась от земли, взлетела вверх и плавно опустилась на крышу своего дома. После этого ее дом, стоящий на четырех столбах, поднялся вместе с ней в воздух. Столбы разложились в воздухе по четырем сторонам света параллельно земле и вся эта деревянная конструкция завертелась под ногами неподвижной ведьмы по кругу.

— Вы, волколаки, не поддайтесь чарам, но Ратимир обычный человек, — сказала с улыбкой Ведьма и, посмотрев в глаза Ратимиру, добавила: — Эстин все еще жив, Ратимир, оглянись, он стоит рядом с тобой, убийца твоего сына вернулся!

От взгляда ведьмы, Ратимир вначале оцепенел, а затем словно сошел с ума. Достав меч, Ратимир накинулся на меня, и хотя я был гораздо моложе Ратимира и обладал лучшей реакцией, его удары я отразил с большим трудом.

Ратимир бился отчаянно и насмерть, я же не мог ему достойно ответить, ведь убивать Ратимира я не хотел. Глядя на нашу схватку, ведьма громко и злорадно смеялась, молодым звонким смехом. Противостояние склонялось не в мою пользу, когда вдалеке послышался звон колоколов церкви Святой Богородицы.

От звона колоколов Ратимир пришел в себя и осмотрелся с удивлением, не понимая, что происходит. Тогда ведьма начала читать какие-то заклинания.

От возвращающегося дома ведьмы поднялся сильный вихрь, который свалил меня и Ратимира на землю, и в воздух рядом с домом ведьмы поднялись два сухих дерева. Проведя руками возле деревьев, ведьма разломала их стволы на тысячи длинных кусков, после чего обрушила разломанные стволы на меня с Ратимиром.

Ратимир успел закрыться щитом, однако от сильного удара, его отбросило в сторону, и, ударившись головой о корягу, Ратимир потерял сознание.

Я пострадал сильнее. В момент, когда ведьма расщепила на куски сухие деревья, на меня из леса с визгом бросился огромный черный вепрь. Я уклонился от его клыков и одним ударом меча оглушил вепря, а вторым разбил ему голову. Но, когда я вновь повернулся лицом к ведьме, разделенное на куски дерево, внезапно ударило мне в кольчугу. Его острые

волокна прошли сквозь звенья кольчуги и глубоко пронзили мое тело. Нестерпимая сильная боль меня тут же обездвижила, а из-под кольчуги потоком хлынула кровь, и я беспомощно скорчился в конвульсиях.

— Ну что, Светозар, ты еще живой? Духи леса видимо склонны преувеличивать, потерпи немного, сейчас все закончится! — наблюдая мои мучения с толикой жалости в голосе, сказала молодая ведьма.

Лежа на лесной поляне, мне показалось, что трава, контуры которой сверкали в лунном свете, и деревья ожили. словно лесной народ в шуме ветров, травинки и деревья начали перешептываться между собой.

Ведьма плавно провела рукой по воздуху, отчего из земли с хрустом и скрипом начал подниматься огромный камень. Скорчившись от боли, я не мог даже пошевелиться, не говоря о том, чтобы уклоняться, и мое тело свело судорогой перед неизбежной гибелью.

В этот момент один из листьев, находящейся рядом березы, стал сильно трепетаться на ветке, хотя никакого ветра вокруг не было. Через мгновение все листья березы словно в едином порыве обрушились на ведьму. Молодая ведьма пошатнулась и, с трудом устояв, машинально начала отмахиваться от потока листвы. И тогда тысячи перешептываний травинки и деревьев, окружавших меня, слились в одну фразу:

— Сражайся, Светозар!

Лежа в траве, я почувствовал свое единство со всеми живыми существами в лесу и услышал таинственную мелодию ночного леса, о которой мне так много рассказывал отец. Со времени моего детства многое изменилось. Теперь я был сформировавшимся волколаком, представителем лесного народа, и этот лес был моим домом, здесь все живое было на моей стороне. Ведьма продолжала читать заклинания, но к ее удивлению, чары перестали действовать, напротив, корни соседних деревьев обвили намертво камень, не давая его поднять.

Среди каскада мелодий ночного леса я ощутил невероятный прилив сил и моя боль начала утихать. Под шквальными проклятиями ведьмы, чуть удерживаясь против возобновившегося вихря, я поднялся на ноги. Все еще истекая кровью, с кусками дерева, торчащими из кольчуги, я взял в руки меч Торвальда, потерянный Ратимиром, и двинулся в сторону ведьмы. Рассмотрев столбы вращающегося дома, я прыгнул, ухватился за один из них и подтянулся к ведьме. Увидев меня рядом, ведьма в ужасе кинулась на землю, и ее вращающийся дом тут же рухнул, вместе со мной.

Оскалившись, отряхивая с себя деревянные щепки, я поднялся с земли на ноги и стал искать ведьму вокруг. Ведьма стояла неподалеку, и в свете яркой луны я вновь восхитился ее грациозностью и красотой. Я всегда с уважением относился к женщинам, и речи не могло идти о том, чтобы я поднял на них руку, а здесь передо мной была молодая красавица, и я замешкался.

— Ну зачем тебе меня убивать, Светозар? Тебя беспокоит Полоцк, так я оставлю этот город в покое. Пощади меня! А если хочешь, идем со мной и я подарю тебе новый мир! — молодым заигрывающим голосом сказала ведьма.

Видя мое замешательство, она подошла ко мне. Молодая девушка с распущенными черными волосами, ее большие карие глаза светились искренностью, а приятные черты лица и белоснежная улыбка завораживали. Своей нежной ладонью она провела мне по щеке.

В этот момент я услышал далекий звон полоцких колоколов и увидел перед собой одноглазую жуткую старуху, в ужасе я оттолкнул ведьму, она засмеялась и снова стала

молодой. Тогда я собрался с духом, взял меч и бросился к ней. Молодая ведьма побежала в лес, но я бежал быстрее, чем она. Преследуя ведьму, я увидел бездыханно лежащего Ратимира, и решил, что он погиб.

— Беги куда хочешь, тварь, я знаю твой запах и легко найду тебя в лесу! — закричал я.

Увидев, что я ее догоняю, ведьма испугалась, сделала круг по лесу и вновь выбежала к своему дому. Я побежал за ней, но, выйдя из леса, потерял ее.

Луна освещала поляну, но ведьмы нигде не было видно. Тут я обратил внимание на две цветущие яблони, ведь когда я подъезжал к дому ведьмы с Ратимиром, яблоня была только одна.

Сжав покрепче меч, я подошел к яблоням и увидел в одной из них черты молодой девушки, это был скорее идол с ветвями, чем обычное дерево. Внезапно яблоня превратилась в страшную старуху, которая с ужасающим криком бросилась на меня. Я молниеносно отскочил в сторону и отрубил ведьме голову. Говорят в момент смерти ведьмы, мертвецы под стенами Полоцка, которые к тому моменту уже разбили ворота, все упали на землю, какая-то сила покинула их.

Я справился с ведьмой, но продолжал истекать кровью, силы покидали меня, и я прислонился спиной к спасительной березе. В этот момент вдалеке появился какой-то светлый силуэт. Ко мне быстро приближалась молодая девушка со светлыми распущенными волосами, зелеными глазами и венком из цветов на голове, одета она была в белые одежды. Девушка была несоизмеримо красивее ведьмы. От ее тела исходило белое свечение. Когда девушка уже подошла ко мне вплотную, я увидел что там, где она ступает, распускаются цветы.

— Разве ты не узнаешь меня, Светозар? — спросила девушка, посмотрев мне в глаза и улыбнулась.

— Лада! — с выдохом произнес я и, почувствовав слабость в ногах, рухнул на колени. Лада подошла ко мне совсем близко, и меня коснулось исходящее от нее приятное тепло, в ее присутствии радость и спокойствие опустились на меня.

— Мое время уходит, народы забывают обо мне, меня сменит христианство, видимо так и должно быть. Ты вел себя достойно, Светозар, ты заслужил мое покровительство! — сказала богиня, а затем вновь улыбнулась, сняла со своей головы венок и надела его мне на голову. Это было последнее, что я увидел, после прикосновения венка, меня окружил слепящий обжигающий свет и я потерял сознание. Уже на следующий день меня разбудил пришедший в себя старый добрый Ратимир. Я проснулся лежащим на цветущих растениях, что было странным для поздней осени. Тело ведьмы исчезло, а от ран, нанесенных ею, у меня остались лишь небольшие отметины. Действительно ли я встретился с богиней Ладой, или это был предсмертный бред, но что-то заживило мои раны.

Все же добро, сделанное Всеславом, через меня победило зло, порожденное его правлением.

Полочане сделали новые ворота и вновь похоронили своих земляков. Вот только купцы и послы из соседних земель разнесли на всю Русь весть о случившемся, и об этом записали в летописях под 6600 годом от сотворения мира. Так ведьма ославила нашу землю как пристанище нечисти.

Через год после столкновения с ведьмой в Полоцк пришли вести о смерти князя Всеволода Ярославича. Новым великим князем Киевским стал князь Святополк

Изяславович, прибывший в Киев из города Турова.

Владение городом Туровым стало неотъемлемой чертой киевских князей, Святополк Изяславович был уже третьим туровским князем, занявшим киевский престол. Владимир Мономах не решился выступить против брата, после смерти отца уступил право на правление в Киеве князю Святополку, а сам занял город Чернигов.

Князь Святополк правил в Полоцке до возвращения Всеслава, проявив себя очень коварным правителем. Чего ожидать от нового киевского князя, Всеслав не знал и решил оправить меня к князю Олегу Святославовичу с предложением военного союза. Надев доспехи, собрав деньги и оседлав своего вороного коня, я попрощался с Полоцком в свете наступавшей утренней зари и отправился в путь.

И снова дорога в Тмутакань выдалась долгой и тяжелой, но я получил новую возможность посмотреть земли Руси. Все изменилось с момента моего последнего путешествия, встречные города разрослись, языческих капищ стало намного меньше, зато количество церквей значительно выросло, христианство завоевывало себе новые позиции в духовной жизни Руси. Рост населения городов и изменения в духовной жизни неизбежно должны были привести к качественному перерождению Руси, но к какому, я еще не знал.

По прибытии в Тмутаракань я заметил военные приготовления в городе и большое количество прибывающих в город вооруженных людей. Меня гостеприимно принял у себя князь Олег.

Я с трудом узнал князя, годы жизни в Византии изменили его. Олег был одет по византийской моде, в дорогие ткани, и вел себя очень спокойно и рассудительно. Не чувствовалось ни ненависти к князьям Мономаху и Святополку, ни обиды за прошлые поражения, у меня сложилось впечатление, что князь Олег Святославович увидел в Византии нечто поразившее его настолько, что заставило по новому взглянуть на этот мир.

Олег внимательно выслушал предложения князя Всеслава и поблагодарил за оказанное доверие и поддержку, но сказал, что у него уже есть другие планы.

— Князь Всеслав немного опоздал, я со дня на день выступаю с войском в поход на Чернигов, а Тмутаракань, чтобы ее не заняли ставленники князя Святополка, я оставляю в управление византийскому императору Алексею Комнину. Если хочешь, можешь как посол князя Всеслава, сопровождать меня в походе на Чернигов.

Немного обдумав предложение князя Олега, я согласился, по правде говоря, в дороге на Полоцк мне было с князем Олегом по пути.

Через несколько дней мы двинулись в путь на Чернигов, в этом походе князь Олег со своей византийской женой часто вечером принимал меня у себя в шатре.

— Красоту Константинополя невозможно передать словами, да и сама Византия настолько яркая, красочная и блистательная в сиянии куполов своих храмов, что с непривычки приводит в изумление. Все города, которые мне известны на Руси, и те, что я видел в Богемии и Польше, просто деревни по сравнению с Константинополем. В Византии я почувствовал себя диким варваром рядом с византийцами, мы на Руси лишь неудачно копируем их духовные ценности и культуру. Именно в Византии, краю, вечно залитом солнечным светом и хранящим мудрость тысячелетий, в столице империи Константинополе, городе, который в окружении морей связывает между собой Европу, Азию и Африку, находящимся практически в центре мира, я осознал и был озарен истинным христианским духом.

Князь Олег собирался мне еще что-то рассказать, но в этот момент его прервала жена.

Византийка Феофания Музалон не любила, когда ее муж Олег начинал восхвалять ее родину, в конце концов, сейчас она с Олегом находилась на Руси, и именно с Русью, а не с Византией было связано их будущее.

Феофания была молодой стройной девушкой, с классическими чертами лица и большими синими глазами. Ее безупречные манеры выдавали в ней знатную особу и поневоле притягивали внимание.

За время пути князь Олег успел мне много рассказать о своих приключениях в Византии, о придворной константинопольской жизни и об удививших его обычаях и нравах византийцев.

Когда мы добрались до Чернигова, жители города сами открыли нам ворота. Побеседовав с черниговцами, князь Олег узнал, что горожане пытались захватить Владимира Мономаха, чтобы выдать его князю Олегу, и Мономах закрылся в черниговской крепости вместе с дружиной.

Восемь дней продолжался штурм черниговской крепости, пока Владимир Мономах не согласился сдаться. Владимир Мономах, некогда гордый и амбициозный правитель, теперь выглядел жалким и испуганным в ожидании расплаты.

— Ну что, брат, вот мы и встретились снова. Видимо, ты оказался не лучшим правителем, раз черниговцы сами тебя мне выдали. Это ведь ты участвовал в травле моего брата Глеба, которая привела к его гибели в Заволочье, и это ты подкупил охрану, убившую моего брата Романа. И даже к убийству моего товарища, князя Бориса Вячеславовича, ты причастен. Ты и твой отец организовали мое изгнание в Византию. А сегодня ты пленен в моем городе, который незаконно присвоил себе. Есть ли тебе что сказать в свое оправдание? — жестко сказал Олег, обращаясь к Владимиру Мономаху.

— Это правда, я виноват перед тобой, Олег, я причастен к убийству твоих братьев, но я всего лишь защищал жизнь и интересы моего отца. И если бы не мое заступничество когда-то, то князь Изяслав с тобой бы давно расправился, — оправдываясь, сказал Владимир Мономах.

— Если бы не твое заступничество, меня бы убили, но сколько раз я выручал тебя в Богемии. Ты всего лишь вернул мне долг. К тому же, вместо смерти меня заключили под арест, где я был сведен в ничтожество и унижен твоим отцом. Ты же, считая, что со мной все кончено, не повел и пальцем чтобы хоть как-то улучшить мое положение.

Владимир Мономах виновато молчал, уставившись в землю, ему нечего было ответить. В грязной замызганной одежде, опустивший плечи и молчавший с виноватым видом, Владимир Мономах резко контрастировал с гордо стоящим и уверенным в своей правоте Олегом Святославовичем, одетым в дорогие одежды и сияющие доспехи.

— Что ж, брат, я знаю, что идея с убийством моих братьев принадлежит твоему отцу. И я прощаю тебя и отпускаю, пусть на Руси будет мир. Можешь ехать со своими дружинниками куда хочешь, — спокойно сказал Олег Святославович, среди черниговцев послышались возгласы негодования, но жена Олега положила ему руку на плечо.

Владимир Мономах, казалось, был ошеломлен таким великодушием своего бывшего друга, Мономах с дружинниками сели на лошадей и поехали прочь.

— Я никогда не буду воевать против тебя! — крикнул Владимир Мономах напоследок и, ускорив коня, выехал из города.

Среди ликующей толпы горожан Чернигова я увидел знакомую девушку. И, словно молния, меня сразили нахлынувшие воспоминания, это была Татьяна. Она также заметила

меня, развернулась и торопливо ускорила шаг. Я бросился за ней сквозь толпу и вскоре догнал ее возле безлюдного закоулка. Резким движением, схватив Татьяну за рукав платья, я остановил ее, Татьяна повернулась и наши взгляды встретились.

— Светозар! — испуганно произнесла Татьяна и заключила меня в свои объятия, ее волосы коснулись моего лица, и я почувствовал ее завораживающее дыхание, вскружившее мне голову. Я стал страстно целовать ее шею, поднимаясь все выше.

— Нет! Не нужно, Светозар! — прошептала Татьяна, ее объятия ослабли, и мы слились в долгим нежном поцелуе. Я продолжал ее целовать и не в силах больше сдерживать себя, начал расстегивать ее платье.

— Прошу тебя, я замужем, не нужно! — шептала Татьяна, ее глаза уже закрылись от удовольствия. Начинался сильный дождь, но мы его не замечали, Татьяна ответила мне поцелуями и ее жаркое тело, казалось, передало мне всю страсть и нежность накопленные за несколько лет разлуки.

Уже чуть позже, когда мы сушили промокшую одежду, в доме в окрестностях Чернигова, Татьяна рассказала мне свою историю. Хотя Татьяна не любила своего мужа Игоря, он оказался хорошим человеком, заботливым и внимательным к ней. Вскоре после свадьбы у них родился сын, но еще в младенчестве он заболел и умер. С тех пор отношения Татьяны с мужем заметно охладели.

— Я всегда верила, что однажды ты придешь за мной, все эти годы я любила и ждала тебя! — сказала Татьяна ласково прижимаясь к моей щеке.

— Теперь я тебя никому не отдам! — уверенно ответил я.

— Это невозможно, я замужем, сказка скоро закончится, и я вернусь домой к Игорю. Он, наверное, в поисках меня уже обыскал весь город! — покачав головой ответила Татьяна.

— Давай сбежим! В Полоцке у тебя будет все, а если захочешь, мы уедем в любой другой город, какой ты только пожелаешь! — взволнованно сказал я.

— Нет, Светозар, я так не могу!

— Но почему, что тебя здесь держит? Ведь ты не любишь мужа! Если к чему-то и стоит стремиться в жизни, так только к счастью, а со мной ты будешь счастлива!

— Мне пора уходить! — сказала Татьяна и двинулась в сторону одежды, но я вновь стал ее целовать, ее стройное тело оказалось в моих страстных объятиях и она вновь потеряла самоконтроль. Ночь мы провели вместе.

Ранним утром мы собрали вещи и отправились в путь, сидя на лошади позади меня, Татьяна крепко прижалась ко мне. Ветер бережно трепал ее волосы, она все время улыбалась, и восходящее солнце словно освещало нам путь в новую жизнь счастья и радости. Лишь на берегу реки мы слышали чьи-то крики. Я развернул лошадь, и мы увидели преследующего нас всадника.

— Это Игорь! — растерянно прошептала Татьяна и моя рука невольно потянулась к мечу. Я был готов сражаться, и реши Игорь забрать Татьяну силой, он был бы обречен. Да что там Игорь, ради Татьяны я готов был сразиться на смерть со всем Черниговом. Но всадник слишком спешил преследуя нас, его конь споткнулся и, загнанный, свалился на бок. Морда коричневого коня покрылась белой пеной.

Игорь выбрался из-под коня и беспомощно стал на колени. Он осознал, что не сможет нас догнать, а если и сможет, мой вид грозного вооруженного дружинника не оставлял сомнений в результате погони. Вид Игорь имел абсолютно жалкий.

— Не уходи, Татьяна, ты все, что у меня есть! — закричал Игорь, и, закрыв лицо

ладонями, зарыдал.

— Прости, Светозар! Но я никуда не поеду! — сказала Татьяна и спустилась с лошади, при этом вид у нее был необычайно решительный.

— А как же мы с тобой! — негодуя, возмутился я.

— Игорь был добр ко мне и у нас с ним одно на двоих горе, тебе этого не понять. Ты проживешь и без меня, Светозар, а он не сможет, я не могу с ним так поступить, — сказала Татьяна и направилась к Игорю. Она стала на колени рядом с Игорем, провела своей нежной ладонью по его лицу и поцеловала Игоря.

Я был ошеломлен, гнев затмил мой рассудок, поведение Игоря показалось мне дешевым трюком, и если уж Татьяна уходила от меня, то и этот наглый черниговец в живых не останется. Я развернул лошадь и достал меч. Ни Татьяна, ни сам князь Олег с дружиной, мне казалось никто и ничто его уже не спасет.

И вдруг что-то ударило в лезвие моего меча с резким звоном, я обернулся и увидел вдалеке Милену сидевшую на лошади с луком в руках.

— Опомнись, Светозар! Прошлого не вернуть, оставь их в покое! — сказала невозмутимо Милена.

— Что ты здесь делаешь? — с удивлением ответил я.

— Когда я услышала что ты похитил чужую жену, то сама вызвалась помочь, пообещав князю Олегу, что смогу тебя остановить без жертв! Твоя миссия здесь закончена, Светозар. Не проливай невинной крови, тебе пора возвращаться в Полоцк!

— Ты сможешь! — задумчиво сказал я и развернув лошадь поехал прочь, чувствуя на себе взгляд Милены, полный сожаления. Так бесславно закончилась моя очередная поездка к князю Олегу.

В тот день Милена была единственной, кто стал на защиту моей чести, даже когда я сам был не в состоянии этого сделать, и Милена вновь спасла меня.

Впоследствии я узнал, что Мономах не сдержал своего обещания, подстрекаемый князем Святополком он воевал против князя Олега еще долгое время, но их отношения не были однозначными и скорее напоминали соперничество поссорившихся друзей, чем борьбу врагов. Однако в результате междоусобиц Олега и Владимира погиб сын Владимира Мономаха. И Владимир Мономах написал Олегу длинное письмо, призывая его к установлению мира и окончанию междоусобиц. Примирение все же произошло.

План союза князя Всеслава с Олегом провалился, непримиримый противник Полоцка — князь Владимир Мономах становился все сильнее и опаснее и племена Прибалтики почувствовав трудности Полоцка, начали выходить из под контроля.

Я вернулся в Полоцк, упустив свою любовь. Осень Золотого века заканчивалась и впереди нас всех ждала суровая зима.

Больше книг на сайте - Knigolub.net